

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Казахстан Спектр

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

4

2023

www.kisi.kz

**Центральная Азия и Китай:
точки роста сотрудничества**
Еркин Тукумов

**Роль социально-психологических факторов в
социально-трудовых конфликтах в Казахстане**
Ербол Исмаилов

**К вопросу о влиянии ислама на семейно-брачные
отношения в казахстанском обществе**
Шолпан Жандосова,
Наталья Сейтахметова,
Мадина Бектенова

**«Один пояс, один путь» - новый тренд в
сближении цивилизаций**
Ван Лулу,
Наталья Калашникова

Глобализация языковых процессов в Казахстане
Арман Касымбаев,
Таукел Оспанов

**Развитие проекта «Один пояс, один путь» на
современном этапе: трансформация целей и задач**
Александр Суханов

**Оценка дистанционной работы в системе
государственного управления Казахстана**
Самат Ибраев,
Лариса Кусаннова,
Райлаш Турчеченова

ISSN 1562-6318

0 4

9 771562 631162

Содержание

ВЗГЛЯДЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ДИСКУССИИ

Еркин Тукумов	Центральная Азия и Китай: точки роста сотрудничества.	7
---------------	--	---

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

Ербол Исмаилов	Роль социально-психологических факторов в социально-трудовых конфликтах в Казахстане	17
Шолпан Жандосова, Наталья Сейтахметова, Мадина Бектенова	К вопросу о влиянии ислама на семейно-брачные отношения в казахстанском обществе	42
Ван Лулу, Наталья Калашникова	«Один пояс, один путь» - новый тренд в сближении цивилизаций.	57
Арман Касымбаев, Таукел Оспанов	Глобализация языковых процессов в Казахстане	74

АКТУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Александр Суханов	Развитие проекта «Один пояс, один путь» на современном этапе: трансформация целей и задач	88
Самат Ибраев, Лариса Кусаинова, Райлаш Турчекенова	Оценка дистанционной работы в системе государственного управления Казахстана	100

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Абен Асел**,
главный эксперт КИСИ при Президенте РК,
доктор PhD по экономике

Ответственный за выпуск: Алмас Арзикулов
Редактор-корректор: Акмарал Бакирова
Верстка: Меруерт Әсіл

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Бейбитшилик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644. ISSN 1562-6318

При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей. Отпечатано в Тираж.

Мазмұны

КӨЗ ҚАРАС. ОЙ-ШКІР. ТАЛҚЫЛАУ

Еркін Тұқымов	Орталық Азия және Қытай: ынтымақтастықтың өсу нүктелері 7
---------------	--

САЯСАТ ЖӘНЕ ҚОҒАМ

Ербол Ысмайылов	Қазақстанда әлеуметтік-еңбек жанжалдарындағы әлеуметтік-психологиялық факторлардың рөлі 17
Шолпан Жандосова, Наталья Сейтахметова, Мадина Бектенова	Исламның қазақстандық қоғамдағы отбасылық-неке қатынастарына әсері туралы 42
Ван Лулу, Наталья Калашникова	«Бір белдеу, бір жол» - өркениеттерді жақындастырудағы жаңа тренд 57
Арман Қасымбаев, Тәуекел Оспанов	Қазақстандағы тілдік процестердің жаһандануы 74

АҚТУАЛДЫ ЭКОНОМИКА

Александр Суханов	Қазіргі кезеңде «Бір белдеу, бір жол» жобасын дамыту: максаттар мен міндеттерді трансформациялау 88
Самат Ыбраев, Лариса Құсайынова, Райлаш Туркекенова	Қазақстанның мемлекеттік басқару жүйесіндегі қашықтан жұмысты бағалау 100

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Бас редактор **Әбен Әсел**,
ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ бас сарапшысы,
экономика ғылымдарының PhD докторы

Шығаруға жауапты: Алмас Арзықұлов
Редактор-корректор: Ақмарал Бекірова
Беттеу: Меруерт Әсіл
Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Астана қ.,
Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail:
office@kisi.kz.
Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте 1997
жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644. ISSN 1562-6318
Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға
сілтеме жасалынуы міндетті.
Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмеуі
мүмкін. . Таралымы: .

Contents

VIEWS. THINKING. DISCUSSIONS

Yerkin Tukumov	Central Asia and China: Growth Points of Cooperation 7
-----------------------	---

POLITICS AND SOCIETY

Yerbol Ismailov	The role of socio-psychological factors in social and labor conflicts in Kazakhstan 17
Sholpan Zhandossova, Natalya Seytakhmetova, Madina Bektenova	On the question of the influence of islam on family and marriage relations in Kazakhstan society. 42
Wang Lulu, Nataliya Kalashnikova	"One belt, one road"- a new trend in the rapprochement of civilisations 57
Arman Kasymbayev, Tauekel Ospanov	Globalization of language processes in Kazakhstan. 74

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMICS

Alexander Sukhanov	Development of the "One belt, one road" project at the present stage: transformation of goals and objectives . . 88
Samat Ibrayev, Larissa Kussainova, Railash Turchekenova	Evaluation of remote work in the public administration system of Kazakhstan 100

Quarterly since October 1994

Editor in Chief **Assel Aben**,
chief expert of the KazISS under the President
of the Republic of Kazakhstan, PhD in Economics

Responsible for publication: Almas Arzikulov
Editor-corrector: Akmaral Bakirova

Layout: Meruert Asyl
Address: 4 Beibitshilik str., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.
Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
The journal was registered by the National Agency of press and information of
the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644. ISSN 1562-6318
All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the
editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed by.
Copies: .

Редакционный совет

Еркин Тукумов	– председатель Редакционного совета, директор КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
Рахман Алшанов	– президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
Гульмира Илеуова	– директор ОФ Центр социально-политических исследований «Стратегия», кандидат социологических наук
Гульнар Насимова	– заведующая кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор
Вячеслав Додонов	– главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор экономических наук
Андрей Чеботарёв	– директор Центра актуальных исследований «Альтернатива», кандидат политических наук
Мартин Брусис	– доктор социологических наук, Высшая школа исследований Восточной и Юго-Восточной Европы, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана (Германия)
Синтия Каплан	– профессор Калифорнийского университета (США)
Геннадий Чуфрин	– академик РАН, доктор экономических наук, профессор
Асель Абен	– шеф-редактор, главный эксперт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор PhD по экономике
Айжан Молдагалиева	– редактор, старший эксперт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК

Редакциялық кеңес

- Еркін Тұқымов** – Редакциялық кеңестің төрағасы, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы ҚСЗИ директоры, саясаттану ғылымдарының кандидаты
- Рахман Алшанов** – «Тұран» білім беру корпорациясының президенті, Қазақстан Республикасы ЖОО-лар Ассоциациясы президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Гүлмира Илеуова** – «Стратегия» әлеуметтік-саяси зерттеулер орталығы Қоғамдық қорының директоры, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
- Гүлнар Насимова** – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының меңгерушісі, саяси ғылымдар докторы, профессор
- Вячеслав Додонов** – ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ бас ғылыми қызметкері, экономика ғылымдарының докторы
- Андрей Чеботарёв** – «Альтернатива» өзекті зерттеулер орталығының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты
- Мартин Брусис** – әлеуметтану ғылымдарының докторы, Шығыс және Оңтүстік-Шығыс Европаны зерттеудің жоғарғы мектебі, Людвиг Максимилиан Мюнхен Университеті (Германия)
- Синтия Каплан** – Калифорния университетінің профессоры (АҚШ)
- Геннадий Чуфрин** – РФА академигі, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Әсел Әбен** – бас редактор, ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ бас сарапшысы, экономика ғылымдарының PhD докторы
- Айжан Молдағалиева** – редактор, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ аға сарапшысы

Editorial Board

- Yerkin Tukumov** – Chairman of the Editorial Board, Director of the KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Political Science
- Rakhman Alshanov** – President of “Turan” Educational Corporation, President of Kazakhstan Association of Higher Educational, Doctor of Economic Sciences, professor
- Gulmira Ileuova** – Director of “Strategy” Center for Socio-Political Research, Candidate of Sociological Sciences
- Gulnar Nasimova** – Head of Department of Political Science and Political Technologies of Al-Farabi Kazakh National University, Doctor of Political Science, Professor
- Vyacheslav Dodonov** – Chief Research Fellow of KazISS under President of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences
- Andrey Chebotarev** – Director of “Alternativa” Center for Contemporary Studies, Candidate of Political Sciences
- Martin Brusis** – Director of Graduate School for East and Southeast European Studies, Ludwig-Maximilian University of Munich (Germany), Doctor of Social Science
- Cynthia Kaplan** – Department of Political Science, University of California Santa Barbara (USA), Professor
- Gennady Chufrin** – Academician of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
- Assel Aben** – Chief Editor, chief expert of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, PhD in Economics
- Aizhan Moldagaliyeva** – Editor, senior expert of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan

МРНТИ:
11.25.67

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КИТАЙ: ТОЧКИ РОСТА СОТРУДНИЧЕСТВА

Еркин Тукумов

директор КИСИ
при Президенте Республики Казахстан,
кандидат политических наук,
e-mail: Tukumov_Yerkin@kisi.kz

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2023-4.01>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы партнерских отношений между странами Центральной Азии и Китаем. С учетом экономического сближения региона и КНР определяются перспективные направления сотрудничества в краткосрочной перспективе. Развитие региона неразрывно связано с укреплением транспортных связей, внедрением цифровых технологий и привлечением инвестиций для устойчивого и сбалансированного роста.

Ключевые слова: *Центральная Азия, Китай, транспортная взаимосвязанность, цифровое развитие, инвестиционная привлекательность.*

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ЖӘНЕ ҚЫТАЙ: ЫНТЫМАҚТАСТЫҚТЫҢ ӨСУ НҮКТЕЛЕРІ

Еркин Тұқымов

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы ҚСЗИ директоры,
саясаттану ғылымдарының кандидаты, e-mail: Tukumov_Yerkin@kisi.kz

Аңдатпа. Мақалада Орталық Азия елдері мен Қытай арасындағы әріптестік қатынастар талқыланады. Аймақ пен Қытай арасындағы экономикалық жақындасуды ескере отырып, қысқа мерзімді перспективада ынтымақтастықтың перспективалық бағыттары айқындалады. Өңірдің дамуы көлік байланысын нығайтумен, цифрлық технологияларды енгізумен және тұрақты және теңгерімді өсім үшін инвестициялық тартымдылықты дамытумен тығыз байланысты.

Түйінді сөздер: *Орталық Азия, Қытай, көлік байланысы, цифрлық даму, инвестициялық тартымдылық.*

CENTRAL ASIA AND CHINA: GROWTH POINTS OF COOPERATION

Yerkin Tukumov

Director of the KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan,
Candidate of Political Science, e-mail: Tukumov_Yerkin@kisi.kz

Annotation. The article addresses the issues of partnership relations between the countries of Central Asia and China. Considering the economic convergence of the region and China, prospective directions of cooperation in the short term are identified. The development of the region is inherently linked to strengthening transport connections, implementing digital technologies, and attracting investments for sustainable and balanced growth.

Keywords: *Central Asia, China, transportation connectivity, digital development, investment attractiveness*

Введение

Сближение центральноазиатских государств и Китайской Народной Республики за последние годы свидетельствует о повышении взаимного доверия, как на политическом, так и на экспертном уровне.

В 90-е годы данное сотрудничество велось в двустороннем порядке, однако сегодня формат партнерства ЦА-КНР значительно расширился, достигнув регионального уровня.

Одним из ключевых факторов сближения Центральной Азии и Китая является общая заинтересованность в укреплении экономических связей и стабильности в регионе. Китай, активно реализуя свою инициативу «Пояса и пути», предоставляет инфраструктурные инвестиции и технологическое содействие странам Центральной Азии. В свою очередь, центральноазиатские государства видят в этом возможность активного развития своей экономики и укрепления своего местоположения в глобальной торговле.

На политическом уровне происходит укрепление взаимного доверия через регулярные встречи и консультации между лидерами обеих сторон. Эти встречи способствуют обмену мнениями по ключевым вопросам региона и создают основу для более эффективного сотрудничества.

В мае этого года в Сиане прошло значимое политическое событие – Саммит лидеров всех центральноазиатских государств и Китая, на котором были определены новые ориентиры дальнейшего сотрудничества. Это событие стало очередным прорывом в партнерских взаимоотношениях.

Для стран Центральной Азии Китай выступает одним из ключевых внешнеторговых партнеров, где значимую роль занимает Казахстан. Так, товарооборот Китая со странами Центральной Азии в 2022 году вырос до 70,2 млрд долларов, из которых 31,1 млрд долларов пришелся на

Казахстан [1].

Только за январь-август 2023 года объем двусторонней торговли между Казахстаном и Китаем составил 19 млрд долларов. Рост, по сравнению с прошлым периодом, составил 22,6% [2].

Сегодня в Казахстане работает порядка 3300 совместных с КНР предприятий в таких стратегических отраслях, как нефтедобывающая сфера, горно-металлургический комплекс, обрабатывающая промышленность и многие другие [3].

Стратегическое партнерство Казахстана и Китая укрепляется общим видением мирного развития всего региона, взаимной поддержкой суверенитета и практических шагов по укреплению доверия. Так, в ноябре 2023 года были сняты визовые ограничения перед гражданами обеих стран для деловых, частных и туристических поездок.

В этой связи, данная статья нацелена на проведение анализа текущих тенденций в ключевых сферах взаимодействия, в том числе развитии транспортной инфраструктуры, цифровой повестки и инвестиционной активности в странах Центральной Азии и их отношениях с Китаем.

Методы исследования. При написании статьи были использованы количественные методы, анализ и сравнение. Это включает в себя изучение статистических данных, отчетов о развитии, научных статей и публикаций в сфере экономики, транспорта и цифровых технологий.

Результаты исследования и их обсуждение

Сопряжение транспортных сетей

Одним из целевых ориентиров сотрудничества между сторонами является увеличение объема перевозок. По данным за первое полугодие этого года наблюдается рост грузоперевозок между РК и КНР, который составил 13,7 млн тонн, что на 26% больше, аналогичного периода прошлого года. При этом экспорт грузов из РК в КНР вырос на 37% до 8,3 млн тонн [4].

Таблица 1. Главные драйверы роста грузоперевозок между КНР и РК за 1 полугодие 2023 года

Экспорт из Казахстана в КНР	Рост	Импорт из КНР в Казахстан	Рост
Зерновые	3 раза	Строительные грузы	30%
Растительные масла	70%	Легковые автомобили	13%
Цветные металлы	55%	Химические грузы	5%

Источник: составлено автором на основе [5]

Недавно были достигнуты соглашения о дополнительном увеличении объема перевозок на 2024 год, который составит 27,8 млн тонн. В 2 раза увеличится экспорт казахстанских зерновых грузов по станции Алашанькоу [6].

Это лишь один из примеров совместного стремления к укреплению транспортной взаимосвязанности. За последние два десятилетия в регионе Центральной Азии был достигнут ощутимый прогресс в строительстве и модернизации транспортной инфраструктуры, включая интеграцию в сеть Азиатских шоссейных дорог и Трансазиатской железной дороги.

Согласно данным Евразийского банка развития (ЕАБР), протяженность автомобильных дорог в регионе увеличилась на 24,5 тыс. км, что способствовало увеличению торговых потоков между нашими странами [7]. Казахстан планирует провести масштабную реконструкцию более 4 тыс. км автомобильных дорог до 2029 года, что сделает наши транспортные маршруты более эффективными и доступными [8].

Наиболее значительным достижением стал запуск нового международного маршрута Европа-Западный Китай, который стал первой в Центральной Азии полностью соответствующей международным стандартам скоростной автомагистралью, связывающей Китай с Россией.

Транспортная связанность внутри региона выступает определяющим фактором для устойчивого социально-экономического развития Центральной Азии. На недавней V Консультативной встрече глав государств Центральной Азии было подписано Соглашение об укреплении взаимосвязанности наземного транспорта в Центральной Азии. Данный документ придаст импульс развитию региональной транспортной системы.

Без строительства полнофункциональных транспортных коридоров, экономика Казахстана и региона в целом будет оставаться на уровне не выше среднего дохода. Однако сопряжение транспортных путей откроет рынки соседних стран для малых и средних предприятий, что будет способствовать развитию торговли и увеличению числа рабочих мест.

С учетом общих интересов и потребности в увеличении товарооборота и углублении экономических связей, необходимо рассмотреть вопрос создания сети совместных центров бизнес-консалтинга. Эти центры могут заниматься анализом, обработкой данных и предоставлением информационных услуг для бизнеса. Это поможет усилить торгово-логистическую отрасль и улучшить общую экономическую взаимосвязанность между центрально-азиатскими странами и Китаем.

Цифровое развитие региона

Цифровая повестка реализуется в странах региона на разных скоростях и уровнях, меняя облик и структуру секторов экономик.

Казахстан – один из пионеров в Центральной Азии по внедрению цифровых технологий. Республика еще в 2008 году запустила услуги элек-

тронного правительства. В настоящее время эта система обеспечивает более 83% государственных услуг. Благодаря этому Казахстан входит в число стран с очень высоким уровнем индекса электронного участия и открытого правительства, занимая 28 место из 193 государств мира. Это самый высокий показатель среди стран СНГ и Центральной Азии [9].

Рынок финансовых технологий в Казахстане является одним из самых быстроразвивающихся в стране и крупнейшим в Центральной Азии. Один из главных трендов на рынке финтех в Казахстане - это рост цифровых платежей и электронной коммерции. Подавляющее большинство населения - 78% - совершает цифровые платежи [10].

Рисунок 1. Развитие финансовых технологий и проникновение Интернета в странах ЦА

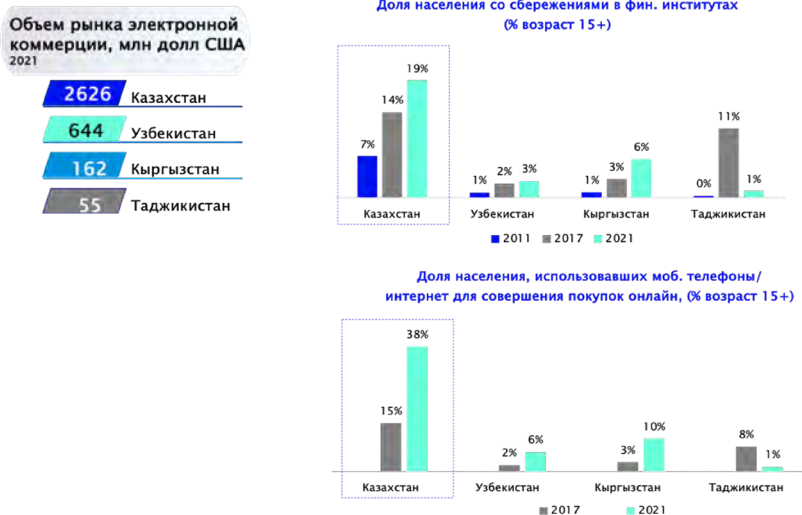

Источник: составлено по [10]

Казахстан значительно продвинулся в сфере электронной торговли — как в плане упрощения и цифровизации всех таможенных и клиентских платежей, так и в плане внешнеторговых транзакций.

Развитие цифровых и финансовых технологий в Центральной Азии могут повысить конкурентоспособность стран региона и поддержать цифровую трансформацию региона. От предложения более простого и доступного способа управления денежными переводами до новейших технологий и инноваций финтех может и должен стать неотъемлемой частью экономического развития Центральной Азии.

Рисунок 2. Развитие электронной коммерции

Источник: составлено по [10]

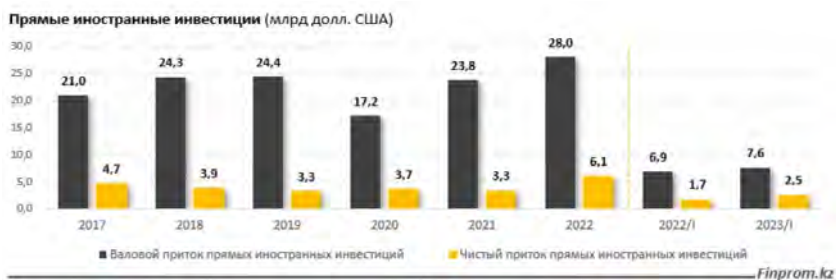
В этом направлении видится целесообразным расширить трансфер технологий между странами региона и сформировать свой центральноазиатский рынок цифровых технологий при участии Китая.

При этом важно оказывать полную экспертно-аналитическую поддержку совместным проектам, к которым могут быть привлечены институты стратегических и экономических исследований Центральной Азии.

Расширение инвестиционной привлекательности

Объем накопленных центральноазиатскими государствами входящих иностранных инвестиций составляет 211 млрд долл [11]. Основные преимущества региона — макроэкономическая стабильность, масштабные запасы природных ресурсов, большой внутренний рынок, низкая стоимость рабочей силы, агропромышленный потенциал.

Рисунок 2. Прямые иностранные инвестиции (млрд долл. США)

Источник: составлено по [12]

Несмотря на то, что глобальный объем прямых иностранных инвестиций за прошлый год упал на 12,4%, в Казахстане, напротив, чистый приток инвестиций в 2022 году вырос на 83,1%, достигнув 6,1 млрд долларов [12].

Следует отметить, что регион, как и его государства, имеют свои страновые и отраслевые особенности. Продолжительный период закрытости некоторых стран региона, отдаленность от основных экономических центров, отсутствие выхода к морю по-прежнему неблагоприятно влияют на восприятие региона международными инвесторами.

Уровень прямых инвестиций относительно ВВП в Центральной Азии, за вычетом инвестиций в сырьевые сектора, находится ниже среднемировых значений, что указывает на недоинвестированность региона.

Значительный инвестиционный потенциал имеют такие отрасли региона, как переработка сельскохозяйственной продукции, нефтехимический сектор, туризм.

При расширении экономического сотрудничества между странами Центральной Азии и Китаем, особую важность имеет обеспечение прозрачности совместных инвест-проектов. Это позволит, как получить общественную поддержку, так и привлечь местный малый и средний бизнес в субподрядные работы.

Следует активно развивать диалог между экспертным и бизнес-сообществом для обсуждения проектов инвестиционного сотрудничества. Транспарентность и широкое обсуждение инвестиционных проектов будут способствовать созданию доверия и легитимности инвестиционным инициативам.

Инвест-проекты должны быть направлены на обмен опытом и передачу знаний между странами Центральной Азии и Китаем. Это может включать в себя обучение местных кадров, технологические трансферы и совместные исследовательские проекты, что способствует укреплению конкурентоспособности региона.

Важным аспектом расширения экономического сотрудничества между странами Центральной Азии и Китаем является обеспечение прозрачности в реализации совместных инвестиционных проектов. Прозрачность играет решающую роль в создании доверия как со стороны общественности, так и со стороны предпринимательского сектора. Обеспечивая открытость информации о проектах, стороны могут демонстрировать свою готовность к ответственному и устойчивому развитию.

Следует активно развивать диалог между экспертным сообществом, представителями бизнеса и общественностью для обсуждения инвестиционных проектов. Это создаст возможность учесть различные мнения, обеспечит более полное понимание потенциальных последствий проектов и позволит выработать более сбалансированные решения. Важно учитывать интересы местного малого и среднего бизнеса, вовлекая их в субподрядные работы и обеспечивая, тем самым, рост экономики на местном уровне.

Транспарентность в реализации инвестиционных проектов также будет способствовать легитимности этих инициатив. Общественность будет более благосклонно относиться к проектам, если у нее будет доступ к информации о целях, масштабах и планах реализации. Это, в свою очередь, создаст благоприятные условия для устойчивого развития и долгосрочного партнерства между странами.

Инвестиционные проекты должны также направляться на обмен опытом и передачу знаний между странами Центральной Азии и Китаем. Это может включать в себя программы обучения местных кадров, технологические трансферы и совместные исследовательские проекты. Развитие человеческого капитала через обмен опытом и знаниями будет способствовать укреплению конкурентоспособности региона в условиях быстрого технологического развития.

Все эти меры направлены на создание устойчивой основы для долгосрочного и взаимовыгодного сотрудничества между Центральной Азией и Китаем, способствуя не только экономическому росту, но и социальному и научно-техническому развитию региона.

Заключение (выводы)

Как показал анализ, развитие ситуации в Центральной Азии подчеркивает важность укрепления транспортных связей, внедрения цифровых технологий и привлечения инвестиций для устойчивого и сбалансированного развития региона.

Наблюдаемый рост грузоперевозок между странами региона свидетельствует о необходимости активного развития транспортной инфраструктуры. Запуск новых маршрутов и увеличение перевозок создают базу для устойчивого торгового и экономического роста. При этом, интеграция цифровых технологий, электронного правительства и финансовых инноваций становится ключевым фактором для повышения эффективности государственных услуг и развития экономики.

Инвестиционная привлекательность региона, его потенциал и уникальные отрасли, такие как сельское хозяйство, нефтехимическая промышленность и туризм, предоставляют возможности для привлечения внешних инвестиций. Однако, прозрачность в реализации инвестиционных проектов и учет интересов местного бизнеса играют значимую роль в обеспечении устойчивости и долгосрочной успешности инвестиций.

Обязательным аспектом выступает развитие диалога между экспертами, предпринимателями и общественностью для создания более сбалансированных и перспективных стратегий развития. Это позволит учитывать различные мнения и обеспечивать легитимность инвестиционных инициатив, способствуя созданию устойчивых и взаимовыгодных партнерств между странами региона и Китаем.

В целом, совместная работа по сбалансированному развитию региона

Центральной Азии не только стимулируют экономический рост, но и способствуют улучшению жизни населения и обеспечению устойчивого социально-экономического развития в будущем.

Список литературы

1. Как Китай обгоняет Россию в торговле в Центральной Азии // [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/05/2023/646e43449a794715028aa655?from=copy>
2. Товарооборот Казахстана и Китая за январь-август вырос до 19 млрд долларов // [Электронный ресурс] URL: <https://dairynews.today/kz/news/tovarooborot-mezhdu-kazakhstanom-i-kitaem-za-yanvar-avgust-vyros-do-19-mlrd-dollarov.html#>
3. Казахстан и Китай подписали коммерческие контракты на более \$565 млн // [Электронный ресурс] URL: <https://primeminister.kz/ru/news/kazakhstan-i-kitay-podpisali-kommercheskie-kontrakty-na-bole-565-mln-23501>
4. На 37% вырос экспорт грузов железнодорожным транспортом из Казахстана в Китай// [Электронный ресурс] URL: <https://rail-news.kz/ru/news/15083-na-37-vyros-eksport-gruzov-zeleznodoroznym-transportom-iz-kazakhstana-v-kitai.html>
5. Экспорт грузов железнодорожным транспортом из РК в КНР вырос на 37%// [Электронный ресурс] URL: <https://kapital.kz/economic/117582/eksport-gruzov-zheleznodorozhnym-transportom-iz-rk-v-knr-vyros-na-37.html>
6. Объем железнодорожных грузоперевозок согласовали Казахстан и Китай // [Электронный ресурс] URL: <https://kapital.kz/economic/118916/ob-yem-zheleznodorozhnykh-gruzoperevozok-soglasovali-kazakhstan-i-kitay.html>
7. Перспективы развития транспортно-коммуникационного комплекса Евразийского континента были обсуждены на VI Международном транспортно-логистическом бизнес-форуме «NEW SILK WAY»// [Электронный ресурс] URL: <https://e-cis.info/news/568/112673/>
8. В Казахстане вновь появится министерство транспорта. Какие задачи перед ведомством поставил президент// [Электронный ресурс] URL: <https://kz.kursiv.media/2023-09-01/dnit-transport/>
9. Прорыв цифровой власти: зачем Казахстан внедряет электронное правительство// [Электронный ресурс] URL: <https://www.inform.kz/ru/proriv-tsifrovoy-vlasti-zachem-kazakhstan-vnedryaet-elektronnoe-pravitelstvo-cb8ad4>
10. Международные эксперты оценили финтех-индустрию Казахстана// [Электронный ресурс] URL: <https://kapital.kz/finance/114724/mezhdunarodnyye-eksperty-otsenili-fintekh-industriyu-kazakhstana.html>
11. Центральная Азия — крупный, динамично растущий и перспективный экономический регион // [Электронный ресурс] URL: <https://eabr.org/press/releases/tsentralnaya-aziya-krupnyu-dinamichno-rastushchiy-i-perspektivnyy-ekonomicheskiiy-region/>

12. Объемы прямых иностранных инвестиций в мире сокращаются, в Казахстане — растут// [Электронный ресурс] URL: <https://kapital.kz/finance/119013/ob-yemy-pryamykh-inostrannykh-investitsiy-v-mire-sokrashchayut-sya-v-kazakhstane-rastut.html>

References

1. How China is overtaking Russia in trade in Central Asia // [Electronic resource] URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/05/2023/646e43449a794715028aa655?from=copy>
2. Trade turnover between Kazakhstan and China in January-August increased to 19 billion dollars // [Electronic resource] URL: <https://dairynews.today/kz/news/tovarooborot-mezhdu-kazakhstanom-i-kitayem-za-yanvar-avgust-vyros-do-19-mlrd-dollarov.html#>.
3. Kazakhstan and China signed commercial contracts for more than \$565 mln // [Electronic resource] URL: <https://primeminister.kz/ru/news/kazakhstan-i-kitay-podpisali-kommercheskie-kontrakty-na-bolee-565-mln-23501>
4. Export of cargoes by railroad transport from Kazakhstan to China increased by 37%// [Electronic resource] URL: <https://rail-news.kz/ru/news/15083-na-37-vyros-eksport-gruzov-zeleznodoroznym-transportom-iz-kazakhstana-v-kitai.html>
5. export of cargoes by rail from Kazakhstan to China increased by 37%// [Electronic resource] URL: <https://kapital.kz/economic/117582/eksport-gruzov-zheleznodorozhnym-transportom-iz-rk-v-ksnr-vyros-na-37.html>.
6. The volume of rail freight transportation agreed between Kazakhstan and China // [Electronic resource] URL: <https://kapital.kz/economic/118916/ob-yem-zheleznodorozhnykh-gruzoperevozok-soglasovali-kazakhstan-i-kitay.html>
7. Prospects for the development of transport and communication complex of the Eurasian continent were discussed at the VI International Transport and Logistics Business Forum "NEW SILK WAY"// [Electronic resource] URL: <https://e-cis.info/news/568/112673/>.
8. Kazakhstan will once again have a Ministry of Transportation. What tasks the President has set for the Ministry// [Electronic resource] URL: <https://kz.kursiv.media/2023-09-01/dnlt-transport/>.
9. Breakthrough of digital power: why Kazakhstan implements e-government// [Electronic resource] URL: <https://www.inform.kz/ru/proriv-tsifrovoy-vlasti-zachem-kazakhstan-vnedryaet-elektronnoe-pravitelstvo-cb8ad4>.
10. International experts assessed the fintech industry of Kazakhstan// [Electronic resource] URL: <https://kapital.kz/finance/114724/mezhdunarodnyye-eksperty-otsenili-fintekh-industriyu-kazakhstana.html>.
11. Central Asia is a large, dynamically growing and promising economic region// [Electronic resource] URL: <https://eabr.org/press/releases/tsentralnaya-aziya-krupnyy-dinamichno-rastushchiy-i-perspektivnyy-ekonomicheskyy-region/>.
12. volumes of direct foreign investments in the world are decreasing, in Kazakhstan - growing// [Electronic resource] URL: <https://kapital.kz/finance/119013/ob-yemy-pryamykh-inostrannykh-investitsiy-v-mire-sokrashchayut-sya-v-kazakhstane-rastut.html>

МРНТИ
04.51.25
06.77.90

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТАХ В КАЗАХСТАНЕ

Ербол Исмаилов

докторант DBA, MNU Business School
Генеральный директор Eurasian Center for People
Management,
e-mail: yerbolismailov@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2023-4.02>

Аннотация. В Казахстане происходит отчетливый и стремительный рост числа социально-трудовых конфликтов. Целью данной статьи является анализ основных факторов их возникновения, а также выявление значимости социально-психологических факторов в их иерархии. Методом сбора данных являются экспертный опрос, проведенный в Казахстане, анализ озвучиваемых требований казахстанских рабочих в ходе забастовок в 2021-2022 годах, опубликованных в СМИ Казахстана, а также серия глубинных интервью с работниками предприятий добывающего сектора.

Основными выводами является то, что сегодня в Казахстане существует недооценка значимости вклада компаний-работодателей в развитие инфраструктуры населенных пунктов, в структуре тех факторов, которые определяют возникновение социально-трудовых конфликтов в стране. Данный фактор, на наш взгляд, следует рассматривать как фактор социально-психологического характера, наряду с ролью менеджмента и психологическим климатом в коллективе. Стоит отметить, что в первую очередь, речь идет о деятельности крупных производственных компаний с иностранным участием.

Значимость первых двух факторов - управления, а также психологического климата в коллективе осознается отечественными экспертами, и, в той или иной степени, работниками. Тогда как понимания значимости вклада компаний в инфраструктуру в местах их операционной деятельно-

сти, как не менее важного фактора, отражающегося на росте социальной напряженности, в том числе, среди работников компаний, сегодня практически нет даже на уровне экспертного сообщества страны. Не проявлен этот фактор и в требованиях бастовавших работников, которые в доминирующем большинстве носят экономический характер. Тем не менее, он отслеживается посредством более детального погружения в ситуацию и полученные данные.

***Ключевые слова:** социально-трудовые конфликты, социально-психологические факторы, Казахстан, роль менеджмента, работники.*

ҚАЗАҚСТАНДА ӘЛЕУМЕТТІК-ЕҢБЕК ЖАНЖАЛДАРЫНДАҒЫ ӘЛЕУМЕТТІК-ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ ФАКТОРЛАРДЫҢ РӨЛІ

Ербол Ысмайылов

DVA докторанты, MNU бизнес мектебі, Eurasian Center for People Management бас директоры, email: yerbolismailov@gmail.com

Аңдатпа. Қазақстанда әлеуметтік-еңбек жанжалдар санының айқын және қарқынды өсуі байқалады. Бұл мақаланың мақсаты олардың пайда болуының негізгі факторларын талдау, сондай-ақ олардың иерархиясындағы әлеуметтік-психологиялық факторлардың маңыздылығын анықтау. Деректерді жинау әдісіне Қазақстанда жүргізілген сараптамалық сауалнама, Қазақстандық БАҚ-та жарияланған, 2021-2022 жылдардағы ереуілдер барысында Қазақстандық жұмысшылардың айтылған талаптарын талдау, сондай-ақ өндіруші сектор кәсіпорындарының қызметкерлерімен терең сұхбаттар сериясы кіреді.

Негізгі тұжырымдар, қазіргі таңда Қазақстанда жұмыс беруші-компаниялардың елді мекендердің инфрақұрылымын дамытуға, елдегі әлеуметтік-еңбек жанжалдарының туындауын айқындайтын факторлардың құрылымына қосқан үлесінің маңыздылығын жете бағаламауының бар екендігін көрсетеді. Біздің көзқарасым бойынша, бұл факторды менеджменттің рөлімен және ұжымдағы психологиялық ахуалмен қатар әлеуметтік-психологиялық сипаттағы фактор ретінде қарастырған жөн деп есептеймін. Айта кету керек, бірінші кезекте, біз шетелдік қатысуы бар ірі өндірістік компаниялардың қызметі жайында сөз қозғаудамыз.

Алғашқы екі фактордың - басқарудың, сондай-ақ ұжымдағы психологиялық жағдайдың маңыздылығын отандық сарапшылар және белгілі бір дәрежедегі қызметкерлер біледі. Компаниялардың операциялық қызмет орындарындағы инфрақұрылымға қосқан үлесінің маңыздылығын түсіну, әлеуметтік шиеленістің өсуіне әсер ететін маңызды фактор ретінде, оның ішінде, компания қызметкерлері арасында, бүгінде тіпті елдің сараптамалық қоғамдастығы деңгейінде де жоқ. Бұл фактор ереуілге шыққан

қызметкерлердің талаптарында да көрінбейді, олардың басым көпшілігінде экономикалық сипатта болады. Дегенмен, ол жағдайға және алынған мәліметтерге неғұрлым егжей-тегжейлі үңілу арқылы бақыланады.

***Түйін сөздер:** әлеуметтік-еңбек жанжалдары, әлеуметтік-психологиялық факторлар, Қазақстан, менеджменттің рөлі, қызметкерлер.*

THE ROLE OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS IN SOCIAL AND LABOR CONFLICTS IN KAZAKHSTAN

Yerbol Ismailov

PhD student DBA, MNU Business School, General Director of the Eurasian Center for People Management, e-mail: yerbolismailov@gmail.com

Annotation. There is a clear and rapid increase in the number of social and labor conflicts in Kazakhstan. The purpose of this article is to analyze the main factors contributing to their occurrence and to identify the significance of socio-psychological factors in their hierarchy. The data collection method includes an expert survey conducted in Kazakhstan, an analysis of demands communicated by Kazakhstan's employees during strikes in 2021-2022, as published in Kazakhstan's media, and a series of in-depth interviews with employees of the extractive sector enterprises.

One of the main conclusions is that currently there is an underestimation of importance of the contribution of companies-employers to the development of settlement infrastructure, in the structure of those factors that determine the emergence of social and labor conflicts in the country. This factor, in my opinion, should be considered as a factor of the socio-psychological nature, along with the role of management and the psychological climate in the team. It is worth noting that, first and foremost, we are talking about the activities of large industrial companies with the foreign participation.

The significance of the first two factors - management and psychological climate in the team - is recognized by domestic experts and, to some extent, by employees. For the current moment, the grand total understanding of companies' contribution significance to their operation spheres as at least important indicator reflecting on the growth of social tension among the companies employees as well, is practically nonexistent even at the level of the country's expert community. This factor is not reflected in the demands of the striking employees, who predominantly have economic motivations. Nevertheless, it is tracked through a more detailed examination of the situation and the data obtained.

Keywords: *social and labor conflicts, socio-psychological factors, Kazakhstan, the role of management, employees.*

Введение

Начиная с 2021 года в Казахстане отмечается кратный рост социально-трудовых конфликтов. С 2010 и вплоть до 2020 годов их число не превышало 30-ти в годовом исчислении: в 2011 г. – 16 случаев, в 2012 г. – 21, в 2013 г. – 28, в 2014 г. – 15 [1], позднее, в 2019-2020 гг численность трудовых конфликтов также оставалось в коридоре 19-25 в год [2]. Тогда как в 2021 году их количество, согласно данным, представленным в открытом доступе, составило 94, в 2022 году превысило 150 [3]. При этом, речь идет не только о количественных, практически в десять раз превышающих предыдущие годы показателях роста социально-трудовых конфликтов, но и об участии в них работников абсолютно разных секторов экономики, в частности, бюджетников, рабочих добывающих и производственных предприятий, а также работников сферы платформенной экономики. В то же время, преобладающее число конфликтов характеризуют западный регион Казахстана, где располагаются нефтегазовые и нефтесервисные предприятия с иностранным участием. [4]

К основным характеристикам социально-трудовых конфликтов в Казахстане на сегодняшний день относятся низкий уровень привлечения профсоюзов к их разрешению, вследствие их низкой эффективности [5], стихийный характер, апелляцию рабочих в отношении разрешения трудовых конфликтов к центральным властям посредством социальных сетей.

Определяющим фактором возникновения социально-трудовых конфликтов в стране принято считать экономический, а именно, запрос на повышение заработной платы [6]. Этот фактор безусловно носит объективный характер, что связано с высоким уровнем инфляции в стране, девальвацией местной валюты, а также пандемией коронавируса, которая нанесла наибольший урон развивающимся экономикам. В то же время, не менее значимым, на наш взгляд, является и социально-психологический фактор.

Что подразумевается под социально-психологическим фактором? Он включает в себя, в первую очередь, вопросы управления, которые во многом включают в учет себя психологических особенностей как отдельно взятой личности, так и коллектива. Здесь, в частности, можно выделить Тейлора Ф., автора монографии «Принципы научного менеджмента», утверждающего, что управление является наукой и самостоятельной областью исследования [7]. Другим аспектом является психологический климат в коллективе, который определяет эффективность деятельности работников в отдельно взятом предприятии [8]. Кроме того, в контексте социально-психологического фактора, нами также рассматривается вклад, развитие компаниями инфраструктуры населенных пунктов, где они осуществляют свою деятельность. В контексте Казахстана это особенно актуально в отношении деятельности добывающих компаний с иностранным участием. Как доказывают исследования [9], вклад производственных компаний в инфраструктуру населенных пунктов оказывает значимое пози-

тивное влияние на восприятие компании, как работающими в ней сотрудниками, так и местным населением.

Таким образом, социально-психологический фактор связан с характером и качеством управления в компании, психологическим климатом в коллективе, а также вкладом компаний в инфраструктуру населенных пунктов.

Тем не менее, точка зрения о том, что социально-психологический фактор является одним из значимых факторов, влияющих и определяющих рост социально-трудовых конфликтов в стране, не получает распространения в Казахстане. Научные работы, посвященные теме социально-трудовых конфликтов в стране, редко затрагивают данный аспект, что также не находит широкого отражения в экспертных оценках. Что касается анализа озвучиваемых требований рабочих в ходе забастовок в 2021 и 2022 годах, то более 90% из них содержали требования о повышении заработных плат. Тем не менее, опосредованные показатели четко демонстрируют растущую значимость социально-психологического фактора, который носит на сегодняшний день еще большей частью скрытый, непроявленный характер. Можно предположить, что если этот фактор невидим, или его значимость не осознается как высокая в научном и экспертном дискурсах, то данный подход отражается и в управленческих решениях.

В научной литературе, посвященной социально-трудовым конфликтам в Казахстане, акценты больше смещаются на дискурс о роли профсоюзов, их слабом влиянии на регулирование социально-трудовых конфликтов в стране, в частности об этом пишут Ахметжанов С. и Оразгалиев С. [10], Хамзина Ж. [11] утверждает, что действующие механизмы регулирования трудовых споров в стране слабо приспособлены для продвижения трудовых норм, а элементы обязательного досудебного урегулирования споров не эффективны в части защиты трудовых прав. Авторы указывают на необходимость дополнения существующей модели разрешения споров альтернативными методами их разрешения, предлагают создать специальные трудовые суды, а также шире внедрять альтернативные примирительные процедуры.

В коллективной работе казахстанских авторов Иссаева М. и др. [12] указывается на необходимость разработки и внедрения нового современного механизма разрешения индивидуальных трудовых споров, в том числе досудебных и внесудебных способов разрешения конфликтов. Указывается на необходимость различать гражданско-правовые отношения и трудовые отношения при рассмотрении споров в сфере трудовых правоотношений.

Тогда как в материалах СМИ вопрос о том, каковы основные факторы социально-трудовых конфликтов в стране рассматривается часто, и казахстанские исследователи зачастую относят к ним факторы экономического характера. [13] Тезис о значимости социально-психологического фактора в данном контексте не получает значимого распространения. Автор данной

статьи в своей предыдущей работе, написанной совместно с Молчановой Е. и Назаретян А. [14] подчеркивал тезис о том, что не смотря на декларируемые заявления о причинах забастовок, лежащих в экономической плоскости, в ходе глубинных интервью бастовавшие рабочие зачастую признаются, что их не устраивает отношение к ним работодателей, то есть указывал на значимую роль социально-психологического фактора. В то же время, в работе также затрагивался только управленческий аспект, но не был рассмотрен весь спектр, который включает в себя социально-психологический фактор в социально-трудовых отношениях.

Если рассмотреть исследования в региональном фокусе и сравнить восприятие факторов трудовых конфликтов в странах Центральной Азии, то в первую очередь необходимо констатировать определенную схожесть дискурса о социально-трудовых конфликтах в Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане, в силу развитой трудовой миграции из указанных стран в Россию.

Значимость данного дискурса вполне объяснима, доходы трудовых мигрантов играют определяющую роль в формировании доходов населения стран. В частности, в Таджикистане в 2019 году, доходы не менее 70% семей формировались за счет денежных переводов трудовых мигрантов. [15]

Что касается социально-трудовых конфликтов в рамках внутренних рынков труда, то они практически полностью рассматриваются в парадигме экономических факторов [16]. Исследователи из Таджикистана указывают в этом контексте на идентичные с Казахстаном процессы [17], в частности, Ашуров А. пишет о фактах, когда у иностранных специалистов уровень заработной платы выше, чем среди местного населения, в свою очередь Касаткин А. обращает внимание на то, что в Таджикистане высок уровень безработицы, что особенно усугубилось в период пандемии. Другое исследование Кабировва С. и Одинаева Р. демонстрирует, что зачастую работодатели пытаются набирать людей, которые не требуют официального оформления своих трудовых отношений [18].

Также обстоит ситуация в исследованиях, посвящённых изучению ситуации в Узбекистане. Показательной является точка зрения Мониторинговой миссии по трудовым правам в Центральной Азии [19] о том, что сегодня причинами забастовок могут быть только «доведение до крайности отсутствием средств к существованию», тогда как для других побудительных мотивов, в числе которых повышение заработных плат, улучшения условий труда «самосознание узбекских работников не доросло». И хотя законодательство страны обеспечивает право защищать трудовые права в суде, исследователи констатируют, что пока не встречали судебных процессов, которые были бы инициированы как самими работниками, так и профсоюзами. Также указываются проблемы с деятельностью профсоюзов, в частности отсутствие известных случаев попыток создания независимых союзов.

По данным, представленным в докладе о соблюдении прав человека в Узбекистане за 2019 год, региональные и промышленные профсоюзы по-прежнему находились под контролем государства [20]. Исследователи, в числе которых Ниязметов А. [21], в своих работах, в связи с этим, заявляют о необходимости внедрения прозрачного и последовательного механизма разрешения коллективных трудовых споров в стране.

В то же время, в 2020 году Федерация профсоюзов Узбекистана выступила с заявлением о необходимости создания достойных условий труда для населения, а также улучшения факторов, влияющих на настроение трудящихся на рабочих местах, механизма устранения выявленных проблем [22].

В целом, акцент в дискурсе о социально-трудовых конфликтах и их разрешении в Узбекистане, больше связывается с мерами экономического характера. Так, Кадыров Е. ведет речь о важности введения дополнительных льгот и гарантий по усилению защиты социально-экономических интересов работающих граждан, а также созданию достойных условий труда [23].

В Кыргызстане, напротив, эксперты, анализируя факторы развития социально-трудовых конфликтов, затрагивают социально-психологический фактор значимо чаще, и в первую очередь делают акцент на недовольство местного населения деятельностью добывающих компаний, их недостаточной социальной ответственностью, о чем, в частности, пишут в своем исследовании Гулетт Д., Калыбекова А. [24]. Токтомушев К. и Фурстенберг С. [25], также указывают на такие факторы социально-трудовой протестности в сфере добывающей промышленности, как недостаточная прозрачность деятельности компаний, слабый уровень вовлеченности местного населения в процесс принятия решения, что в итоге влияет на недостаток доверия к их деятельности. В работе Стренберга Т. [26] рассматриваются факторы, влияющие на конфликты в деятельности компаний с иностранным участием в горнодобывающей сфере Кыргызстана. Он указывает на противостояние между интересами государства в налоговых поступлениях и интересами местного населения, заключающихся, в том числе, в обеспечении инфраструктурного развития населенных пунктов, где осуществляют свою деятельность добывающие компании.

В российском научном сообществе значимости социально-психологического фактора в контексте возникающих социально-трудовых конфликтов уделяется больше внимания. В частности, авторами Гагаринская Г. и Дыркина С. было введено понятие «конфликты эмоций», что означает отсутствие уважения, справедливости и доверия между работодателями и работниками [27]. Эксперты ставят их в один ряд с конфликтами интересов и конфликтами прав. Речь идет о том, что сегодня подход, когда сотрудников воспринимают обезличенно, как «роботов», задействованных в производстве, уже не может быть жизнеспособным. Кроме того, по мнению Басенко В. [28], в дальнейшем конфликты на основе эмоций будут доминирующим

видом конфликтов в контексте трудовых отношений на предприятиях, что обусловлено качественным развитием и усилением эмоциональных потребностей новой генерации сотрудников.

В свою очередь Коновалова В. [29] указывает стратегическую значимость отношений между работниками и менеджментом, негативное развитие которых может отразиться в целом на всем обществе, не только на отдельно взятых предприятиях. В связи с этим исследователь указывает, что для гармоничной промышленной среды необходимо работать над тем, чтобы они носили устойчиво-позитивный характер.

Необходимость новых подходов в управлении сегодня обосновывают ряд исследователей, речь идет об умении выстраивать доверительные и гибкие отношения с работниками, отход от прежних, командно-иерархических подходов. В их числе Аврашников Л.Я., Адамчук В.В. [30], ряд работ Калмыковой О. [31]. С чем это связано?

Во-первых, сегодня, в связи со стремительными изменениями в технико-экономической сфере, особое значение приобретает способность быстрой переориентации схем организации производства, форматов производственных организаций, что требует новых подходов в управлении, в частности более тесной коммуникации с коллективом, более гибких управленческих подходов.

Во-вторых, необходимость трансформации управленческих подходов обусловлена и распространением социальных сетей, которые влияют на трансформацию самосознания, самовосприятия людей, рост участия, вовлеченности, и в целом политической грамотности. В свою очередь этот фактор влияет на растущий дискурс о правах человека, в том числе и в трудовой сфере.

Кроме того, ряд исследователей, в том числе Траилина В. [32], которые отмечают, что новые, более эффективные подходы в управлении важны и вследствие современного кризисного контекста, новых вызовов, которые пробуждают проактивные силы развития общественных (социальных) отношений и социально-трудовой сферы.

Таким образом, все эти факторы диктуют необходимость смены парадигмы прежних подходов в управлении. При этом, практика регулирования трудовых конфликтов со стороны работодателей зачастую все еще находится в рамках прежних командно-иерархических подходов, где как основная и зачастую единственная причина возникающих социально-трудовых конфликтов, рассматривается экономический фактор. Тогда как социально-психологический фактор, включающий в себя определенные управленческие решения и характеристики, формат взаимодействия с сотрудниками, учет социальных настроений коллектива, в том числе его лояльность и вовлеченность в управление, зачастую либо вовсе игнорируется, либо недооценивается. Об этом также в своих научных работах пишут Комакова Е., Микрюкова А. [33], а также Рябов В., который разработал собственную

методику диагностики субъективного качества трудовой жизни [34].

Среди других авторов, изучающих влияние управленческих подходов на возникновение социально-трудовых конфликтов, можно отметить Онве С. и Нвогбага Д. [35], которые отмечают, что причины конфликтов вращаются вокруг статуса, власти и ресурсов. Но влияние конкретных случаев конфликтов на социальные отношения, результаты и производительность в значительной степени зависят от того, от того, как ими управлять. В свою очередь Окотони О. и Окотони А. [36], считают, что конфликты и кризисы являются значимыми аспектами менеджмента, которые определяют его успехи, их инструментами руководства и контроля для достижения поставленных целей.

Коновалова и Митрофанова [37] доказывают необходимость управленческих воздействий на всех циклах трудового конфликта, что, на их взгляд, позволит развивать мероприятия, направленные на предотвращение конфликтов, разрешение противоречий и нормализацию постконфликтного взаимодействия.

В работе Медель Р. и Веласкес Д. [38] процесс политизации чилийских профсоюзов взаимоувязывается с последствиями жесткого и неэффективного регулирования политики на рабочем месте.

Среди исследований, которые доказывают корреляцию между уважительным отношением к работникам и снижением уровня социальной напряженности в трудовых коллективах, можно отметить те, о которых пишут Лакшми [39] (и другие) в монографии «Освоение цивилизованности: манифест для рабочего места», а также исследование Чу Д. и Фафшам М. [40].

Адаму А. [41] видит основные причины конфликтов в организациях в неэффективной коммуникации, плохом отношении к сотрудникам, неадекватной системе вознаграждения в организации, в наличии фаворитизма и nepотизма.

Здесь же можно отметить работу Конде М. и Биллона Ф. [42], которые причины социально-трудовых конфликтов усматривают в неэффективности управления, но не только со стороны работодателя, но со стороны местных властей, и в целом в ограниченном присутствии государства в регулировании деятельности компаний добывающего сектора.

Что касается научных работ, посвященных значимости развития инфраструктуры, как одного из социально-психологических факторов, влияющих на рост социально-трудовых конфликтов, то их значимо меньше. Кроме того, данный фактор не рассматривается в контексте социально-психологических факторов, к которым, на наш взгляд он должен быть отнесен. Это связано с тем, что хотя, основой его являются вполне конкретные экономические вложения со стороны компаний в населенные пункты, в которых реализуется производственная деятельность, конечным результатом подобной политики является уровень удовлетворенности деятельностью компании ее работников и местного населения, одобрение ее дея-

тельности и снижение протестных выступлений против ее деятельности в данном населенном пункте, что больше относится к параметрам социально-психологического характера. При этом, речь в первую очередь идет о добывающих компаниях, которые имеют свою специфику в глазах местного населения, особенно если речь идет о деятельности компаний с иностранным участием.

Рассматривая социальную деятельность компаний, ученые больше делают акцент на корпоративной социальной ответственности (КСО), которая может стать эффективным средством минимизации и, в конечном счете, предотвращения социально-трудовых конфликтов и протестов со стороны местного сообщества в адрес компаний добывающей направленности. Об этом, в частности, пишут Имбун Д. [43], Абуа У. [44], Лезак С. и др. [45]. Тем не менее, как указывают Далсруд А. [46] и Хилслон Г. [47] из-за отсутствия четкого определения или национальной программы КСО предприятия имеют значительную свободу в проведении КСО в своих собственных интересах. Другие авторы делают больший акцент на соблюдение компаниями экологического баланса и сохранения биоразнообразия в ходе реализации своей деятельности Тернер Т. и Браунхилл Л. [48], Мурадян Р. [49] и др. как факторе более позитивного восприятия их деятельности местным населением.

Таким образом, видно, что в ряде научных работ доказывается значимость социально-психологического фактора в контексте возникновения социально-трудовых конфликтов. При этом, главным образом акцент делается на две его составляющие: управленческий фактор, а также социально-психологический климат в коллективе. В частности, обосновывается необходимость новых подходов в управлении, отхода от командно-иерархического подхода, что связывают, в том числе, с рядом новых объективных вызовов. Вместе с тем, в научной литературе в контексте социально-психологического фактора, который определяет отношение работников к работодателю, социальная деятельность компаний рассматривается значимо реже, и, особенно в контексте вклад в инфраструктуру населенных пунктов, где реализуется их деятельность.

Методология исследования

Статья основывается на качественных и количественных исследованиях. В их числе экспертный опрос, посвященный анализу социально-трудовых отношений в Казахстане. Опрос был проведен компанией Eurasian Center for People Management в 2021 и 2022 годах, руководителем которой является автор данной статьи, принимавший участие в разработке инструментария и полевых работах. В нем приняли участие в 2021 году 74 казахстанских экспертов, в 2022 – 128, в числе которых ученые и практики в рассматриваемой сфере, в том числе руководители и HR-специалисты крупных добывающих компаний, юристы по трудовому праву, представи-

тели профсоюзов, политики в том числе депутаты Мажилиса Парламента страны и общественные деятели. Результаты исследования были опубликованы в деловом журнале Forbes Kazakhstan, соответственно в 2022 и 2023 годах [50].

Также в данной работе представлен анализ требований казахстанских рабочих, озвученных в ходе забастовок, прошедших в 2021-2022 годах. Данные были собраны из открытых источников, публикаций в казахстанских средствах массовой информации за рассматриваемый период, в том числе новостных ресурсов, телеграм каналов, освещающих трудовую проблематику в стране, а также региональных СМИ. В специально созданную базу были внесены материалы о произошедших социально-трудовых конфликтах, в число параметров вошли такие характеристики как: место проведения, количество и состав участников, озвучиваемые требования, реакция властей и работодателей. Дублирующиеся материалы о прошедших конфликтах рассматривались с точки зрения дополнения данных, общее количество социально-трудовых конфликтов за рассматриваемый период составило 249.

Кроме того, в работе представлены результаты ряда глубинных интервью (в общей сложности 15 интервью), которые были проведены среди работников крупных добывающих компаний в западном регионе Казахстана в 2021 году, отличающемся наибольшей распространенностью социально-трудовых конфликтов в период с 2020 до 2022 годы. В рамках интервью были заданы вопросы о том, какие факторы, с точки зрения работников, явились определяющими с точки зрения возникновения социально-трудовых конфликтов, каковы их ожидания от деятельности крупных компаний-работодателей в рассматриваемой сфере, насколько они удовлетворены социальной деятельностью компаний в регионе.

Результаты исследования и их обсуждение

Факторы социально-трудовых конфликтов в Казахстане: экспертные оценки

Главной причиной социально-трудовых конфликтов в Казахстане эксперты считают неудовлетворительный уровень заработной платы (79%). К числу других значимых причин отнесены проблемы, связанные с условиями труда (45%), а также разницу в оплате труда казахстанских и иностранных работников (45%). Стоит отметить, что видение казахстанских экспертов причин возникновения социально-трудовых конфликтов в стране в 2021 и в 2022 годах остается идентичным [51].

Безусловно, с учетом всех объективных обстоятельств, к числу которых относятся высокий уровень инфляции и рост цен, в основе социально-трудовых конфликтов в первую очередь лежит неудовлетворительный уровень заработной платы, что подтверждается и анализом требований бастовавших рабочих в 2021 и в 2022 годах (первое место в шкале требо-

ваний или более 90%). При этом в большинстве предприятий страны не предусмотрена индексация оплаты труда [52].

Что касается нарушений условий труда, то они происходят систематически даже на крупнейших предприятиях страны, тогда как уровень контроля со стороны государства является недостаточным. В частности, существует критический недостаток государственных инспекторов труда. [53] Усугубляет ситуацию неэффективность правового регулирования. Так, низкий уровень штрафов в случае выявления нарушений условий труда, особенно с крупным бизнесом, не имеет существенного значения в контексте их предотвращения. Кроме того, в случае выявления правонарушений не предусмотрено логического завершения ситуации, о чем заявляют сами представители власти.

Безусловно, нельзя не согласиться с тем, что к ключевым моментам, обуславливающим рост социально-трудовых конфликтов в стране, относится и разница в оплате труда казахстанских и иностранных работников, эта проблема на которую постоянно обращают внимание власти страны, о ее распространенности свидетельствует тот факт, что еще в 2019 генпрокуратура фиксировала более 400 нарушений в данном направлении.

Учитывая вышеуказанное, аспекты материального/экономического характера в настоящее время объективно носят значимый, первостепенный характер.

Вместе с тем, наряду с ними стоят и факторы социально-психологического характера, связанные в том числе с низкими коммуникационными навыками менеджмента казахстанских предприятий. Зачастую работодатели, имея возможность предупредить разрастание конфликта, тем не менее, напротив, ведут себя так, что внутривы производственный конфликт переходит и в социальное пространство, и, по сути, обретает другую форму.

Значимость вклада компаний в инфраструктуру: оценки работников и экспертов

Значимость данного фактора, инвестиций работодателей в развитие социальной инфраструктуры региона, который мы рассматриваем в контексте социально-психологического фактора, опосредованно, не напрямую, доказывается и другими социологическими исследованиями, в которых принимали участие работники крупных добывающих компаний в Казахстане. В частности, данные опроса работников производственных предприятий, проведенных в 2018 году [54], продемонстрировали, что «чем больше сотрудник недоволен развитием населенного пункта, тем более он настроен критично и заявляет о возможности своего участия в социально-трудовых выступлениях» [55].

Речь идет о том, что население в местах операционной деятельности добывающих компаний, рассчитывают на то, что они будут вкладываться и в развитие тех населенных пунктов, где они реализуют свою деятельность. При этом речь прежде всего идет именно об инфраструктурных проектах,

а не в целом о деятельности компаний, которую принято связывать с КСО, и, которая зачастую носит добровольный характер и включает в себя и другие виды деятельности, в частности, благотворительность, образовательную деятельность и т.д. Это связано с тем, что, во-первых, инфраструктурные проекты оказывают воздействие на качество жизни сравнительно максимального числа населения, не для определенной, узкой группы. Во-вторых, значение имеет то, что, к примеру в Западном регионе Казахстана, являющимся крупнейшим нефтегазодобывающим регионом страны, существуют серьезные проблемы, связанные с инфраструктурой. К примеру, в Мангистауской области остро ощущается дефицит питьевой воды [56].

Безусловно, развитие инфраструктуры относится к стратегическим задачам государства. Тем не менее, запросы граждан обращены и к крупным производственным компаниям с иностранным участием, осуществляющим свою деятельность в Казахстане на протяжении длительного периода времени, и зачастую являющимися основными работодателями в местах производственной деятельности.

Показательны в этом отношении цитаты участников глубинных интервью, проведенных среди работников крупных производственных компаний в западном регионе Казахстана, посвященных вопросам о социальных проектах компаний, их значимости, и в целом ожиданий работников в этом отношении:

- *«Раз компании тут получают прибыль, то важно, чтобы они что-то делали для населения, реализовывали проекты именно для местных жителей. Это было бы полезно и для жителей, и для компании».* (М., 42, Мангистауская область)

- *«Компании выделяют деньги на социальные проекты, но мы недовольны как они проходят, в стороне остается главная сторона - народ, который должен давать оценку, нужны им эти проекты или нет, не совещаются с народом местным».* (М., 38, Атырауская область)

- *«Компании наносят урон нашему населенному пункту, выкачают все и уедут, а нам тут жить. У нас проблемы со здоровьем, лечиться – дорого. Почему они не строят современные доступные больницы, почему не помогают местному населению? Мы все знаем, какие доходы они получают».* (М., 39, Мангистауская область)

В то же время, в коллективных обращениях казахстанских работников в ходе забастовок, требование, связанное с вкладом компаний в инфраструктуру региона, конкретного населенного пункта, не озвучивалось. Это связано с тем, что более первостепенными для работников являются вопросы заработной платы. В то же время, вклад компании в инфраструктуру, в развитие населенных пунктов, влияет на ее восприятие работниками, которые, по сути, являются частью местного сообщества.

Что касается экспертного сообщества, то лишь порядка 20% от общего числа экспертов, принявших участие в исследовании, поддерживают точку

зрения о том, что нежелание работодателей инвестировать в развитие социальной инфраструктуры региона является значимым фактором возникновения социально-трудовых конфликтов в стране.

Таблица 1. Динамика ответов экспертов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, является основной причиной участия рабочих в социально-трудовых конфликтах в Казахстане?»

Что, на Ваш взгляд, является основной причиной участия рабочих в социально-трудовых конфликтах?	2021	2022
Уровень удовлетворённости оплатой труда	84%	79%
Уровень удовлетворенности условиями труда	68%	45%
Разрыв (разница) в оплате труда местных и иностранных работников на идентичных позициях	36%	45%
Наличие инвестиций в развитие социальной инфраструктуры региона со стороны работодателей	18%	19%
Опасения работников, связанные с автоматизацией производства	8%	6%

Источник: составлено автором по [57]

То есть можно утверждать, что значимость данного фактора, который определяет отношение к компании работников и местного населения, и, в том числе, влияет на решение работников об участии в выступлениях против ее деятельности, пока еще не осознается, не артикулируется столь четко, причем как на уровне экспертов, так и на уровне работников компаний в Казахстане.

Рост значимости управления в социально-трудовых конфликтах в Казахстане

Анализ требований рабочих в ходе забастовок в 2022 году в Казахстане, публикуемых в открытых данных, демонстрирует происходящую трансформацию характера требований рабочих в ходе социально-трудовых конфликтов, с более обозначенным запросом на участие рабочих в управлении. Так, в требованиях рабочих стали звучать требования учета их мнений при назначении руководства предприятий, а также создании специальных комиссий по расследованию деятельности руководства компании [58]. И хотя доля подобных требований еще менее 5%, тем не менее, стоит констатировать, что ранее (в течении пяти лет) подобные требования не выдвигались. Причинами появления данного вида запроса является и то, что прежние командно-иерархические управленческие подходы уже не отвечают меняющимся запросам работников.

С чем это связано? Речь идет о целом комплексе причин, среди которых, можно выделить:

1. Рост влияния современных информационно-коммуникативных технологий, социальных сетей, которые выступают как в качестве инструмента, кардинально меняющего подходы в участии граждан, позволяя напрямую выражать требования со стороны рабочих. С другой стороны, социальные сети выступают в качестве глобального информатора, влияя на трансформацию самосознания, повышения политической грамотности и самовосприятия людей.

2. Растущий дискурс о правах человека, в том числе и в трудовой сфере. На сегодняшний день глобальными трендами становятся рост запроса на социальную справедливость, кризис доверия всем институтам, отстаивание своих трудовых прав посредством трудовых конфликтов.

3. Трансформацию идеологических установок, которая характерна для населения всего постсоветского пространства. Сегодня, по прошествии тридцати лет независимости, происходит завершение смены поколений. Социализация нынешнего поколения происходила уже в других идеологических условиях, парадигма настоящего предполагает больше индивидуалистский подход и партнерские отношения. В этом контексте, рост социально-трудовых конфликтов выступает естественным следствием развития общества, его «взросления» и демократизации.

Российские исследователи, отмечающие растущую значимость деятельности руководителей, в первую очередь их конфликтологической компетентности, отмечают следующие аргументы в пользу своей позиции: модернизация экономики, растущий уровень самооценки своей деятельности работников предприятий, выражающийся в том числе в повышающихся запросах в отношении методов и принципов организации трудового процесса [59].

Речь идет о том, что руководители сегодня должны уметь своевременно диагностировать причины конфликтного взаимодействия, уметь определить возможные и наиболее оптимальные стратегии их разрешения, а также быть способными предотвратить их негативные последствия. Все это знания лежат в плоскости управленческой культуры руководителей.

Какие инструменты могут быть использованы руководством с точки зрения профилактики трудовых конфликтов? Это организационная диагностика, экспертиза, изучение динамики внутреннего социально-психологического климата, уровня удовлетворенности условиями труда [60], и дальнейшее консультирование с точки зрения выстраивания долгосрочных, устойчивых позитивных результатов в деятельности предприятий [61].

При этом, социально-психологический климат играет определяющую роль в вопросах эффективности предприятий, и, в конечном итоге напрямую отражается на экономических показателях их деятельности. Показательно, в этом отношении, что по данным исследователей, не менее 15%

рабочего времени теряется из-за конфликтов во время производственной деятельности [62].

Что касается казахстанских экспертов, то они, как и коллеги в ряде других стран, также подчеркивают важность управленческого фактора, его значимую роль в возникновении трудовых конфликтов в стране. Так, на вопрос о том, какие управленческие факторы играют определяющую роль в возникновении трудовых конфликтов, 70% из них отмечают неэффективность коммуникаций между административно-управленческим и производственным персоналом, 62% ведут речь о низких управленческих компетенциях менеджмента, 53% - об отсутствии эффективных систем раннего предупреждения конфликта. Среди других причин были указаны: авторитарный стиль руководства (32%), nepoтизм и отсутствие меритократии (27%), назначение иностранных менеджеров без опыта управления в Казахстане (15%) [63].

В то же время, хотя казахстанские эксперты понимают важность управленческого фактора в контексте социально-трудовых конфликтов в стране, данный дискурс еще не получает значимого распространения в научных публикациях в стране, а также в средствах массовой информации, статьях, посвященных анализу социально-трудовых конфликтов в стране.

Вероятно, и этот фактор отражается на том, что практика регулирования трудовых конфликтов со стороны работодателей в Казахстане, зачастую, по-прежнему основана на командно-иерархических подходах, где в качестве основной причины возникающих конфликтов рассматривается экономический фактор. Тогда как социально-психологический фактор, включающий в себя управленческие решения, формат взаимодействия с сотрудниками, учет социальных настроений коллектива, его лояльность и вовлеченность в управлении, зачастую вовсе игнорируется либо недооценивается. Все это влияет на то, что коммуникационный разрыв между руководством и сотрудниками во многих компаниях носят критический характер, в целом отсутствует общая культура поведения в кризисных ситуациях, что отражается на динамике социально-трудовых конфликтов в стране.

Заключение (выводы)

Применяемые сегодня в Казахстане подходы, механизмы урегулирования социально-трудовых конфликтов сродни тушению уже возникших пожаров, что связано с тем, что как единственная причина развития социально-трудовых конфликтов рассматривается ориентация на материальную удовлетворённость работников.

Тогда как значение социально-психологического фактора еще недооценивается, как на уровне властей как местных, так и центральных, так и на уровне работодателей. При этом, в понятие социально-психологического фактора следует относить не только управленческий фактор и психологический климат в коллективе, не менее важным является и такой

аспект как вклад компаний в инфраструктуру в местах операционной деятельности. Это особенно актуально в отношении в отношении крупных производственных компаний с иностранным участием.

Сегодня в Казахстане в контексте социально-психологического фактора рассматривается в основном управленческий аспект, качество менеджмента и реже психологический климат в коллективе, тогда как такой аспект как вклад компаний в инфраструктуру населенных пунктов зачастую игнорируется. Это, во многом, связано и с тем, что данное требование зачастую остается невидимым, не озвучивается в ходе выступлений рабочих, более того, его значимость в контексте социально-трудовых конфликтов признается лишь небольшой частью экспертов. Тем не менее, исследования демонстрируют его прямую увязку с готовностью казахстанских работников протестовать, принимать участие в социально-трудовых конфликтах.

Данный факт во многом связан и с получающим распространением противостоянием труда и капитала в стране. Как следствие, противостояние «свои — чужие» начинает превалировать в производственных отношениях и социальных настроениях. Ухудшение экономической ситуации в стране, усугубив существующую ситуацию, повлияло на еще более критичное восприятие казахстанскими работниками вклада производственных компаний, в которых они работают, в развитие, инфраструктуру населенных пунктов в местах операционной деятельности компаний.

Список литературы

1. Национальная палата предпринимателей РК «Атамекен». Трудовой конфликт в зеркале конкурентоспособности. URL: <https://atameken.kz/ru/news/19072-trudovoj-konflikt-v-zerkale-konkurentosposobnosti>
2. КМБПЧ. Аналитический доклад «Трудовое законодательство РК и международные стандарты». 2020. URL: <https://bureau.kz/wp-content/uploads/2021/02/doc-trade-kz.pdf>
3. Официальный сайт Президента РК. Глава государства провел совещание по социально-экономическому развитию Мангистауской области. 2021. URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-soveshchanie-po-socialno-ekonomicheskomu-razvitiyu-mangistauskoj-oblasti-2283953>
4. Официальный информационный ресурс Премьер-Министра РК. С начала года предприятия повысили зарплату 1,2 млн работникам на 32%. 2019. <https://primeminister.kz/ru/news/v-2019-godu-v-ramkah-socialnoy-otvetstvennosti-zarabotnaya-plata-povyshena-1-2-mln-rabotnikam-mtsxn>
5. Альшанская А., Жовтис Е., Рахимбердин К., Дживага Д. Трудовое законодательство республики Казахстан и международные стандарты. 2020. URL: <https://bureau.kz/wp-content/uploads/2021/02/doc-trade-kz.pdf>

6. Эдильгериев А. Глава Федерации профсоюзов РК помог в разрешении трудовых конфликтов в Атырауской области. 2022. URL: <https://lter.kz/glava-federatsii-profsoiuzov-rk-pomog-v-razreshenii-trudovykh-konfliktov-v-atyrauskoi-oblasti-1647062719/>
7. Ким Н. Роль психологических факторов в управлении персоналом // Вестник ЧелГУ. 2014. №18 (347)
8. Кротова Д. Благоприятный морально-психологический климат в служебном коллективе как один из факторов эффективной деятельности // Государственная служба и кадры. 2018. №3. С.162-165
9. Молчанова Е., Назаретян А., Исмаилов Е. Поведенческая эпидемия как результат внутригородского конфликта в условиях заданной социальной ущербности // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2016. N 2(37). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2016_2_37/nomer12.php
10. Akhmetzharov, S., Orazgaliyev, S. Labor unions and institutional corruption: The case of Kazakhstan // Journal of Eurasian Studies. 2021. 12(2). Pp.133–144.
11. Khamzina Zh. et al. Labor Disputes in Kazakhstan: Results of Legal Regulation and Future Prospects // Journal of Legal, Ethical and Regulatory. 2020. Issues 23
12. Issayeva A. et al. Features of Legal Regulation of the Procedure for the Consideration of Labor Disputes in Kazakhstan // Journal of Advanced Research in Law and Economics, Vol. 11(1). Pp. 65 – 73
13. Брицкая Е. В KazService назвали основные причины трудовых конфликтов в нефтяной отрасли Казахстана. URL: <https://informburo.kz/novosti/v-kazservice-nazvali-osnovnye-prichiny-trudovykh-konfliktov-v-neftyanoi-otrasli-kazahstana-92377.html>;
14. Калиев А. Запад штормит: почему бастуют нефтяники Казахстана? 2021. URL: <https://www.exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/126075/>
15. Бакозада Х. До 70% населения Таджикистана живут за счет переводов трудовых мигрантов, URL: <https://rus.ozodi.org/a/30214025.html>
16. Караев С. 2020 Какие права трудящихся в Таджикистане нарушаются чаще всего? URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20200125/kakie-prava-trudyatshihnya-v-tadzhikistane-narushayutsya-chatshe-vsego>
17. Ашуров А. Китайскую компанию оштрафовали за нарушение прав таджикских рабочих. 2021. URL: <https://rus.ozodi.org/a/31194635.html>; Касаткин А. Все больше рабочих в Таджикистане ищут поденную работу на «трудовых рынках». Спрос превышает предложение. 2020. URL: <https://www.currenttime.tv/a/tajikistan-besrobotitsa-rost/30845818.html>
18. Кабиров С., Одинаев Р. Кирпичные заводы в Таджикистане: по документам работники оформлены, но на деле – нет. Central Asian Bureau for Analytical Reporting. URL: <https://cabar.asia/ru/kirpichnye-zavody-v-tadzhikistane-po-dokumentam-rabotniki-oformleny-no-na-dele-net>
19. Забастовка как право, защищающее от принудительного труда. Мониторинговая миссия по трудовым правам в Центральной Азии. URL: <https://www.labourcentralasia.org/ru/news/zabastovka-kak-pravo-zashchishchayushchee-ot-prinuditelnogo-truda-/?f=sANwmylp>
20. Доклад о соблюдении прав человека в Узбекистане за 2019 год. URL: <https://uz.usembassy.gov/ru/2019-country-reports-on-human-rights-practices-uzbekistan-ru/>
21. Ниязметов А. Механизмы разрешения коллективных трудовых

споров в Республике Узбекистан. Реализация экономических, социальных и культурных прав: взгляды на законодательство и практику в Узбекистане. Международная комиссия юристов. С.16-34. URL: <https://www.icj.org/wp-content/uploads/2021/03/Realising-economic-social-and-cultural-rights-2021.pdf>

22. Новый Узбекистан – новые профсоюзы. Портал Федерации Профсоюзов Узбекистана. URL: <https://kasaba.uz/noviy-uzbekistan-novye-pofsoyuzy-o-deyatelnosti-federatsii-profsoyuzov-uzbekistana-v-2016-2020-gg-i-prioritetnyh-zadachah-profsoyuzov-na-sovremennom-etape-natsionalnogo-progressa/>
23. Kadirov E. Formation of the system of social partnership and legal culture in the case of Uzbekistan // Review of law sciences. 2017. Vol.1(1). Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/285996445.pdf>
24. Гулетт Д., Калыбекова А. Соглашение под давлением. Золотодобыча и протесты в Кыргызской Республике. 2014. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/11090.pdf>
25. Toktomushev K., Furstenberg S. Understanding Gold Mining and Social Conflicts in Kyrgyzstan. University of Central Asia. Institute of Public Policy and Administration (IPPA) Working Paper No. 63. 2021. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3896275>
26. Sternberg T. Conflict and contestation in Kyrgyz mining infrastructure, The Extractive Industries and Society. Volume 7. Issue 4. 2020. Pp. 1392-1400. ISSN 2214-790X, <https://doi.org/10.1016/j.exis.2020.10.016>.
27. Гагаринская, Г., Дыркина С. Управление трудовыми конфликтами организации (методология и практика). М.: Мир науки, 2019. URL: <https://izd-mn.com/PDF/14MNNPM19.pdf>
28. Басенко, В. Организационное поведение: современные аспекты трудовых отношений. М.: Дашков и К, 2012. 384 с.
29. Коновалова В. Управление трудовым конфликтом на примере зарубежных производственных компаний // Вестник Евразийской науки. №6. 2018. URL: <https://esj.today/PDF/59ECVN618.pdf>
30. Аврашников Л., Адамчук В. Антонова О. и др. Экономика предприятий. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Банки и биржи, ЮНИТИ. 2000. 742 с.
31. Калмыкова О., Соловова Н. Эффективное управление конфликтами в социально-трудовых отношениях // Вестник Самарского государственного университета. № 1(102). 2013.
32. Траилина В.Г. Анализ социально-трудовых отношений в актуальном целостном контексте // Проблемы современной экономики. 2015. № 3 (55). С. 155-161.
33. Комакова Е., Микрюкова А. Факторы развития региональных социально-трудовых отношений в условиях экономической нестабильности // Вестник ЧелГУ. 2015. №18. (373). С.18-27
34. Рябов В. Разработка методики диагностики субъективного качества трудовой жизни // Институт психологии РАН. Организационная психология и психология труда. 2019. Т. 4. No 1. С. 111-130.
35. Onwe S., Nwogbaga D. The Causes of Conflicts and Crisis in School Management. Journal of Humanities and Social Science. 2014.Vol.19. Pp. 8-12
36. Okotoni, O. and Okotoni, A. Conflict Management in Secondary Schools in Osun State, Nigeria // Nordic Journal of African Studies. 2003. Vol.12. No.1. Pp. 23-38.
37. Mitrofanova, E., Konovalova, V., Mitrofanova, A. Methodical Approach to Conflict Management in the System of Social and Labour Relations in the Organization. In: Solovev, D.B., Savaley, V.V., Bekker, A.T.,

- Petukhov, V.I. (eds) Proceeding of the International Science and Technology Conference «FarEastCon 2019». Smart Innovation, Systems and Technologies. 2020. Vol 172. Pp.397-406; Mitrofanova, V. Konovalova E. The Impact of Artificial Intelligence on Human Resources Management Strategy: Opportunities for the Humanisation and Risks // WISDOM. 2022.. Vol.2. №1. Pp. 88–96. DOI: <https://doi.org/10.24234/wisdom.v2i1.763>
38. Medel, R., Velasquez, D., Perez, D. Politization in Labor Conflict: Analyzing the Demands of Post-Authoritarian Chilean Strikes // *Critical Sociology*. 2023. 49(1), Pp. 77–96. DOI: <https://doi.org/10.1177/08969205211063235>
 39. Lakshmi R., Sigal B., Orah R. The influence of organizational respect on emotional exhaustion in the human services // *The Journal of Positive Psychology*. 2008. Vol. 3. №1. Pp. 4-18; Christine P., *Mastering Civility: A Manifesto for the Workplace*. Grand Central Publishing. 240 P.
 40. Chu J., Fafchamps M. Labor conflict within foreign, domestic, and Chinese-owned manufacturing firms in Ethiopia. *World Development*. 2022. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2022.106037>.
 41. Adamu I. (2015). Conflicts in Organizations: Causes and Consequences // *Journal of Educational Policy and Entrepreneurial Research*. 2015. Vol. 2, NO.11. Pp. 54-59
 42. Conde M., Billon P., Why do some communities resist mining projects while others do not? // *The Extractive Industries and Society*. 2017. Vol. 4(3). Pp. 681-697. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.exis.2017.04.009>.
 43. Imbun B. Cannot manage without the «significant other»: Mining, corporate social responsibility and local communities in Papua New Guinea // *Journal of Business Ethics*. 2007. Vol. 73(2). Pp. 177–192. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10551-006-9189-z>
 44. Abuya W. Mining conflicts and Corporate Social Responsibility: Titanium mining in Kwale, Kenya // *The Extractive Industries and Society*. 2016. Vol. 3 (2). Pp.485-493. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.exis.2015.12.008>.
 45. Lezak S., Ahearn A., McConnell F., Sternberg T., Frameworks for conflict mediation in international infrastructure development: A comparative overview and critical appraisal // *Journal of Cleaner Production*. 2019. Vol. 239. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.118099>
 46. Dahlsrud A. How Corporate Social Responsibility is defined: an analysis of 37 definitions // *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. 2008. Vol.15 (1). Pp.1-13
 47. Hilson G. Championing the Rhetoric? «Corporate Social Responsibility» in Ghana's Mining Sector // *Greener Management International*. 2007. Vol.53. Pp.43-56
 48. Turner, T., Brownhill, L. Why Women are at War with Chevron: Nigerian Subsistence Struggles against the International Oil Industry // *Journal of Asian and African Studies*. 2004. Vol.39(1–2). Pp. 63–93. DOI: <https://doi.org/10.1177/0021909604048251>
 49. Muradian, R., Martinez-Alier, J., Correa, H. International Capital Versus Local Population. The Environmental Conflict of the Tambogrande Mining Project, Peru // *Society and Natural Resources*. 2003. Vol.16 (9). Pp. 775–792
 50. Исмаилов Е. Трудовые конфликты в Казахстане: невыученные уроки. *Forbes Kazakhstan*, № 135. URL: https://forbes.kz/process/expertise/trudovyye_konflikty_v_kazakhstan_e_nevyuchennyye_uroki/;
 51. см. 50 Исмаилов Е.
 52. Вопросы предупреждения трудовых конфликтов обсуждают в Атырау. URL: <https://strategy2050.kz/ru/news/voprosy-preduprezh->

- deniya-trudovoykh-konfliktov-obsuzhdayut-v-atyrau/-
53. Ибраева А. Пандемия и рынок труда: как Федерация профсоюзов поддерживает трудовые коллективы? URL: <https://strategy2050.kz/ru/news/pandemiya-i-rynok-truda-kak-federatsiya-profsoyuzov-podderzhivaet-trudovye-kollektivy/>
 54. Исмаилов Е. Уровень протестной активности через призму оценок качества жизни. Вестник государственного университета «Дубна». 2019. № 2. С.73-81 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42621555>
 55. см.54
 56. Сейдалиева Л., Волкова И. Проблемы водопотребления Мангистауской области Республики Казахстан в условиях ограниченности и уязвимости водных ресурсов // Вестник ТГУ. Т.19. Вып.5. 2014. №5. С.1462-1465
 57. См. 50 Исмаилов Е.
 58. Тойкен С. Водители неотложек в Мангистауской области прервали протест после обещаний о прибавке. 2022 URL:<https://rus.azattyq.org/a/31674428.html>; В Жезказгане рабочие ЛМЗ требуют от «Казахмыса» повысить зарплаты на 100%. 2022. URL: <https://vlast.kz/novosti/48048-v-zezkazgane-rabocие-lmz-trebuut-ot-kazahmysa-povysit-zarplaty-na-100.html>; Кораблев С. Сотрудники ТОО «Бургылау» в Жанаозене заявили о приостановке работы. 2022. URL: https://www.lada.kz/aktau_news/society/98989-sotrudniki-too-burgylau-v-zhanaozene-zayavili-o-priostanovke-raboty.html?utm_source=telegram&utm_medium=98989
 59. Маслова О., Калмыкова О. Конфликтологическая компетентность руководителя: оценка социально-психологического самочувствия работников // Известия СНЦ РАН. Вып. «Актуальные проблемы психологии». Самара: СНЦ РАН. 2009. С. 51 - 59.
 60. Таджибова Л. Реализация корпоративных социальных программ как практика социального партнерства // Теория и практика общественного развития. М.: Издательский дом «ХОПС». № 1 (143). 2020. С. 47-52.
 61. Мясницын Р., Федорова А. Современные технологии урегулирования конфликтов в организациях // Инновационная наука. 2015. Т. 1. № 3. С. 252-256.
 62. Бережной А., Аванесян Д. Управление трудовыми конфликтами в организации. Естественно-гуманитарные исследования. 2019. № 23(1). С. 23-25.
 63. См. 50 Исмаилов Е.

References

1. Natsional'naya palata predprinimatelei RK «Atameken». Trudovoi konflikt v zerkale konkurentosposobnosti. URL: <https://atameken.kz/ru/news/19072-trudovoj-konflikt-v-zerkale-konkurentosposobnosti>
2. КМБПЧН. Analiticheskii doklad «Trudovoe zakonodatel'stvo RK i mezhdunarodnye standartY». 2020. URL: <https://bureau.kz/wp-content/uploads/2021/02/doc-trade-kz.pdf>
3. Ofitsial'nyi sait Prezidenta RK. Glava gosudarstva provel soveshchanie po sotsial'no-ehkonomicheskomu razvitiyu Mangistauskoi oblasti. 2021. URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-soveshchanie-po-socialno-ekonomicheskomu-razvitiyu-mangistauskoy-oblasti-2283953>
4. Ofitsial'nyi informatsionnyi resurs Prem'er-Ministra RK. S nachala goda predpriyatiya povysili zarplatu 1,2 mln rabotnikam na 32%. 2019. <https://primeminister.kz/ru/news/v-2019-godu-v-ramkah-socialnoy->

otvetstvennosti-zarabotnaya-plata-povyshena-1-2-mln-rabotnikam-
mtsxn

5. Al'shanskaya A., Zhovtis E., Rakhimberdin K., Dzhivaga D. Trudovoe zakonodatel'stvo respubliki Kazakhstan i mezhdunarodnye standarty. 2020. URL: <https://bureau.kz/wp-content/uploads/2021/02/doc-trade-kz.pdf>
6. Ehdil'geriev A. Glava Federatsii profsoyuzov RK pomog v razreshenii trudovykh konfliktov v Atyrauskoj oblasti. 2022. URL: <https://liter.kz/glava-federatsii-profsoyuzov-rk-pomog-v-razreshenii-trudovykh-konfliktov-v-atyrauskoj-oblasti-1647062719/>
7. Kim N. Rol' psikhologicheskikh faktorov v upravlenii personalom // Vestnik ChelGU. 2014. №18 (347)
8. Krotova D. Blagopriyatnyi moral'no-psikhologicheskii klimat v sluzhebno-m kolektive kak odin iz faktorov ehffektivnoi deyatel'nosti // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2018. №3. S.162-165
9. Molchanova E., Nazaretyan A., Ismailov E. Povedencheskaya ehpidemiya kak rezul'tat vnutrigorodskogo konflikta v usloviyakh zadannoi sotsial'noi ushcherbnosti // Meditsinskaya psikhologiya v Rossii: ehlektron. nauch. zhurn. 2016. N 2(37). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2016_2_37/nomer12.php
10. Akhmetzharov, S., Orazgaliyev, S. Labor unions and institutional corruption: The case of Kazakhstan // Journal of Eurasian Studies. 2021. 12(2). Pp.133–144.
11. Khamzina Zh. et al. Labor Disputes in Kazakhstan: Results of Legal Regulation and Future Prospects // Journal of Legal, Ethical and Regulatory. 2020. Issues 23
12. Issayeva A. et al. Features of Legal Regulation of the Procedure for the Consideration of Labor Disputes in Kazakhstan // Journal of Advanced Research in Law and Economics, Vol. 11(1). Pp. 65 – 73
13. Britskaya E. V KazService nazvali osnovnye prichiny trudovykh konfliktov v neftyanoi otrasli Kazakhstana. URL: <https://informburo.kz/novosti/v-kazservice-nazvali-osnovnye-prichiny-trudovykh-konfliktov-v-neftyanoi-otrasli-kazakhstan-92377.html>; Kaliev A. Zapad shtormit: pochemu bastuyut neftyaniki Kazakhstana? 2021. URL: <https://www.exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/126075/>
14. Bakozada KH. Do 70% naseleniya Tadjikistana zhivot za schet perevodov trudovykh migrantov, URL: <https://rus.ozodi.org/a/30214025.html>
15. Bakozada KH. Do 70% naseleniya Tadjikistana zhivot za schet perevodov trudovykh migrantov, URL: <https://rus.ozodi.org/a/30214025.html>
16. Karaev S. 2020 Kakie prava trudyashchikhsya v Tadjikistane narushayutsya chashche vsego? URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20200125/kakie-prava-trudyatshihhsya-v-tadjikistane-narushayutsya-chatshe-vsego>
17. Ashurov A. Kitaiskuyu kompaniyu oshtrafovali za narushenie prav tadjikskikh rabochikh. 2021. URL: <https://rus.ozodi.org/a/31194635.html>; Kasatkin A. Vse bol'she rabochikh v Tadjikistane ishchut podennuyu rabotu na «trudovykh rynkaKH». Spros prevyshaet predlozhenie. 2020. URL: <https://www.currenttime.tv/a/tajikistan-besrobotitsa-rost/30845818.html>
18. Kabirov S., Odinaev R. Kirpichnye zavody v Tadjikistane: po dokumentam rabotniki oformleny, no na dele – net. Central Asian Bureau for Analytical Reporting. URL: <https://cabar.asia/ru/kirpichnye-zavody-v-tadjikistane-po-dokumentam-rabotniki-oformleny-no-na-dele-net>

19. Zabastovka kak pravo, zashchishchayushchee ot prinuditel'nogo truda. Monitoringovaya missiya po trudovym pravam v Tsentral'noi Azii. URL: <https://www.labourcentralasia.org/ru/news/zabastovka-kak-pravo-zashchishchayushchee-ot-prinuditelnogo-truda-/?f=sANwmylp>
20. Doklad o soblyudenii prav cheloveka v Uzbekistane za 2019 god. URL: <https://uz.usembassy.gov/ru/2019-country-reports-on-human-rights-practices-uzbekistan-ru/>
21. Niyazmetov A. Mekhanizmy razresheniya kollektivnykh trudovykh sporov v Respublike Uzbekistan. Realizatsiya ehkonomicheskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh prav: vzglyady na zakonodatel'stvo i praktiku v Uzbekistane. Mezhdunarodnaya komissiya yuristov. S.16-34. URL: <https://www.icj.org/wp-content/uploads/2021/03/Realising-economic-social-and-cultural-rights-2021.pdf>
22. Novyi Uzbekistan – novye profsoyuzy. Portal Federatsii Profsoyuzov Uzbekistana. URL: <https://kasaba.uz/ru/novyy-uzbekistan-novye-pofsoyuzy-o-deyatelnosti-federatsii-profsoyuzov-uzbekistana-v-2016-2020-gg-i-prioritetnyh-zadachah-profsoyuzov-na-sovremennom-etape-natsionalnogo-progressa/>
23. Kadirov E. Formation of the system of social partnership and legal culture in the case of Uzbekistan // Review of law sciences. 2017. Vol.1(1). Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/285996445.pdf>
24. Gulett D., Kalybekova A. Soglashenie pod davleniem. Zolotodobycha i protesty v Kyrgyzskoi Respublike. 2014. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/11090.pdf>
25. Toktomushev K., Furstenberg S. Understanding Gold Mining and Social Conflicts in Kyrgyzstan. University of Central Asia. Institute of Public Policy and Administration (IPPA) Working Paper No. 63. 2021. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3896275>
26. Sternberg T. Conflict and contestation in Kyrgyz mining infrastructure, The Extractive Industries and Society. Volume 7. Issue 4. 2020. Pp. 1392-1400. ISSN 2214-790X, <https://doi.org/10.1016/j.exis.2020.10.016>.
27. Gagarinskaya, G., Dyrkina S. Upravlenie trudovymi konfliktami organizatsii (metodologiya i praktika). M.: Mir nauki, 2019. URL: <https://izd-mn.com/PDF/14MNNPM19.pdf>
28. Basenko, V. Organizatsionnoe povedenie: sovremennye aspekty trudovykh otnoshenii. M.: Dashkov i K, 2012. 384 s.
29. Konovalova V. Upravlenie trudovym konfliktom na primere zarubezhnykh proizvodstvennykh kompanii // Vestnik Evraziiskoi nauki. №6. 2018. URL: <https://esj.today/PDF/59ECVN618.pdf>
30. Avrashnikov L., Adamchuk V. Antonova O. i dr. Ehkonomika predpriyatii. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Banki i birzhi, YUNITI. 2000. 742 s.
31. Kalmykova O., Solovova N. Ehhfektivnoe upravlenie konfliktami v sotsial'no-trudovykh otnosheniyakh // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. № 1(102). 2013.
32. Trailina V.G. Analiz sotsial'no-trudovykh otnoshenii v aktual'nom tselostnom kontekste // Problemy sovremennoi ehkonomiki. 2015. № 3 (55). S. 155-161.
33. Komakova E., Mikryukova A. Faktory razvitiya regional'nykh sotsial'no-trudovykh otnoshenii v usloviyakh ehkonomicheskoi nestabil'nosti // Vestnik CheLGU. 2015. №18. (373). S.18-27
34. Ryabov V. Razrabotka metodiki diagnostiki sub"ektivnogo kachestva trudovoi zhizni // Institut psikhologii RAN. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda. 2019. T. 4. No 1. S. 111-130.
35. Onwe S., Nwogbaga D. The Causes of Conflicts and Crisis in School Management. Journal of Humanities and Social Science. 2014.Vol.19.

Pp. 8-12

36. Okotoni, O. and Okotoni, A. Conflict Management in Secondary Schools in Osun State, Nigeria // *Nordic Journal of African Studies*. 2003. Vol.12. No.1. Pp. 23-38.
37. Mitrofanova, E., Konovalova, V., Mitrofanova, A. Methodical Approach to Conflict Management in the System of Social and Labour Relations in the Organization. In: Solovev, D.B., Savaley, V.V., Bekker, A.T., Petukhov, V.I. (eds) *Proceeding of the International Science and Technology Conference «FarEastCon 2019»*. Smart Innovation, Systems and Technologies. 2020. Vol 172. Pp.397-406; Mitrofanova, V. Konovalova E. The Impact of Artificial Intelligence on Human Resources Management Strategy: Opportunities for the Humanisation and Risks // *WISDOM*. 2022.. Vol.2. №1. Pp. 88–96. DOI: <https://doi.org/10.24234/wisdom.v2i1.763>
38. Medel, R., Velasquez, D., Perez, D. Politization in Labor Conflict: Analyzing the Demands of Post-Authoritarian Chilean Strikes // *Critical Sociology*. 2023. 49(1), Pp. 77–96. DOI: <https://doi.org/10.1177/08969205211063235>
39. Lakshmi R., Sigal B., Orah R. The influence of organizational respect on emotional exhaustion in the human services // *The Journal of Positive Psychology*. 2008. Vol. 3. №1. Pp. 4-18; Christine P., *Mastering Civility: A Manifesto for the Workplace*. Grand Central Publishing. 240 P.
40. Chu J., Fafchamps M. Labor conflict within foreign, domestic, and Chinese-owned manufacturing firms in Ethiopia. *World Development*. 2022. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2022.106037>.
41. Adamu I. (2015). *Conflicts in Organizations: Causes and Consequences* // *Journal of Educational Policy and Entrepreneurial Research*. 2015. Vol. 2, NO.11. Pp. 54-59
42. Conde M., Billon P., Why do some communities resist mining projects while others do not? // *The Extractive Industries and Society*. 2017. Vol. 4(3). Pp. 681-697. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.exis.2017.04.009>.
43. Imbun B. Cannot manage without the «significant other»: Mining, corporate social responsibility and local communities in Papua New Guinea // *Journal of Business Ethics*. 2007. Vol. 73(2). Pp. 177–192. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10551-006-9189-z>
44. Abuya W. Mining conflicts and Corporate Social Responsibility: Titanium mining in Kwale, Kenya // *The Extractive Industries and Society*. 2016. Vol. 3 (2). Pp.485-493. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.exis.2015.12.008>.
45. Lezak S., Ahearn A., McConnell F., Sternberg T., Frameworks for conflict mediation in international infrastructure development: A comparative overview and critical appraisal // *Journal of Cleaner Production*. 2019. Vol. 239. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.118099>
46. Dahlsrud A. How Corporate Social Responsibility is defined: an analysis of 37 definitions // *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. 2008. Vol.15 (1). Pp.1-13
47. Hilson G. Championing the Rhetoric? «Corporate Social Responsibility» in Ghana's Mining Sector // *Greener Management International*. 2007. Vol.53. Pp.43-56
48. Turner, T., Brownhill, L. Why Women are at War with Chevron: Nigerian Subsistence Struggles against the International Oil Industry // *Journal of Asian and African Studies*. 2004. Vol.39(1–2). Pp. 63–93. DOI: <https://doi.org/10.1177/0021909604048251>
49. Muradian, R., Martinez-Alier, J., Correa, H. International Capital Versus Local Population. The Environmental Conflict of the Tambogrande Mining Project, Peru // *Society and Natural Resources*. 2003. Vol.16

- (9). Pp. 775–792
50. Ismailov E. Trudovye konflikty v Kazakhstane: nevyuchennye uroki. Forbes Kazakhstan, https://forbes.kz/process/expertise/trudovye_konflikty_v_kazahstane_nevyuchennyye_uroki/; Panchenko T. Ehksperty: trudovye konflikty mogut pererasti v mezhnatsional'nye. 2021. URL: https://forbes.kz/process/expertise/trudovye_konflikty_mogut_prevratitsya_v_mejnatsionalnyie/
51. sm. 50 Ismailov E.
52. Voprosy preduprezhdeniya trudovykh konfliktov obsuzhdayut v Atyrau. URL: <https://strategy2050.kz/ru/news/voprosy-preduprezhdeniya-trudovykh-konfliktov-obsuzhdayut-v-atyrau/>
53. Ibraeva A. Pandemiya i rynek truda: kak Federatsiya profsoyuzov podderzhivaet trudovye kolektivy? URL: <https://strategy2050.kz/ru/news/pandemiya-i-rynek-truda-kak-federatsiya-profsoyuzov-podderzhivaet-trudovye-kollektivy/>
54. Ismailov E. Uroven' protestnoi aktivnosti cherez prizmu otsenok kachestva zhizni. Vestnik gosudarstvennogo universiteta «DubnA». 2019. № 2. S. 73-81 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42621555>
55. sm.54
56. Seidaliyeva L., Volkova I. Problemy vodopotrebleniya Mangistauskoj oblasti Respubliki Kazakhstan v usloviyakh ogranichennosti i uyazvimosti vodnykh resursov // Vestnik TGU. T.19. Vyp.5. 2014. №5. S.1462-1465
57. sm. 50 Ismailov E.
58. Toiken S. Voditeli neotlozhek v Mangistauskoj oblasti previali protest posle obeshchaniy o pribavke. 2022 URL: <https://rus.azattyq.org/a/31674428.html>; V Zhezkazgane rabochie LMZ trebuyut ot «KazakhmysA» povysit' zarplaty na 100%. 2022. URL: <https://vlast.kz/novosti/48048-v-zezkazgane-rabochie-lmz-trebuut-ot-kazahmysa-povysit-zarplaty-na-100.html>; Korablev S. Sotrudniki TOO «BurgylaU» v Zhanaozene zayavili o priostanovke raboty. 2022. URL: https://www.lada.kz/aktau_news/society/98989-sotrudniki-too-burgylau-v-zhanaozene-zayavili-o-priostanovke-raboty.html?utm_source=telegram&utm_medium=98989
59. Maslova O., Kalmykova O. Konfliktologicheskaya kompetentnost' rukovoditelya: otsenka sotsial'no-psikhologicheskogo samochuvstviya rabotnikov // Izvestiya SNTS RAN. Vyp. «Aktual'nye problemy psikhologii». Samara: SNTS RAN. 2009. S. 51 - 59.
60. Tadzhibova L. Realizatsiya korporativnykh sotsial'nykh programm kak praktika sotsial'nogo partnerstva // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. M.: Izdatel'skii dom «KHORS». № 1 (143). 2020. S. 47-52.
61. Myasnitsyn R., Fedorova A. Sovremennyye tekhnologii uregulirovaniya konfliktov v organizatsiyakh // Innovatsionnaya nauka. 2015. T. 1. № 3. S. 252-256.
62. Berezhnoi A., Avanesyan D. Upravlenie trudovymi konfliktami v organizatsii. Estestvenno-gumanitarnyye issledovaniya. 2019. № 23(1). S. 23-25.
63. sm. 50 Ismailov E.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ИСЛАМА НА СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КАЗАХСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Шолпан Жандосова^{1*}

Наталья Сейтахметова²

Мадина Бектенова³

¹ главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, PhD, ассоциированный профессор, e-mail*: sholpan_zhandosova@mail.ru

² главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, доктор философских наук, профессор, e-mail: natalieseyt@gmail.com

³ ведущий научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, PhD, e-mail: madeka_1982@mail.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2023-4.03>

Аннотация. Влияние исламской традиции на институционализацию семьи в странах со светским контентом, можно проследить на примерах отдельных семей и дискурс анализа темы семьи в информационном пространстве. Законодательные нормы, на основе которых создаются семьи и регулируются семейно-брачные отношения, представляют собой четко отработанный механизм, действующий в реалиях светского казахстанского общества. Однако, можно заметить, что исламская традиция заключения брака, такая как «никах- неке» становится условием необходимости для многих религиозных семей, особенно в молодежных семьях. С чем это связано? С продвижением и влиянием исламских ценностей после распада СССР, возникло желание деконструкции атеистической культуры и ее влияния в том числе на семейную жизнь. Исследование влияния исламских семейных традиций показывает, что они оказывают влияние на формирование современной семьи. Это особенно заметно в таких обстоятельствах, как регистрация брака, супружеские отношения, воспитание детей, расторжение брака.

Ключевые слова: государственная политика, семейная политика, ислам, мусульманские традиции, шариат.

ИСЛАМНЫҢ ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ҚОҒАМДАҒЫ ОТБАСЫЛЫҚ-НЕКЕ ҚАТЫНАСТАРЫНА ӘСЕРІ ТУРАЛЫ

Шолпан Жандосова^{1*}, Наталья Сейтахметова², Мадина Бектенова³

¹ ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының бас ғылыми қызметкері, PhD, қауымдастырылған профессор, e-mail*: sholpan_zhandosova@mail.ru

² ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының бас ғылыми қызметкері, философия ғылымдарының докторы, профессор, e-mail: natalieseyt@gmail.com

³ ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ жетекші ғылыми қызметкері, PhD, e-mail: madeka_1982@mail.ru

Аңдатпа. Ислам дәстүрінің зайырлы мазмұны бар елдердегі отбасын институционализациялауға әсерін жеке отбасылардың мысалдары мен ақпараттық кеңістіктегі отбасы тақырыбын талдау дискурсы арқылы байқауға болады. Олардың негізінде отбасылар құрылатын және отбасылық-некелік қатынастар реттелетін заңнамалық нормалар зайырлы қазақстандық қоғамның шындығында әрекет ететін нақты пысықталған тетік болып табылады. Алайда, «никах-неке» сияқты исламдық неке дәстүрі көптеген діни отбасылар үшін, әсіресе жастар отбасыларында қажеттіліктің шарты болатынын байқауға болады. Бұл немен байланысты? КСРО ыдырағаннан кейін ислам құндылықтарының ілгерілеуі мен ықпалымен атеистік мәдениетті деконструкциялау және оның отбасылық өмірге әсері пайда болды. Исламдық отбасылық дәстүрлердің әсерін зерттеу олардың қазіргі заманғы отбасының қалыптасуына әсер ететіндігін көрсетеді. Бұл әсіресе некені тіркеу, неке қатынастары, ата-ана тәрбиесі, некені бұзу сияқты жағдайларда байқалады.

Түйін сөздер: мемлекеттік саясат, отбасылық саясат, ислам, мұсылман дәстүрлері, шариғат.

ON THE QUESTION OF THE INFLUENCE OF ISLAM ON FAMILY AND MARRIAGE RELATIONS IN KAZAKHSTAN SOCIETY

Sholpan Zhandosova^{1*}, Natalya Seytakhmetova², Madina Bektenova³

¹ Chief Researcher of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, PhD, Associate Professor,

e-mail*: sholpan_zhandosova@mail.ru

² Chief Researcher of the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Philosophy Sciences, Professor, e-mail: natalieseyt@gmail.com

³ Leading Researcher at the KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan, PhD, e-mail: madeka_1982@mail.ru

Abstract. The influence of the Islamic tradition on the institutionalization of the family in countries with secular content can be traced through the examples of individual families and the discourse analysis of the topic of family in the information space. The legislative norms based on which families are created and family-marriage relations are regulated represent a clearly proven mechanism operating in the realities of secular Kazakhstani society. However, it can be noted that the Islamic tradition of marriage, such as «nikah-neke», is becoming a condition of necessity for many religious families, especially in youth families. What is this connected with? With the advancement and influence of Islamic values after the collapse of the USSR, a desire arose to deconstruct atheistic culture and its influence, including on family life. A study of the influence of Islamic family traditions shows that they influence the formation of a modern family. This is especially noticeable in such circumstances as marriage registration, marital relations, raising children, and divorce.

Keywords: *Public Policy, Family Policy, Islam, Muslim Traditions, Sharia.*

Введение

В настоящее время ученые углубленно изучают эволюцию института семьи, поскольку семья является основной ячейкой общества и играет жизненно важную роль в построении и стабильности общества. Проблемы развития семьи оказывают непосредственное влияние на благополучие людей и общества в целом, поэтому их изучение и понимание имеют решающее значение. Таким образом, благодаря конституционным гарантиям и равенству прав и свобод людей деятельность различных религиозных институтов в Казахстане не может быть ограничена законодательством. Семья в исламе имеет свои отличительные черты и качества, истоки которых можно проследить еще во времена создания священных книг и установления традиций и ритуалов. В исламе одной из важнейших тем являются семейно-брачные узы. Однако на данный момент проблема влияния ислама и мусульманских традиций на семейную политику и брачно-семейное законодательство Республики Казахстан практически не изучена. Это связано с тем, что большинство современных стран, в том числе и Казахстан, пытаются отойти от влияния исламских традиций на национальное законодательство, а также отсутствие актуальных статистических данных в этой сфере.

Термин «семейная политика» на данный момент не имеет единого понятия, оно включает в себя более сотни различных определений, которые традиционно разделяются на широкую и узкую направленность. Как отмечает Zh. Iskakova, в узком смысле семейная политика рассматривается как часть социальной политики государства, которая охватывает все специализированные меры, касающиеся семьи. В широком смысле это понятие чаще всего понимается как система всех мероприятий властей определенной нации, влияющих на семью как прямо, так и косвенно, что в некотором роде похоже на социальную политику. В обоих случаях семейная политика рассматривается как фактор, влияющий, среди прочего, на благосостояние людей, социальный прогресс, гарантии занятости и социальную помощь [1].

С незапамятных времен семья была важнейшей ценностью казахского общества. С обретением независимости Казахстаном проблема защиты и укрепления семейных ценностей стала главной заботой руководства страны [2]. Согласно исследованию I.N. Dauranov, институциональная и правовая база большинства промышленно развитых стран основана на давних национальных традициях и выдающихся религиозных конфессиях. Например, доминирующей тенденцией в странах ЕС является унификация законодательства. В то же время, согласно преобладающей религии страны, различия в правовом регулировании семейно-брачных отношений остаются значительными [3].

Как отмечает I. Tarboni, законный и признанный брак является основой идеальной семьи. Формирование семьи, объединенной законным и признанным браком, должно соответствовать необходимым стандартам, как религиозным, так и государственным законам. С выводами ученого следует согласиться, поскольку проанализировав ситуацию в Казахстане, при законном браке супруги наделены одинаковыми правами и обязанностями, а также равно защищены их права при разводе, в отличие от религиозных браков. Человеческая пара, заключившая брак в соответствии с религиозными заповедями и государственным законодательством, окажет положительное влияние на все сферы государственного развития. Семья, признанная Аллахом, государством и обществом, несомненно, будет чувствовать себя спокойно. Идеальная семья будет создана, если каждый ее член будет выполнять свои индивидуальные права и обязанности [4]. В результате современные мусульманские семейные правила основаны на представлениях, которым много веков назад и которые мало соответствуют сегодняшним обстоятельствам. На протяжении десятилетий правила личного статуса мусульман пересматривались, чтобы устранить некоторые опасения, высказываемые женщинами по поводу этих разделов. Многоженство, например, все больше регулируется судами в различных мусульманских странах, виды разводов или основания для развода, инициированные женщинами, были расширены. Были приняты законы или в них были внесены поправки, позволяющие вписывать в брачный контракт дополнительные условия

для защиты, была введена концепция «наилучших интересов ребенка», позволяющая женщине сохранять опеку, даже если она снова вышла замуж.

По мнению N.Zh. K. Yusupova, отношения между супругами строятся на брачном союзе, взаимопомощи и поддержке лиц, имеющих равные права и обязанности в семейных связях, а не на экономической или юридической опоре мужчины или женщины [5]. С этим мнение стоит согласиться, поскольку, прежде всего, в исламе брак – это обоюдный союз мужчины и женщины, выражающий их свободную волю и желания; правила исламского права подразумевают право каждого человека выражать свою волю и желания независимо; те, кто вступает в брак в процессе бракосочетания, и те, кто вступает в брак в процессе брачного союза, имеют равные личные и имущественные права. В-третьих, брак – это священная, вечная и пожизненная связь, конечной целью которой является сохранение семьи и воспитание детей. В то же время в исламском праве имеется определенная особенность, проявляющаяся, прежде всего в связях материального обеспечения, махра и наследства, которые возникают из семейных отношений и разумно соответствуют действующему законодательству.

Согласно вышеизложенному, основной целью данного исследования является изучение влияния ислама на семейные и брачные отношения в контексте казахстанского общества. Главными задачами данного исследования являются: изучение современного семейного законодательства Республики Казахстан, анализ норм мусульманского семейного права, сравнение норм двух отраслей права с законодательством Турецкой Республики, а также выделить, как исламские нормы повлияли на семейную политику Казахстана.

Методы исследования

Для того чтобы подробнее исследовать влияние исламских норм на семейную политику в Казахстане были использованы теоретические методы исследования, а именно анализ, синтез, диалектический и структурно-функциональный методы, а также метод сравнительного анализа.

Применяя структурно-функциональный метод исследованы ключевые понятия «государственная семейная политика», «исламское семейное право», «семейная политика». Изучены ключевые характеристики мусульманского права, исследовано влияние «института семьи» на государство. На основе сравнительного анализа было изучено семейное законодательство Турецкой Республики.

В данной статье были проанализированы основные законодательные акты Республики Казахстан, которые регулируют семейные и брачные отношения – Кодекс о браке (супружестве) и семье [6]. Настоящий Кодекс был принят 26 декабря 2011 года и определяет цели, задачи, принципы и правовые основы регулирования брачно-семейных (брачных) отношений, защищает права и интересы семьи, определяет ее развитие как приоритетное направление государственной социальной политики Республики Казахстан.

Были изучены основные направления стратегии «Казахстан-2050» [7] и «Стратегический план развития Республики Казахстан до 2025 года» [8], которые были представлены главой государства в 2012 и 2018 годах соответственно.

Результаты исследования

Казахстан является секулярным государством, однако ислам также признан важной частью национального и культурного наследия. Изучение влияния ислама на семейно-брачные отношения поможет лучше понять, как государство управляет этими вопросами и какие политики могут быть введены для поддержки семейных ценностей. Стратегия «Казахстан-2050» является одним из важных долгосрочных стратегических документов, выступающих основой внутривластного роста Казахстана. Анализ данного документа показывает, что тема семьи имеет место в текстах этого уровня и не отодвигается на второй план. Одной из основных целей документа в сфере семейной политики стал пересмотр законодательства в сферах защиты матери и ребенка, брачно-семейных отношений, а также стимулирование рождаемости и поддержка многодетных семей [7]. Другой среднесрочный программный документ – «Стратегический план развития Республики Казахстан до 2025 года», утвержденный в 2018 году, более четко и расширенно освещает цели «Стратегии-2050». В документе подчеркивается значение семьи в развитии человеческого капитала нации, ставятся задачи по укреплению института семьи, активизируется работа по продвижению семейных ценностей и традиций, а также подчеркивается необходимость усиления неправительственного сектора в сфере семейной политики [8]. В результате становится ясно, что создание условий для развития современной, жизнеспособной семьи и достижения гендерного равенства является неразрывно связанным процессом социальной модернизации.

Казахстан является многоконфессиональной страной, где мусульмане составляют значительную часть населения. Ислам играет важную роль в жизни многих казахстанцев, и его влияние на семейные и брачные отношения становится все более значимым (таблица 1).

Таблица 1. Религиозная принадлежность населения Казахстана по итогам переписи 2021 года

Ответы респондентов об отношении к религии	Абсолютная численность тыс. чел.	Доля в населении %
Мусульмане	13 297, 8	69, 31
Христиане	3 297,6	17, 19
Атеисты	432, 1	2, 25

Другие религии	23, 2	0, 12
Буддисты	15, 5	0, 08
Иудеи	7, 2	0, 04

Источник: составлено авторами

В Казахстане за последние пять лет зарегистрировано 760 037 браков и 264 067 разводов. Это означает, что 34,7% браков закончились разводом (Таблица 2). Количество разводов выросло с 35% до 43% по сравнению с зарегистрированными браками. За 2022 год самый высокий общий коэффициент брачности отмечен в Астане, где он составил 8,05 на 1000 человек, а самый низкий – в Абайском районе, где он составил 6,10 на 1000 населения. Также 39,4% женщин выходят замуж в возрасте от 20 до 24 лет, а 32,1% мужчин вступают в брак в возрасте от 25 до 29 лет. Наибольший уровень разводов отмечен в Астане, где общий показатель разводов составил 3,24 случая на 1000 человек, а самый низкий – в Туркестане, где показатель разводов составил 0,98 случаев на 1000 населения. Разводы происходят в размере 347 на 1000 браков [9].

Таблица 2. Количество зарегистрированных браков и разводов в Республике Казахстан (с 2017 по 2022)

Год	Количество браков	Количество разводов
2017	141, 8 тыс.	54, 6 тыс.
2018	138, 8 тыс.	54, 8 тыс.
2019	139, 5 тыс.	59, 8 тыс.
2020	128, 8 тыс.	48, 0 тыс.
2021	140, 4 тыс.	48, 2 тыс.
2022	128, 5 тыс.	44, 5 тыс.

Источник: составлено авторами по [9].

Законодательство Республики Казахстан не допускает регистрации более одного брака, но не запрещает дальнейшие брачные союзы, заключенные посредством мусульманского ритуала «никах». Однако признаются только те браки, заключенные в органах записи актов гражданского состояния. Брак как религиозный ритуал, как и другие религиозные обряды, не имеет юридического значения. Полигамия стала довольно распространенным явлением в стране, когда она больше не является уголовным преступлением [10]. Многоженство не является уголовным преступлением в

Казахстане. Многоженство имеет неопределенный юридический статус, хотя брачное законодательство запрещает его, но оно не включено в Уголовный кодекс [11]. В отличие от Казахстана, законодательство Турции запрещает многоженство. Права и свободы турецкой женщины защищаются аналогично, как и права женщин в Республике Казахстан. «Многоженцам, а также тем, кто заключил фиктивный брак или ограничился религиозными процедурами бракосочетания, грозит тюремное заключение по новому Уголовному кодексу Турции» [12]. Некоторые ученые положительно относиться к полигамии, они уверяют, что легализация или нормализация многоженства может смягчить очевидный демографический кризис в стране несмотря на то, что население растет [10]. Официальные данные свидетельствуют о небольшом, но существенном демографическом дисбалансе между мужчинами и женщинами: женщины составляют 51,72% населения Казахстана, а мужчины – 48,27%. Это неравенство более выражено в городах, о чем свидетельствует демография Нур-Султана, где проживает 421 277 женщин и 393 158 мужчин [13].

Многие мировые семейные законы отдают предпочтение правам мужчин. Власть женщин и их способность принимать решения разрушаются. Разведенная женщина имеет право на компенсацию в размере как минимум двухлетнего содержания в соответствии с исламским законодательством [14]. Однако в соответствии с современным законодательством Казахстана и Турции, женщины, которые вступили в религиозный брак, никак не защищены законом и после развода зачастую остаются ни с чем. Никаких юридических обязанностей перед внебрачной женой мужчина не имеет, за исключением того, что при наличии у пары детей он по закону обязан выполнять родительские обязанности (алименты, воспитание и т.д.). «Не все мусульмане (особенно из отдаленных местностей) регистрируют свои браки в государственных органах, полагая, что шариатская процедура заключения брака достаточна для проверки его легитимности. Поучителен пример Турции: в 1950 году (через 24 года после вступления в силу положения о государственной регистрации брака) власти были вынуждены предоставить статус законных детей 8 миллионам детей (из общей численности населения в 21 миллион человек), чьи родители ограничились браком по правилам шариата. Ведь только такой статус, тесно связанный с рождением в зарегистрированном государством браке, давал право на наследство родителей» [15]. Для того что бы устранить такую ситуацию, правительству необходимо усилить ответственность на законодательном уровне.

Также, стоит учитывать, что в браках, которые не заключенные в органах записи актов гражданского состояния, а являются религиозными, по исламским законам супруги обязаны соблюдать права и обязанности, которыми наделил их Аллах. Женщина не может претендовать на равные права со своим мужем, но муж не должен злоупотреблять своим положением

и должен относиться к жене с осторожностью. В исламе добродетельная жена приравнивается к вознаграждению, которое Аллах дал мужчине; праведная жена рассматривается как одна из радостей жизни и величайшее сострадание, которое Аллах дарует мужчине [16]. При зарегистрированном браке, в соответствии со ст. 29 Кодекса о браке (супружестве) и семье в Республике Казахстан, супруги имеют те же права и обязанности. Каждый партнер волен преследовать свои собственные интересы, профессию и место проживания. Материнство, отцовство, воспитание, образование детей и другие вопросы семейной жизни решаются парами совместно. Супруги обязаны строить свои семейные связи на взаимном уважении и взаимопомощи, способствовать благополучию и укреплению семьи, заботиться о здоровье, развитии и благополучии своих детей [6]. В то время, как по нормам исламского права жена должна ставить интересы мужа выше своих собственных. Согласно законам шариата, муж несет большую ответственность, как за финансовую, так и за моральную составляющую семьи, а также за ее защиту от внешних угроз. Взамен он считается главой семьи из-за мужских достоинств, таких как тяжелый труд и предпринимательство в домашнем хозяйстве. Хорошая жена – это набожная женщина, которая хранит очаг и остается верной своему мужу на протяжении всей жизни [17].

Важно также проанализировать проблему ранних браков. В Казахстане, так же, как и в Турции, граждане могут вступать в брак по достижении 18-летнего возраста. Брак может быть заключен в 17-летнем возрасте с согласия родителей, а в 16-летнем возрасте при исключительных обстоятельствах – с одобрения суда. Однако большинство семей не соблюдают закон, устанавливающий брачный возраст. Некоторые родители, желающие выдать дочерей замуж до замужества, прибегают к суду, но большинство просто избегает использования государственных органов в этом процессе. Религиозный обряд обручения молодоженов проводится имамом и не имеет юридической регистрации. Согласно местным мусульманским традициям, более 40% девушек в сельской местности выходят замуж до 18 лет. Долгое время этот вопрос игнорировался [18].

На протяжении более 14 веков нормы исламского права выступали в качестве основного способа регулирования семейных связей в стране. В Казахстане все государственные законы, относящиеся к семье, основаны на международных стандартах и правах. Религия и традиции должны быть частью национального законодательства, и, следовательно, нельзя отрицать связь национальной правовой системы с законами и обычаями шариата. Однако в странах, где ислам исповедует подавляющее большинство людей, таких как Турция и Казахстан, религия не оказывает влияния ни на какие ветви власти, конституционные или правовые рамки. На современном этапе развития необходимо уменьшить влияние религии на регулирования брачно-семейных отношений, поскольку такая ситуация стает

фундаментом развития разных социальных проблем.

Обсуждение результатов

Священная религия Ислам, являющаяся основой определенной эпохи в истории и культуре народов Центральной Азии, ее основные источники – Коран и хадисы – также включают в себя значительные знания и постановления Шариата во всех областях жизни – семейная жизнь и супружеские отношения. Священный Коран определяет роли мужа и женщины в доме. Действительно, применимы многочисленные ситуации из Корана, характерные для пар или их семейных связей. Большинство семей строят отношения между собой по законам исламского семейного права, за исключением молодежи, которые придерживаются законов государственных властей.

Как обозначает М. Кап в своем теоретическом исследовании, с одной стороны, стремление сохранить традиционные семейные уклады было одной из причин обращения казахов в религию. С другой стороны, участие в нетрадиционных религиозных группах привело к искажению семейных ролей, а также к ухудшению прав женщин и детей [19].

Так, по результатам исследования R. Rusli, ислам рассматривает семью как первый блок в построении общественной структуры, а также как первую школу веры, призванную воспитать добродетельные поколения на Земле. Если семейная основа прочна, ее члены хорошо разбираются в религии и обладают хорошим характером, общество станет сильным [20].

Стоит отметить, почему особое внимание уделяется религии. Причина этого в том, что религия является объединяющим фактором. Ее основная роль заключается в защите и укреплении общества. Ее цель – укрепить коллективное единство группы или социальную солидарность. Согласно E. Durkheim, религия способствует развитию общих идеалов, отношений и прочных социальных связей, которые защищают людей от социального отчуждения. Религия оказывает такое же влияние на семью. Семьи, придерживающиеся своих религиозных убеждений, будут более гармоничными [21]. N. Stinnett и J. DeFren обнаружили, что духовное благополучие является одним из шести наиболее часто упоминаемых атрибутов, способствующих семейному благополучию [22]. Также утверждают, что религия является 10 по значимости чертой «здоровых семей» из 56. Согласно этому исследованию, религиозные мероприятия в семье укрепляют семейные связи. Семья является самым ранним человеческим институтом. Это также институт с наибольшим пересечением и взаимодействием между частной и государственной сферами. Семья экономически важна не только потому, что она традиционно является центром производства и распределения, но и потому, что она является основным проводником социальных убеждений, на которые опираются другие институты. Согласно выводам N. Вау, изучение семьи тесно связано с изучением культуры не только потому, что первое играет решающую роль в передаче и, следовательно, поддержании

социальных взглядов, но также и потому, что эти убеждения влияют на принятие семейных решений [23].

Несмотря на достижения в этой области после принятия Декларации независимости, семейная политика еще не стала устойчивой фразой, которая широко используется в науке, политике, средствах массовой информации и обществе. Признано, что этот термин не имеет никакого значения для экономической или экологической политики. Другие страны сталкиваются с аналогичной проблемой. В своей недавней статье, посвященной истории концепции семейной политики в Соединенных Штатах, Т. Ooms, старший консультант Национального ресурсного центра по здоровым бракам, описала ее как «нежеланного пасынка социальной политики». В то же время значение семейной политики в обеспечении национальной безопасности невозможно переоценить, поскольку она играет ключевую роль в противодействии рискам депопуляции и роста человеческого капитала [24]. Крайне важно подчеркнуть, что семейная политика в Казахстане уже не находится в зачаточном состоянии, но ей еще предстоит пройти долгий путь, прежде чем ее можно будет считать полноправным членом общества, занимающихся разработкой политики и исследованиями в области политики и науки в общем. Простое отсутствие сегодняшних статистических данных объясняет, почему семейная политика Казахстана до сих пор развита на слабом уровне.

Выводы

С древних времен большое внимание уделялось организации семьи, которая служит первичной ячейкой и основой общества. В своем широком и глубоком развитии темы регулирования семейных отношений ислам радикально отличается от других правовых систем. Существующие законы, традиции и религиозные ограничения, как известно, контролируют семью как естественный фундаментальный компонент общества. Все законы, касающиеся семьи, основаны на международных нормах и правах, а также на религии и культуре Республики Казахстан. Религия и традиции должны быть частью национального законодательства, и, следовательно, нельзя отрицать связь национальной правовой системы с законами и обычаями шариата.

Законодательство Республики Казахстан не допускает регистрации более одного брака, но не запрещает дальнейшие брачные союзы, заключенные посредством мусульманского ритуала, по сравнению с Турцией, где за полигамию предусмотрена уголовная ответственность. Признаются только браки, заключенные в органах записи актов гражданского состояния, а брак как религиозный ритуал не имеет юридического значения. Права граждан в браке и семейных (супружеских) отношениях могут быть ограничены только законом, в ревизионных браках же присутствует ограничение прав женщин и детей.

В заключение исследования о влиянии ислама на семейно-брачные от-

ношения в казахстанском обществе можно сделать следующие выводы:

1. Ислам играет значительную роль в формировании и организации семейно-брачных отношений в казахстанском обществе. Религиозные убеждения и ценности, пропагандируемые исламом, влияют на выбор партнера для брака, правила поведения внутри семьи и ожидания относительно ролей и обязанностей мужчины и женщины в браке.

2. Брак в исламе рассматривается как священный союз между мужчиной и женщиной, основанный на любви, уважении и вере. Исламские обряды, такие как никях (официальная регистрация брака), махлы (материальное дарение жениха невесте) и венчание, имеют особое значение для семейно-брачных отношений в казахстанском обществе.

3. Исламские принципы и нормы также регулируют развод и наследование в казахстанском обществе. Религиозные обязательства в отношении развода могут включать проведение специальных процедур и выплату алиментов. Кроме того, исламское право определяет наследование и распределение имущества после смерти супруга.

4. Влияние ислама на семейно-брачные отношения в казахстанском обществе неоднородно и может зависеть от многих факторов, включая уровень религиозности, образование, социальный статус и место проживания семей. Некоторые семьи строго следуют религиозным нормам и традициям, в то время как другие могут иметь более свободный подход к браку и семейной жизни.

5. В современном казахстанском обществе наблюдается влияние секуляризации и глобализации, которые могут оказывать влияние на традиционные семейные ценности и практики. Ислам сталкивается с вызовами, связанными с изменениями ролей мужчин и женщин, равноправием и современными представлениями о семье.

В целом, ислам оказывает значительное влияние на семейно-брачные отношения в казахстанском обществе. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение более конкретных аспектов этого влияния и его динамики в современной казахстанской общественной среде.

Статья подготовлена в рамках финансирования КН МНВО РК (ПЦФ BR21882428 «Влияние и перспективы ислама как духовно-культурного, политического, социального явления в постнормальные времена: опыт стран Ближнего Востока и Центральной Азии»).

Список источников

1. Исакова Ж. Государственная семейная политика Казахстана: анализ текущего состояния и тенденции развития. – Казахстан Спектр. – 2019. – №4(92). – С. 76-84. https://www.academia.edu/42630373/ГОСУДАРСТВЕННАЯ_СЕМЕЙНАЯ_ПОЛИТИКА_

КАЗАХСТАНА_АНАЛИЗ_ТЕКУЩЕГО_СОСТОЯНИЯ_И_ТЕНДЕНЦИИ_РАЗВИТИЯ

2. Курманова, А. (2023). Семья как фактор благополучия казахстанского общества. Scientific Collection «InterConf», (142), 224–231. <https://archive.interconf.center/index.php/conference-proceeding/article/view/2366>
3. Дауранов И.Н., Рузанов Р.М. Институционально-правовые основы регулирования демографических процессов в Казахстане. Economics: the strategy and practice. 2023;18(2):23-36. <https://doi.org/10.51176/1997-9967-2023-2-23-36>
4. Tabroni, I., Dodi, J. 2022. Family Education in The Book'Uqūd Al-Lujjain fī Bayani Huqūqi Al-Zaujain. Muttaqien, 3 (1), 55–66. <http://ejournal.staimuttaqien.ac.id/index.php/mtq/article/view/349>
5. Yusupova, N. Zh. K. 2022. The Significance of Studying Spiritual Heritage in Strengthening Family Relationships. Central asian journal of social sciences and history, 3(11), 200–207. <https://cajssh.centralasianstudies.org/index.php/CAJSSH/article/view/513>
6. Кодекс «О браке и семье» // <http://law.gov.kz/client/#!/doc/1816/rus/20.12.2004>
7. Стратегия "Казахстан-2050": новый политический курс состоявшегося государства // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050>
8. Об утверждении Национального плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1800000636/links>
9. Браки и разводы за 2022 год // https://stat.gov.kz/ru/news/braki-i-razvody-za-2022-god/?sphrase_id=192813
10. Thibault, E. 2021. Plurality IN Kazakhstan. Electronic scientific journal «edu.e-history.kz», 3 (27), 151–165. <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/238>
11. Уголовный кодекс Республики Казахстан // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>
12. Turkish Criminal Code. Law No. 5237 of September 26, 2004. <https://turkishadvocate.ru/уголовный-кодекс-турции/>
13. World Population Review. Kazakhstan Population 2021. <https://worldpopulationreview.com/countries/kazakhstan-population>
14. Yüsek, A., Kalmırza Uulu, U. 2023. Women's Rights to Divorce from their Spouses in Islamic Family Law. Manas Sosyal Araştırmalar Dergisi, 12(3), 849–856. <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/2893746>
15. Барковская Е. 2006. Семейное право и законодательство на мусульманском Востоке. Восток, (4), 120–130. <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynoe-pravo-i-zakonodatelstvo-na-musulmanskom-vostoke/viewer>
16. Fali, S.M. 2021. A comparative assessment of spouses rights in marriage. PalArch's Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology, 18(7), 648–661. <https://archives.palarch.nl/index.php/jae/article/view/7785>
17. Tuychieva, I., Aripov, S., Madaminova, D., Mustaev, R. 2021. The pedagogical system of preparing boys for family relationships in general secondary schools. Journal of Hunan University. Natural Sciences, 48(8), 294–305. <https://johuns.net/index.php/publishing/73.pdf>
18. Mamadiev, B.B. 2020. Fatwas of the ulema of muslim countries about early marriages and polygyny. Muslim world: theoretical and philosophical issues, (1), 85–98. <https://cyberleninka.ru/article/n/fetvy->

ulemov-musulmanskih-stran-o-rannih-brakah-i-mnogozhenstve/viewer

19. Kan, M. 2023. Religion and Contraceptive Use in Kazakhstan. A Study of Mediating Mechanisms. Stockholm Research Reports in Demography, (17), 1–54. https://su.figshare.com/articles/preprint/Religion_and_Contraceptive_Use_in_Kazakhstan_A_Study_of_Mediating_Mechanisms/23515284
20. Rusli, R. 2020. The role of family in preventing social conflict in society from Islamic perspectives. Hunafa: Jurnal Studio Islamika, 17(1), 108–122. <https://www.jurnalhunafa.org/index.php/hunafa/article/view/576>
21. Durkheim, E. 1951. Suicide: A Study in Sociology. New York: Free Press. <https://www.gacbe.ac.in/images/E%20books/Durkheim%20-%20Suicide%20-%20A%20study%20in%20sociology.pdf>
22. Stinnett, N., DeFrain, J. 1985. Secrets of Strong Families. Boston: Little, Brown, and Company. <https://willyac.wordpress.com/everyday-articles/six-secrets-of-strong-families/>
23. Bau, N., Fernández, R. 2021. The Family as a Social Institution. CEPR Discussion Paper, (1), 1–39. <https://repec.cepr.org/repec/cpr/ceprdp/DP16263.pdf>
24. Ooms, T. 2019. The Evolution of Family Policy: Lessons Learned, Challenges, and Hopes for the Future Theodora Ooms. Journal of Marriage and Family, 11(1), 18–38. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/jftr.12316>

References

1. Iskakova Zh. State family policy of Kazakhstan: analysis of the current state and development trends. - Kazakhstan Spectrum. - 2019. - №4(92). - С. 76-84. https://www.academia.edu/42630373/ГОСУДАРСТВЕННАЯ_СЕМЕЙНАЯ_ПОЛИТИКА_КАЗАХСТАНА_АНАЛИЗ_ТЕКУЩЕГО_СОСТОЯНИЯ_И_ТЕНДЕНЦИИ_РАЗВИТИЯ
2. Kurmanova, A. (2023). Family as a factor of well-being of Kazakhstan society. Scientific Collection "InterConf", (142), 224-231. <https://archive.interconf.center/index.php/conference-proceeding/article/view/2366>
3. Dauranov I.N., Ruzanov R.M. Institutional-legal bases of regulation of demographic processes in Kazakhstan. Economics: the strategy and practice. 2023;18(2):23-36. <https://doi.org/10.51176/1997-9967-2023-2-23-36>
4. Tabroni, I., Dodi, J. 2022. Family Education in The Book'Uqūd Al-Lujjain fī Bayani Huqūqi Al-Zaujain. Muttaqien, 3 (1), 55-66. <http://ejournal.staimuttaqien.ac.id/index.php/mtq/article/view/349>
5. Yusupova, N. Zh. K. 2022. The Significance of Studying Spiritual Heritage in Strengthening Family Relationships. Central asian journal of social sciences and history, 3(11), 200-207. <https://cajssh.centralasianstudies.org/index.php/CAJSSH/article/view/513>. <https://cajssh.centralasianstudies.org/index.php/CAJSSH/article/view/513>.
6. Code "On Marriage and Family" // <http://law.gov.kz/client/#!/doc/1816/rus/20.12.2004>.
7. Strategy "Kazakhstan-2050": a new political course of the established state // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050>.
8. On approval of the National Development Plan of the Republic of Kazakhstan until 2025 and recognition of some decrees of the President of the Republic of Kazakhstan as invalid // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1800000636/links>.
9. Marriages and divorces for 2022 // <https://stat.gov.kz/ru/news/braki-i->

- razvody-za-2022-god/?sphrase_id=192813
10. Thibault, E. 2021. Plurality IN Kazakhstan. Electronic scientific journal "edu.e-history.kz", 3 (27), 151-165. <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/238>. <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/238>
 11. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>.
 12. Turkish Criminal Code. Law No. 5237 of September 26, 2004. <https://turkishadvocate.ru/уголовный-кодекс-турции/>
 13. World Population Review. Kazakhstan Population 2021. <https://worldpopulationreview.com/countries/kazakhstan-population>
 14. Yükses, A., Kalmırza Uulu, U. 2023. Women's Rights to Divorce from their Spouses in Islamic Family Law. *Manas Sosyal Arařtırmalar Dergisi*, 12(3), 849-856. <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/2893746>
 15. Barkovskaya E. 2006. Family Law and Legislation in the Muslim East. *Vostok*, (4), 120-130. <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynoe-pravo-i-zakonodatelstvo-na-musulmanskom-vostoke/viewer>
 16. Fali, S.M. 2021. A comparative assessment of spouses rights in marriage. *PalArch's Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology*, 18(7), 648-661. <https://archives.palarch.nl/index.php/jae/article/view/7785>
 17. Tuichieva, I., Aripov, S., Madaminova, D., Mustaev, R. 2021. Pedagogical system of preparing boys for family relations in secondary comprehensive schools. *Journal of Hunan University. Natural Sciences*, 48(8), 294-305. <https://johuns.net/index.php/publishing/73.pdf>
 18. Mamadiev, B.B. 2020. Fatwas of ulema of Muslim countries on early marriage and polygamy. *Muslim World: theoretical and philosophical issues*, (1), 85-98. <https://cyberleninka.ru/article/n/fetvy-ulemov-musulmanskih-stran-o-rannih-brakah-i-mnogozenstve/viewer>
 19. Kahn, M. 2023. Religion and contraceptive use in Kazakhstan. A study of mediating mechanisms. *Stockholm Research Reports on Demography*, (17), 1-54. https://su.figshare.com/articles/preprint/Religion_and_Contraceptive_Use_in_Kazakhstan_A_Study_of_Mediating_Mechanisms/23515284
 20. Rusli, R. 2020. The role of family in preventing social conflicts in society from an Islamic perspective. *Hunafa: Jurnal Studio Islamika*, 17(1), 108-122. <https://www.jurnalhunafa.org/index.php/hunafa/article/view/576>
 21. Durkheim, E. 1951. *Suicide: A Study in Sociology*. New York: Free Press. <https://www.gacbe.ac.in/images/E%20books/Durkheim%20-%20Suicide%20-%20A%20study%20in%20sociology.pdf>
 22. Stinnett, N., DeFrain, J. 1985. *Secrets of Strong Families*. Boston: Little, Brown, and Company. <https://willyac.wordpress.com/everyday-articles/six-secrets-of-strong-families/>
 23. Bau, N., Fernandez, R. 2021. The family as a social institution. *CEPR Discuss Paper*, (1), 1-39. <https://repec.cepr.org/repec/cpr/ceprdp/DP16263.pdf>
 24. Ooms, T. 2019. The Evolution of Family Policy: Lessons Learned, Challenges, and Hopes for the Future Theodora Ooms. *Journal of Marriage and Family*, 11(1), 18-38. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/jftr.12316>

"ONE BELT, ONE ROAD"- A NEW TREND IN THE RAPPROCHEMENT OF CIVILISATIONS

Wang Lulu^{1*}

Nataliya Kalashnikova²

¹ L.N. Gumilev Eurasian National University
(Kazakhstan, China),
e-mail*: 1933712797@qq.com

² Head of the Department of the Assembly of the People of
Kazakhstan, L.N. Gumilev ENU,
e-mail: nerush50@mail.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2023-4.04>

Abstract. This article is devoted to the benefits of cultural exchange for Kazakhstan and China in terms of social development and stability within the framework of the "One Belt, One Road" initiative. The aims of the study are to explore new opportunities for further cooperation and to provide rational recommendations on how to effectively promote the improvement of intercultural exchange and the creation of greater cultural and economic benefits by examining the current situation in the field of cultural circulation. To achieve the objectives of the study, the dissemination and development of the Kazakh language and culture in China, the promotion of Confucius Institutes in Kazakhstan, as well as joint educational activities and international cultural interaction are studied in detail and actively. Using a comparative approach, the article draws conclusions about the specific achievements and interests of cultural exchange and intercultural interaction for both countries. The Belt and Road Initiative, based on the basic principle of interconnectivity, connects more than 150 countries and regions, and 32 international organizations, in other words, it is two-thirds of the world's countries and 63% of the world's population. Above all, the mutual flow and diffusion of cultures provides countries with excellent international talent and a high-quality stimulus for the development of international cooperation. In addition, mutual understanding and humanistic exchanges between different countries, ethnic groups and religions reduce barriers and misunderstandings, increase mutual trust and create favorable conditions for the enrichment of human civilization.

Keywords: *One Belt, One Road Initiative, international cooperation, cultural interests, intercultural exchange.*

«ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» - НОВЫЙ ТРЕНД В СБЛИЖЕНИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Ван Лулу^{1*}, Наталья Калашникова²

¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, e-mail*: 1933712797@qq.com

²заведующая кафедрой Ассамблеи народа Казахстана ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, e-mail: nerush50@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена преимуществам культурного обмена для Казахстана и Китая с точки зрения социального развития и стабильности в рамках инициативы "Один пояс - один путь". Цель исследования - изучить новые возможности дальнейшего сотрудничества, дать обоснованные рекомендации о том, как эффективно содействовать улучшению межкультурного обмена и созданию больших культурных и экономических выгод, изучив текущую ситуацию в области культурной циркуляции. Для достижения целей исследования проводится подробное и активное изучение распространения и развития казахского языка и культуры в Китае, продвижения Институтов Конфуция в Казахстане, а также совместной образовательной деятельности и международного культурного взаимодействия. Используя сравнительный подход, в статье делаются выводы о конкретных достижениях и интересах культурного обмена и межкультурного взаимодействия для обеих стран. «Один пояс - один путь», основанный на базовом принципе взаимосвязанности, соединяет более 150 стран и регионов, и 32 международные организации, иными словами, это две трети стран мира и 63% населения планеты. Прежде всего, взаимный поток и распространение культур обеспечивает страны отличными международными талантами и качественным стимулом для развития международного сотрудничества. В дополнение к этому взаимопонимание и гуманитарные обмены между разными странами, этническими группами и религиями снижают барьеры и недопонимание, повышают взаимное доверие и создают благоприятные условия для обогащения человеческой цивилизации.

Ключевые слова: Инициатива "Один пояс, один путь", культурные интересы, межкультурный обмен, международное сотрудничество.

«БІР БЕЛДЕУ, БІР ЖОЛ» - ӨРКЕНИЕТТЕРДІ ЖАҚЫНДАСТЫРУДАҒЫ ЖАҢА ТРЕНД

Ван Лулу^{1*}, Наталья Калашникова²

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, e-mail*: 1933712797@qq.com

²Л. Н. Гумилев атындағы ЕҰУ Қазақстан халқы Ассамблеясы кафедрасының меңгерушісі, e-mail: nerush50@mail.ru

Аңдатпа. Бұл мақала «Бір белдеу, бір жол» бастамасы аясында әлеуметтік даму мен тұрақтылық тұрғысынан Қазақстан мен Қытай үшін мәдени алмасудың артықшылықтарына арналған. Зерттеудің мақсаты – мәдени айналым саласындағы ағымдағы жағдайды зерттеу арқылы мәдениетаралық алмасуды жақсартуға және үлкен мәдени және экономикалық пайдаларды жасауға тиімді ықпал ету бойынша негізделген ұсыныстар беру. Зерттеу мақсаттарына жету үшін Қытайда қазақ тілі мен мәдениетінің таралуы мен дамуын жан-жақты және белсенді зерттеу, Қазақстандағы Конфуций институттарын насихаттау, сондай-ақ бірлескен білім беру іс-шаралары мен халықаралық мәдени өзара әрекеттесу жүргізілуде. Салыстырмалы тәсілді қолдана отырып, мақала екі ел үшін мәдени алмасу мен мәдениетаралық өзара әрекеттесудің нақты жетістіктері мен мүдделері туралы қорытынды жасайды. «Бір белдеу және бір жол» негізгі өзара байланыстылық принципіне негізделген 150-ден астам ел мен аймақты, 32 халықаралық ұйымды, бір сөзбен айтқанда, әлем елдерінің үштен екісін және жер шарындағы халықтың 63 пайызын біріктіреді. Ең бастысы, мәдениеттердің өзара ағымы мен таралуы елдерге тамаша халықаралық таланттар мен халықаралық ынтымақтастықты дамыту үшін жоғары сапалы ынталандыруды қамтамасыз етеді. Бұған қоса, әртүрлі елдер, этностар мен діндер арасындағы өзара түсіністік пен гуманистік алмасу кедергілер мен түсінбеушіліктерді азайтып, өзара сенімді арттырып, адамзат өркениетін байытуға қолайлы жағдай туғызады.

Түйін сөздер: *«Бір белдеу, бір жол» бастамасы, мәдени мүдделер, мәдениет аралық алмасу, халықаралық ынтымақтастық.*

Introduction

With economic globalization, countries around the world are interconnected, but the limited understanding of people and the importance of their own interests inevitably leads to conflict and misunderstanding, even fear, between cultures and groups. Cultural heritage carries cultural genes and reflects the spiritual qualities of a nation. Based on the commonality of people and the common goals of all countries, "One Belt, One Road" advocates interconnection among countries so that they can achieve mutual understanding, mutual support and coexistence for mutual benefit, and move along a common and republican path. "One Belt, One Road" in its geographical scope extends from the entire Asia-Pacific region to the whole world, creating a more complete and extensive network for cultural mobility. The initiative aims to create a community of human destiny, strengthen global connectivity and unite the political, economic and cultural development of all countries into a single platform. This plan will be of great significance for global civilizational interaction throughout the world.

For a long time, the Silk Road was an artery that connected the nomadic peoples and oases of the Eurasian continent with the empires of ancient

civilizations. Thanks to the Silk Road, the world began to understand China and the countries along the route. The ancient Silk Road facilitated the exchange of ideas and cultures between East and West, playing an important role in shaping the community of destiny and principles of solidarity. From the point of view of material culture, the opening of the Silk Road brought East and West closer together and contributed to the progress and development of world civilization. In terms of ideology and culture, the Silk Road allowed religions from all over the world to enter China and other countries; on the other hand, also brought traditional Chinese Confucianism to the West and contributed to the birth of modern European civilization. As China traded with the countries of Western and Central Asia, the living habits of various peoples changed. International students have become the driving force behind cultural exchanges between countries, adding to the diversity of world civilizations.

In the current conditions of transformation, against the background of economic globalization, cultural pluralism and social information, a number of global non-traditional security problems have emerged, such as food security, resource scarcity and climate change, which seriously threaten the maintenance of international order and the survival of humanity. By focusing on their own interests, countries are deliberately avoiding responsibility for these global problems. The joint construction of the Belt and Road Initiative once again shatters the "beggar-thy-neighbor" mentality and has brought countries along the route into a common strategic orbit. The participation of countries in the construction of the Belt and Road is inevitably accompanied by the spread of culture, especially during the construction of the Silk Road Cultural Industry Belt. China's Ministry of Culture has proposed the creation of a "Silk Road Cultural Industry Belt", the main content of which would be exchanges and cooperation in the field of cultural industries. The "Silk Road Cultural Industry Belt" is built as an important part of the "Silk Road Economic Belt". Cultural exchanges and interconnections with neighboring countries are strengthened through cultural trade. Through the construction of the Silk Road Cultural Industry Belt, strengthens cooperation in the fields of film and television, performing arts and entertainment, animation and games, cultural tourism, arts and crafts, intangible cultural heritage, ethnic culture, industrial production, architectural design, cultural sports, etc. .to break down cultural barriers, enhance the country's cultural communication power and improve cultural soft power.

Secondly, it will enrich the development plan of the Silk Road Economic Belt, promote the integration and development of cultural industries, accelerate cultural trade, and promote sustainable economic development; in addition, it will strengthen understanding and solidarity between different ethnic groups, religions and peoples, strengthen international mutual trust; and ultimately, will achieve mutual benefit and prosperity, peace and stability for all countries and regions along the Silk Road.

One of the clearer goals of the Silk Road Cultural Industry Belt is to

create richer and higher quality cultural products and services, and use it as a medium to spread the excellent culture of China and countries along the route, strengthen mutual understanding, communication and respect among people of different countries, regions and nationalities with different cultural backgrounds and religious beliefs, strengthening international exchange and mutual trust, enhancing cultural identity for the development of the Silk Road Economic Belt, and strengthening the psychological foundation for the construction of the Silk Road Economic Belt [1].

Research Methodology

Method of literature interpretation - analysis of political and scientific documents related to the Belt and Road strategy, materials and important literature related to cultural communication, as well as scientific works on cultural aspects of China and Kazakhstan.

Analytical and inductive approach - a review of relevant literature is used for synthesis and analysis from which more realistic conclusions can be drawn.

Comparative Analysis - by comparing the data on the status of cultural exchange and development in the process of jointly building the Belt and Road, the actual achievements and potential of the strategy are summarized.

The results of the study and their discussion

At present, Belt and Road Initiative is an important top-level national project of China, and cultural exchanges are an important element of cross-country cultural exchange. The Belt and Road Initiative offers the world not only the mobility of capital, technology and production materials, but also the exchange and integration of civilizations from all over the world. In this new era, the role of "cultural soft power" is becoming increasingly prominent and is appreciated by countries around the world as an indispensable force in overall national diplomacy. While much of the current research on the Belt and Road has focused on the economic and trade spheres, less research has been conducted on the humanitarian sphere that is inextricably linked to them. Firstly, the most important factor in economic development is culture. Culture is most necessary in two situations: first, before starting economic construction, it is necessary to understand each other's culture so that cooperation can proceed effectively and smoothly; second, when economic cooperation reaches a bottleneck, it is necessary to use culture to improve the quality of economic cooperation and make culture an important fulcrum for promoting high-quality development [2].

Secondly, information is viewed as a strategic resource. In other words, intercultural communication has the effect of raising the level of consciousness, which promotes cultural exchange, minimizes the threat to cultural security [3].

The values of cultural communication in the Belt and Road are that the construction of the Belt and Road, in which cultural integration is one of the three distinctive features of the community, is in line with the trend of social

development. From the strategic point of view, culture represents the right of speech and soft power, which is a reflection of a country's comprehensive strength; while from the perspective of culture itself, culture is in a constant state of convergence and change, and the choice of strategic paths should follow the laws of cultural development. The values of cultural communication are equality, progress and inclusiveness, and these values are at the core of the "One Belt, One Road" strategy [4].

The review of scientific literature shows the similarity in the meaning of the rapprochement of civilizations. Thus, in the article Moldabaev M.M. "Historical and cultural heritage of the Kazakhstan section of the Great Silk Road - a factor in the sustainable development of the tourism industry" it is confirmed that the Great Silk Road played an invaluable historical role in the integration of cultures of many countries. The peoples who have lived on the territory of Kazakhstan since ancient times have participated in this process. They have made their great contribution to the treasury of world civilization. This is a unique culture of dwelling (yurt), art of ancient craftsmen who created colourful carpets and ornaments of precious metals, composed music, tales and legends. They have become iconic for Kazakhstan and for the whole civilization. Today, the Great Silk Road, which connected us in ancient times, is turning into a highway of even more active contacts with all regions of the world. Supporting the idea of the United Nations General Assembly to revive the ancient Silk Road as an important tool for deepening cooperation in the fields of culture, science, trade and tourism and, of course, the development of mutual understanding between the peoples of our countries [5].

In the published article "The Belt and Road Initiative," researchers from the Institute of European and Asian Studies Maria Chiara Zannini and Jim Thomas-William Stuman also stated that the countries participating in the construction of the Belt and Road Initiative do not know each other's cultures well enough. Countries with different perceptions of their own identity will interpret the Belt and Road Initiative differently and develop different attitudes towards it. Therefore, each country should have a basic understanding of its own role, and should make good use of cultural influence to maintain cultural sensitivity and reduce friction and diplomatic setbacks [6]. The Belt and Road initiative is meant to be a cultural bridge between countries, that is, to strengthen ties by increasing exchanges between different peoples, cultures and religions, thereby forging a cultural identity that transcends real borders and creating a community of destiny.

The Silk Road is an ancient trade route that started in ancient China and connected Asia, Africa and Europe. It is also a great and valuable world historical heritage. It is a spatial concept and a cultural concept with a long history and deep cultural connotation. Silk Road culture is a kind of cultural memory and cultural symbol common to the countries along the route. The ancient Silk Road was not only a channel for commercial trade, but also a bridge between Eastern and Western civilizations. The influence of culture transcends time and space, crosses

national boundaries, promotes the exchange of ideas and the mixing of cultures between East and West, which is the indelible historical role of the Ancient Silk Road [7].

With the growth of economic and cultural ties between countries along the Silk Road, the ancient Silk Road has regained its vitality and activity, offering a rare opportunity for development. In 2013, the Chinese leader put forward a cooperation initiative to create the Belt and Road (“Silk Road Economic Belt”, “The 21st Century Maritime Silk Road”). The Belt and Road Initiative has provided a new platform and opportunities for economic development and humanistic exchanges between countries along the route. It received widespread support in the international community. In the ten years since the launch of the initiative, tangible economic development in participating countries has brought the Belt and Road to the center of global attention, and its influence has gradually expanded. According to Zhang Xiao, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the People's Republic of China to Kazakhstan, at a seminar of media and experts from Kazakhstan and China dedicated to the tenth anniversary of the One Belt, One Road initiative, China's initiative will help increase Kazakhstan's GDP by 21 percent, according to World Bank estimates. Over the past year, the turnover of China and Kazakhstan increased by 23.06%, exceeding the mark of 31 billion US dollars for the first time. And in the first quarter of this year, the trade turnover of our countries increased by another 26.08% [8]. The Belt and Road initiative has undoubtedly led to economic development that has lifted tens of millions of people out of poverty and created hundreds of thousands of jobs. According to World Bank forecasts, by 2030, the construction of the Belt and Road will help 7 million 600 thousand people escape extreme poverty and 32 million people out of moderate poverty, creating 420 thousand new jobs.

In addition to significant economic achievements, the Belt and Road is also a corridor for the exchange of cultures and customs between countries. In response to the Belt and Road Initiative, China's Ministry of Culture released the Ministry of Culture's Belt and Road Cultural Development Action Plan (2016-2020), which aims to strengthen mutual appreciation of civilizations and people-to-people exchanges with countries and regions along the Belt and Road, and effectively promote cultural exchanges, cultural dissemination and innovation in the field of cultural trade.

In order to strengthen cultural exchanges with the governments of countries and regions along the Belt and Road, the plan aims to establish a long-term cooperation mechanism, respect the spiritual creativity and cultural traditions of the peoples of countries and regions along the Belt and Road, use innovation as a driving force, and make full use of Internet and new technologies to promote the in-depth integration of different cultures. Closely integrate culture with diplomacy, economy and trade to form a concerted trend of cultural exchange, cultural diffusion and cultural trade for mutual benefit and win-win situation. Increase the level of openness in the cultural field, face the concept of global

cooperation and build a community of destiny where cultures interpenetrate.

As part of this, China has signed 108 bilateral cultural and tourism cooperation documents with countries along the route, and a number of multilateral mechanisms have been established. The international alliance of Silk Road theatres, museums, art festivals, libraries was gradually established and improved. In order to form a humanistic model of mutual understanding and mutual respect between peoples and create a humanistic basis for the construction of the Belt and Road, five international cultural alliances were created.

October 2016 the Silk Road International Theatre Alliance was established. By December 2021, the Alliance has 138 members from 44 countries, covering the continents of Europe, America, Latin America, Asia and Africa, who are actively engaged in institutional dialogue, project collaboration and talent training, have implemented more than 20 performance exchange projects and hosted more than 100 performances [9].

October 2017 the International Arts Festivals Alliance of Silk Road was officially established in Shanghai. 124 festivals and organizations from 32 countries and regions have joined the alliance [10]. The Alliance encourages and develops cooperation and exchanges between arts festivals in different countries and regions, creating conditions for the exchange and exhibition of all types of works of art, creative development, talent training, trade and cooperation. The Alliance strives to become a world-class cultural platform for in-depth cooperation in the field of culture and art in various countries and regions.

The Silk Road International Library Alliance was founded on 28 May 2018. More than 20 curators, cultural figures and experts from Kazakhstan and other countries took part in the opening ceremony [11]. The Silk Road International Library Alliance is to inherit and promote the spiritual heritage of the Silk Road. Forming a humanistic foundation, promoting civilizational exchanges and mutual understanding, and strengthening cultural exchanges with countries and regions along the Silk Road is an important part of achieving people-to-people connectivity. The creation of the Silk Road International Library Alliance, the establishment of a long-term strategic partnership and a mechanism for regular exchanges and visits is another important achievement of the Belt and Road Initiative in the field of culture.

In June 2018, national art museums and key art institutions from 22 countries and regions along the Belt and Road established the Silk Road International Art Museum Alliance in Beijing [12]. Classic works of art are spiritual images of countries and peoples, and sharing classical works can expand the spiritual connection between countries and peoples. The Silk Road International Art Museum Alliance is an important achievement of the Belt and Road Initiative in the field of art museums. Through donating, collecting, displaying and disseminating works of art, it will help to promote deeper mutual understanding, strengthen national friendship and develop mutually beneficial cooperation.

These cultural alliances have contributed to the construction of the Belt and

Road towards high-quality development, exchange and mutual appreciation of civilizations, and further promotion of people-to-people exchanges. Exchanges and cooperation in the field of culture and tourism will help break down geographical and industry barriers, integrate resources from around the world in the field of culture and tourism, and lay the foundation of consensus for building the Belt and Road and the community of human destiny.

In addition, whatever project or trade negotiation cannot be realised without the support of language. Language is also essential for cultural integration because it is the carrier of culture and plays a role that cannot be replaced by other factors in the construction and transmission of culture. Languages carry the history of a country's development, its cultural spirit and national identity. The Belt and Road initiative covers a vast territory and includes more than 50 official languages. Owing to the fact that China is the initiator of the initiative and that it occupies an important position in the ancient Silk Road, the Chinese language has a certain place in the construction of the Belt and Road and cultural integration, which cannot be underestimated.

President Xi Jinping chose Kazakhstan for his first post-epidemic visit, and it was in Kazakhstan that the Belt and Road Initiative was first proposed in 2013. This shows the importance China attaches to Kazakhstan and Central Asia, as well as its vital role in the construction of the Belt and Road. Over the more than 30 years since the establishment of diplomatic relations, the friendship between China and Kazakhstan has been strengthened. The two countries were the first to resolve the border issue, the first to lay cross-border oil and gas pipelines, the first to develop international cooperation in production capacity and the first to establish a permanent comprehensive strategic partnership. They have created a series of "firsts". And this friendship is reflected not only in frequent economic and trade exchanges, but also in increasingly close cultural interaction. In order to continue and deepen this friendship, both China and Kazakhstan have made great efforts to promote people-to-people contacts and mutual understanding between the two peoples. This is one of the key areas of the human dimension of the "Five Links" principle of the Belt and Road. This is a core element of the Belt and Road Initiative. If the hearts and minds of people are not mutually acceptable, it is impossible to establish harmonious trade relations, economic integration and political mutual trust. Therefore, the main thing is to build a bridge that connects people's hearts through cultural exchange and integration, because the contagious power of culture can transcend time, space and national boundaries and have a subtle impact, thus bringing people's hearts closer together, strengthening understanding and consensus, reducing differences and prejudices. The cultural function of language as the most important instrument of communication in human society determines its central role in communication [13]. Kazakhstan and China strive to deepen cultural and humanistic ties and exchanges between students. The learning of each other's languages by Chinese and Kazakh students gives new impetus to the development of bilateral relations

between the two countries. Therefore, internationalization and development of the national language is a priority for Kazakhstan (Kazakh language), China and other countries located along the route.

The two countries attach great importance to bilateral relations in the field of culture and education, many agreements on scientific and technical cooperation and mutual recognition of higher education documents have been signed between the countries, several Confucius Institutes operate in Kazakhstan, and cultural days are often held between Kazakhstan and China. Since the establishment of diplomatic relations between the two countries, more than 10 books by President of the Republic of Kazakhstan K. Tokayev have been published in Chinese, including "Light and Shadow", "Diplomatic Strategy of Central Asia" [14]. Currently, L.N. Gumilyov Eurasian National University has signed memorandums of cooperation with more than 10 Chinese universities, among which Xi'an International Studies University takes the leading position.

There are currently two universities in China offering Kazakh language courses, namely Shanghai International Studies University and Xi'an International Studies University. These Kazakh language majors are aimed at preparing specialists who are politically qualified, broad-minded, have strong basic professional knowledge and are proficient in Kazakh-Chinese bilingualism, thereby providing a guarantee of professional talent for the country's high-level units involved in the Kazakh language (teaching, research, translation, editing, radio and television, press and publications, party and government). And they are also aimed at preparing international and versatile Kazakh-speaking talents who have a solid foundation of the Kazakh language and knowledge structure, have an understanding of the national culture of Kazakhstan and foreign trade etiquette, so that they are able to engage in teaching the Kazakh language, providing services in the Kazakh language and work related to foreigners in the construction of "One Belt, One Road" and comprehensive practical cooperation between China and Kazakhstan.

The Kazakh language course at Xi'an International Studies University was approved by the Chinese Ministry of Education at the beginning of 2017, and was officially enrolled in September. Targeted competency courses include: history of Kazakh literature, introduction to linguistics, Kazakh language for business and economics, Kazakh language for tourism, writing, interpretation and translation from the Kazakh language, reading Kazakh newspapers and Kazakh business etiquette, etc. [15]. Xi'an International Studies University not only offers Kazakh language courses to train talents in the field of foreign languages, but also actively responds to the national Belt and Road Initiative by creating the Central Asia Institute to train foreign students from Central Asian countries. Three Confucius Institutes were established in Kazakhstan, Argentina and France. In order to further promote language and cultural exchanges among Belt and Road countries, the university also launched the Xi'an 2022 Belt and Road Scholarship to provide students and scholars from Belt and Road countries and regions with

the opportunity to pursue their studies across borders, and also contribute to the construction of the Belt and Road and the training of international talents.

In 2019, nearly 15,000 Kazakh students studied in China. According to data for 2020, there are almost 12,000 Kazakhstani students in China. Due to the pandemic, about 700 of them stayed in China, the rest returned home to Kazakhstan [16].

In October 2016, the university officially established the Center for Kazakhstan Studies, which plays an active role in promoting the training of Kazakh language talents, Kazakh and regional studies, and cooperation and exchange between China and Kazakhstan in the field of higher education. The Center for Kazakhstan Studies at Xi'an International Studies University is the fourth Kazakhstan Center established after the Center for Kazakhstan Studies at Shanghai International Studies University (16 November 2015), the Center for Kazakhstan Studies at Beijing Foreign Studies University (13 December 2015) and the Center for Kazakhstan Studies at Dalian Foreign Studies University (8 January 2016). The ongoing establishment of the Center for Kazakhstan Studies marks the growing interest of the Chinese academic community and the Chinese public in the Kazakh language, culture, history and the development of the "Kazakhstan Way".

The Kazakh language is gradually developing in the higher education sector in China, while the Chinese language is gradually entering the education sector in Kazakhstan. The Chinese language is being introduced into Kazakhstan education in several ways, including extracurricular additional education, the creation of a Chinese language discipline directly in schools and universities, and the Confucius Institute. The Confucius Institute, as an international cultural exchange platform for overseas communication, can greatly increase the overseas dissemination of audiovisual media, other printed materials, newspapers and periodicals, arts and books through language teaching and cultural exchange. Confucius Institutes in Kazakhstan provide everyone with the opportunity to study the Chinese language and Chinese literature. It helps improve the level of Chinese language teaching in Kazakhstan, and provide better language talents for China-Kazakhstan economic and cultural trade.

Currently, there are 5 Confucius Institutes operating in Kazakhstan. Confucius Institute at L.N. Gumilyov Eurasian National University in Astana, is the first Confucius Institute in Kazakhstan. The agreement on the establishment of the first Confucius Institute in Kazakhstan was signed on 20 December 2006 during the visit of the President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev to Beijing. On the 5th of December 2007 the official presentation of Confucius Institute at L.N. Gumilyov ENU took place. Classes at the Confucius Institute at L.N. Gumilyov ENU are conducted by highly qualified teachers from Xi'an International Studies University. In October 2008 a center was opened at the Confucius Institute to take the exam for a special international certificate HSK, confirming the level of knowledge of the Chinese language. Since the establishment

of the Confucius Institute, about 650 students have already completed language courses. In addition, the Confucius Institute at the ENU has its own library and its own film club. The library is equipped with educational materials provided by the head office of the Confucius Institute in Beijing. These are all the latest textbooks on the Chinese language and Chinese culture, published in China. The total number of textbooks is over 4,500 volumes [17].

These Confucius Institutes are actively engaged in promoting the Chinese language and disseminating Chinese culture in Kazakhstan, providing Chinese language teaching services in Kazakhstan, providing standardized and authoritative modern Chinese language teaching materials, providing the most formal and large-scale Chinese language teaching channels, conducting cultural exchange events (for example, organizing numerous exhibitions, competitions on Chinese language and culture; participating in the national festival of the Chinese people - the Spring Festival; organizing International Competition “Chinese Language Bridge” together with the Chinese Embassy in Kazakhstan etc.) for improving understanding of the Chinese language and culture among the people of Kazakhstan and the world, developing friendly relations between China and foreign countries.

In addition to more systematic cultural exports such as the Confucius Institute and the Cultural Center for Area Studies, cultural exchange events and transnational cultural promotion events organized by China and Kazakhstan play a significant role in China-Kazakh cultural exchange.

For example, in August 2022, on the birthday of the great Kazakh akyn, philosopher and thinker Abay Kunanbayuly, the 7th annual “Abaev Readings” were held at the Beijing Jintai Museum of Art. Heads of a number of diplomatic missions accredited in the China, representatives of government agencies, academic and creative intellectuals of China, the Kazakh diaspora, as well as journalists of Chinese and Kazakh media attended the event and laid flowers at the Abai monument installed in 2014 in the International Celebrity Sculpture Garden of Chaoyang Central Park in Beijing. The important contributions of Abai Kunanbayuly's works to the development of modern Kazakh literature, and the role of the spiritual heritage of the great Akyn in shaping the moral guidance of Kazakh youth are once again proclaimed and confirmed [18].

In order to celebrate the 25th anniversary of the establishment of diplomatic relations between China and Kazakhstan, further strengthen cultural exchanges and cooperation, promote people-to-people contacts within the framework of the Belt and Road, and deepen the concept of friendship between the two countries for generations, the Ministry of Culture of the People's Republic of China and the Embassy of Kazakhstan in China on April 17, 2017, held a joint concert “Meeting on the Bright Silk Road” in the Beijing Concert Hall. The concert was a meeting of the Silk Road and the Light Road, the connection of music and culture of the two countries, the connection of emotions and hearts of the two peoples. This will certainly open up better prospects for cultural exchanges between China and

Kazakhstan. The concert was attended by Chinese and Kazakh personalities and ambassadors from more than 20 countries and an audience of about 1,000 people [19].

On November 2, 2018, to commemorate the fifth anniversary of the Belt and Road Initiative and to convey the traditional friendship between China and Kazakhstan, the Consulate General of China in Almaty held a commemorative photo exhibition of Xian Xinghai and a commemorative concert of Xian Xinghai - Bakhytzhan Baikadamov at the Dzhambul State Philharmonic Hall [20]. The deep friendship between Chinese musician Xian Xinghai and famous Kazakh musician Baikadamov is a symbol of the traditional friendship between China and Kazakhstan. Kazakhstan is a strong supporter and active participant in the Belt and Road Initiative. The Silk Road Economic Belt initiative and Kazakhstan's new "Bright Road" economic policy are in deep alignment to promote China and Kazakhstan's production capacity and investment, as well as to forge a new path in humanitarian cooperation.

On December 5, 2018, the Embassy of Kazakhstan in China held a special concert of the National Trio of the Republic of Kazakhstan on the theme "Astana-Beijing: Bridge of Friendship" at the Concert Hall of the Central National Orchestra in Beijing. This concert demonstrated to the Chinese audience the achievements of Kazakhstan's artistic development and introduce Kazakhstan's outstanding musicians [21]. Art knows no boundaries, and such events promote exchanges and cooperation between Kazakhstan and China in the field of humanities and deepen friendship between the two countries. This was followed by an exhibition of black-and-white and colour paintings by members of the Association of Kazakh Artists at the Kazakh Embassy in Beijing on December 13, which allowed Chinese visitors to experience the beauty, historical changes and unique ethnicity of the steppe country of Kazakhstan. At the call of the President, Kazakhstan is actively presenting Kazakh culture to the world.

On April 11, 2019, the National Museum of China opened an exhibition of museum artifacts from the Silk Road countries on the theme "People of the World Sharing the Light of Human Civilization." The exhibition is jointly organized by the National Museum of China and national museums of 12 countries along the Belt and Road, including Kazakhstan, Mongolia, Oman, Russia and Tajikistan, etc. The exhibition brings together a total of 234 cultural relics from 13 countries to clearly demonstrate the achievements of civilizational exchanges between countries along the Belt and Road [22]. The exhibition aims to provide new opportunities for museums in China and other countries along the Belt and Road to share their strengths and resources and strive for common development, promoting cultural exchanges and cooperation between countries in a friendly, positive and close direction. Museum directors or relevant officials from 13 countries including China, Kazakhstan, Russia, etc. attended the opening ceremony.

On August 20, 2021, the Ambassador of Kazakhstan to China Gabit

Koishibaev met with the director of the Xinxing (New Star) publishing house Ma Rujun in Beijing and discussed the implementation of the “One Hundred Cities on the Silk Road” project, aimed at creating a series of books telling about history, life and culture of cities located along the ancient routes of the Great Silk Road. The series of books “One Hundred Cities on the Silk Road” is a project of cultural and humanitarian cooperation within the framework of the Belt and Road initiative. The inclusion of books about the history of three Kazakh cities in this project was achieved with the assistance of the Embassy of the Republic of Kazakhstan in the PRC as part of the implementation of the Kazakh program “Rukhani Zhangyru”. As part of the project, books will be published about such Kazakh cities as Almaty, Taraz and Turkestan, which have a centuries-old history, a unique cultural heritage, closely connected with the ancient Silk Road [23].

On June 24, 2022, in Beijing, the Ambassador of Kazakhstan to China, Shakhmat Nuryshv, met with the Minister of Culture and Tourism of the People's Republic of China, Hu Heping. During the meeting, they discussed issues of further strengthening cultural and humanitarian ties and developing cooperation in the field of tourism. In order to strengthen bilateral cultural and humanitarian dialogue and expand human contacts, the creation of mutual cultural centers in Kazakhstan and China will give a powerful impetus to the development of bilateral relations in this direction [24].

The sudden onset of the epidemic in 2020 has affected almost the entire world, including countries along the Belt and Road, including Central Asian countries. The impact of the epidemic has led to economic recession and loss of income, but at the same time has opened up new opportunities for digital technologies, economic development and humanitarian interaction. During the epidemic, countries introduced anti-crisis measures, continued the open door policy and focused on developing regional cooperation. This means that countries have increased their recognition of the Belt and Road and the Community of Human Destiny. In general, the epidemic only slowed down the pace of implementation of the Belt and Road, did not weaken it, but rather emphasized its importance.

Conclusions

The promotion of the Belt and Road is impossible without mutual appreciation, understanding and respect between countries and peoples. The Ministry of Culture's Action Plan for Cultural Development along the Belt and Road (2016-2020) has set out a roadmap for the further development of cultural construction along the Belt and Road. The International Cultural Alliances include 319 foreign cultural institutions from 88 countries and regions. 17 Chinese cultural centers and several tourism offices have been established in countries along the route, and comprehensive festivals such as the Silk Road(Dunhuang) International Cultural Expo and the Silk Road International Tourism Festival have attracted active participation of countries along the route. Events organized by China, Kazakhstan and other countries such as the "Year of Tourism", the "Great Tea

Road" International Tourism Project have contributed to the construction of the Belt and Road towards high-quality development, exchange and mutual appreciation of civilizations and further advancement exchanges between people. Cooperation in the field of culture and tourism will help break down geographical and industry barriers, integrate resources from around the world in the field of culture and tourism, and lay the foundation of consensus for building the Belt and Road and the community of human destiny.

In order to continue to effectively protect the cultural development of the Belt and Road, it is necessary to improve the cultural exchange and cooperation mechanisms of the Belt and Road, including but not limited to the signing of intergovernmental documents, strengthening meetings and consultations in the field of culture within existing international platforms, deepening cooperation mechanisms, such as the Council for Humanitarian Cooperation of States, and encouraging regional cooperation in the field of cultural exchange and artistic creativity at all levels.

Second, improve the platform for cultural exchange and cooperation along the Belt and Road: for example, promote the construction of Chinese cultural centers and Silk Road cultural centers in countries and regions along the Belt and Road, support the establishment of the Belt and Road cultural exchange section in various comprehensive international forums, create a Silk Road cultural database and public digital cultural support platforms and digital libraries.

Third, create famous brands for cultural exchanges along the Belt and Road. In addition to the existing brand "Silk Road Cultural Travel" and "Year of Tourism", "Silk Road Cultural Ambassadors" and "Cultural Ambassadors of the Silk Road Countries" can also be selected jointly with Belt and Road countries and regions. It is worth noting that in selecting national cultural ambassadors, an appropriate number of well-known personalities from various sectors of the country could be used to increase public awareness of the project and branding.

Last but not least, training international talents along the Belt and Road. For example, targeted training courses on the languages and cultures of the Belt and Road, actively conducting joint conservation, research, talent training and project exchanges with countries and regions along the Belt and Road in the field of intangible cultural heritage, encouraging joint creativity with artistic talents and cultural institutions from Belt and Road countries and regions, enhancing professional standards and all-round quality of artistic talents.

References:

1. Build the "Silk Road Cultural Industry Belt" to promote the improvement of cultural resources industry. Official website of the Central People's Government of the People's Republic of China. [Electronic resource]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2014-05/09/content_2676429.htm (Date of access: 09.23.2023).

2. Hu Jian. Research on the Belt and Road Strategic Concept. and Its Practice. Beijing. Current Affairs Press, 2016. - pp. 115-117
3. Tong Bing. An analysis of misunderstandings in cross-cultural communication. Journalism University, 2004 (03). - pp. 20-24.
4. Jin Wei. Plum blossoms and peonies: China's cultural strategy in the context of "One Belt, One Road". Beijing. CITIC Press. 2016. - pp. 36-40.
5. Moldabaev, M. M. Historical and cultural heritage of the Kazakh section of the Great Silk Road - a factor in the sustainable development of the tourism industry / M. M. Moldabaev, A. R. Shulenbaeva, Uldana Kurbanbaeva, Aidos Fayzullauly. — Text: immediate // Young scientist. - 2016. - No. 10 (114). - pp. 786-789.
6. [Italian] Maria Chiara Zannini; [German] Jim Thomas William Stuman. "One Belt, One Road" initiative: a great social project dedicated to creating cultural identity. European Studies, 2015 (06): - pp. 10-14.
7. Liu Yuzhu: Countries along the Silk Road have great potential for the development of cultural industries. Ministry of Culture and Tourism of the People's Republic of China. [Electronic resource]. URL: https://www.mct.gov.cn/whzx/tpxw/201412/t20141229_829628.htm (Date of access: 09.23.2023).
8. The Belt and Road Initiative will increase Kazakhstan's GDP by 21% | Kazakhstan Today (kt.kz) [Electronic resource]. URL: https://www.kt.kz/rus/ekonomika/initsiativa_odin_poyas_-_odin_put_uelichit_vvp_1377949323.html (Date of access: 09.23.2023).
9. Editor-in-chief Li Xiaoqing. Theater Construction-Silk Road International Theater Alliance Headquarters. Chinese Theater Yearbook Editorial Department, 2019, - pp. 177-178. DOI:10.43096/y.cnki.yzgj.2021.000082.
10. The International Festival Alliance "Silk Road" has been officially created. 124 festivals and organizations have joined it. [Electronic resource] URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/31079.html> (Date of access: 09.23.2023).
11. The Establishment of the Silk Road International Library Alliance and the Academic Seminar on the Integrated Development of Libraries and Bookstores on "Reading·City·Culture" was held in Chengdu. Journal of Sichuan Library Journal, 2018(04). - pp. 2+101.
12. Shao Xiaofeng. A Report on the Academic Seminar of Founding Ceremony of Silk Road International Alliance of Art Museums and Galleries Chinese. National Art Museum of China Journal. 2018(04). – pp. 21-32.
13. Liu Xiaoshan. On the issue of cultural confidence in the international promotion of Chinese language under the "Belt and Road" initiative. Journal of Northwest University for Nationalities (Philosophy and Social Sciences Edition), 2018(05). – pp. 177-183. DOI:10.14084/j.cnki.cn62-1185/c.2018.05.023.
14. Cooperation of the Republic of Kazakhstan with the People's Republic of China. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan. [Electronic resource]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/470?lang=ru> (Date of access: 09.24.2023)
15. Admissions Office of Xi'an International Studies University. [Electronic resource]. URL: <https://zhaosheng.xisu.edu.cn/info/1112/2529.htm> (Date of access: 09.24.2023)
16. Voyage of the head of Chinese diplomacy in Eurasia: content, significance, prospects. China Studies Center. [Electronic resource]. URL: https://chinastudies.kz/ru/publications/kazakhstan_and_china/363/?sphrase_id=555532; (Date of access: 09.24.2023)

17. Official website of the Eurasian National University. L.N. Gumilyov. [Electronic resource]. URL: <https://enu.kz/ru/nauka/nauchno-issled-podr/institut-konfuciya/> (Date of access: 10.25.2022)
18. The 7th annual "Abaev Readings" were held in Beijing. Embassy of the Republic of Kazakhstan in the People's Republic of China. [Electronic resource]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-beijing/press/news/details/410781?lang=ru> (Date of access: 09.24.2023)
19. "Meeting on the Bright Silk Road" - China-Kazakh Joint Concert in Beijing. Ministry of Culture and Tourism of the People's Republic of China. [Electronic resource]. URL: https://www.mct.gov.cn/whzx/bnsj/dwwhl-lj/201705/t20170510_773220.htm (Date of access: 09.24.2023)
20. A series of events on the theme of commemorating Xian Xinghai was held in Almaty. Ministry of Culture and Tourism of the People's Republic of China. [Electronic resource]. URL: https://www.mct.gov.cn/preview/special/8672/8676/201811/t20181108_835841.htm (Date of access: 09.24.2023)
21. The National Trio of the Republic of Kazakhstan. Ministry of Culture and Tourism of the People's Republic of China. [Electronic resource]. URL: https://www.mct.gov.cn/preview/special/8672/8676/201812/t20181225_836645.htm (Date of access: 09.24.2023)
22. The exhibition of cultural relics at the National Museum of the Silk Road opens. Ministry of Culture and Tourism of the People's Republic of China. [Electronic resource]. URL: https://www.mct.gov.cn/whzx/whyw/201904/t20190412_842721.htm (Date of access: 09.24.2023)
23. Books about the cities of Kazakhstan will be published in Chinese. Embassy of the Republic of Kazakhstan in the People's Republic of China. [Electronic resource]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-beijing/press/news/details/244723?lang=ru> (Date of access: 09.24.2023)
24. Kazakhstan and China agreed on the mutual opening of cultural centers. Embassy of the Republic of Kazakhstan in the People's Republic of China. [Electronic resource]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-beijing/press/news/details/kazahstan-i-kitay-dogovorilis-o-vzaim-nom-otkrytii-kulturnyh-centrov?lang=ru> (Date of access: 09.24.2023)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ В КАЗАХСТАНЕ

Арман Касымбаев^{1*}
Тауекел Оспанов²

¹ PhD докторант Казахского национального университета имени аль-Фараби,
e-mail*: 251546@mail.ru

² Ассоциированный профессор Satpaev University,
e-mail: tauekel_81@mail.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2023-4.05>

Аннотация. Данное исследование рассматривает тенденцию меняющегося лингвистического ландшафта на Казахстанском рынке труда, где часть работодателей предъявляют требование к знанию английского языка у потенциальных работников. Требование рынка труда к тому, чтобы кандидаты хорошо владели английским языком, имеет решающее значение для трудоустройства. В рамках исследования был рассмотрен один из сайтов для поиска работы в Казахстане «headhunter.kz». Были изучены объявления, в которых важным требованием для соискателей было знание английского языка и уровень владения английским языком. Объявления были опубликованы в 2021 и 2022 годах на популярном сайте вакансий «headhunter.kz». Кроме того, данное исследование определило уровень спроса на английский язык в городах Республиканского значения и областях Казахстана. Основываясь на анализе, была подтверждена растущая важность английского языка и более высокие требования к уровню владения английским языком, хотя эти требования варьировались в разных секторах занятости.

Ключевые слова: английский язык, экономика языка, глобализация, английский язык и возможность трудоустройства

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ТІЛДІК ПРОЦЕСТЕРДІҢ ЖАҒАНДАНУЫ

Арман Қасымбаев^{1*}, Тәуекел Оспанов²

¹ Өл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің PhD докторанты,
e-mail*: 251546@mail.ru

² Satpaev University қауымдастырылған профессоры, e-mail:

tauekel_81@mail.ru

Аңдатпа. Бұл зерттеу қазақстандық еңбек нарығындағы өзгермелі лингвистикалық ландшафт үрдісін қарастырады, онда жұмыс берушілердің бір бөлігі әлеуетті қызметкерлерден ағылшын тілін білуге қойылатын талаптарды қояды. Үміткерлердің ағылшын тілін жақсы меңгеруіне еңбек нарығының талаптары жұмысқа орналасу үшін өте маңызды. Зерттеу аясында Қазақстанда жұмыс іздеуге арналған сайттардың бірі қаралды "headhunter.kz". өтініш берушілер үшін маңызды талап ағылшын тілін білу және ағылшын тілін білу деңгейі болатын хабарландырулар зерттелді. Хабарландырулар 2021 және 2022 жылдары танымал жұмыс сайтында жарияланды "headhunter.kz". сонымен қатар, бұл зерттеу Республикалық маңызы бар қалалар мен Қазақстан облыстарында ағылшын тіліне сұранысты анықтады. Талдауға сүйене отырып, ағылшын тілінің маңыздылығының артуы және ағылшын тілін меңгеру деңгейіне қойылатын талаптардың жоғарылауы расталды, дегенмен бұл талаптар әр түрлі жұмыс секторларында әр түрлі болды.

Түйін сөздер: ағылшын тілі, тіл экономикасы, жаһандану, ағылшын тілі және жұмысқа орналасу мүмкіндігі.

GLOBALIZATION OF LANGUAGE PROCESSES IN KAZAKHSTAN

Arman Kasymbayev¹, Tauekel Ospanov²

¹PhD student of Al-Farabi Kazakh National University, e-mail*: 251546@mail.ru

²Associate Professor of Satpaev University, e-mail: tauekel_81@mail.ru

Abstract. This study examines the trend of the changing linguistic landscape in the Kazakh labor market, where some employers place requirements on the proficiency of English among potential employees. The requirements of the labor market for candidates to have a good command of English is crucial for employment. As part of the study, one of the sites for job search in Kazakhstan was considered "headhunter.kz ". Ads were studied in which the proficiency of English and the level of English proficiency were an important requirement for applicants. The ads were published in 2021 and 2022 on the popular job site "headhunter.kz ". In addition, this study determined the demand for English in cities of national significance and regions (oblasts) of Kazakhstan. Based on the analysis, the growing importance of the English language and higher requirements for the level of English proficiency were confirmed, although these requirements varied in different employment sectors.

Keywords: English, language economics, globalization, English and employment opportunities.

Введение

Языковые процессы и контроль за ними занимают важное место в государственной политике Республики Казахстан. В частности, языковая политика становится важнейшим направлением в развитии Казахстана, поскольку в ней отражаются намерения усилить самоидентификацию и укрепление государственного языка Республики Казахстан. Наряду с этим, в государственной программе развития и функционирования языков в РК на 2020–2025 гг. развитие английского языка является главным вектором развития. Стратегический план развития следующий: будет обеспечен максимальный охват населения возможностями обучения иностранным языкам, в особенности английскому. Одним из ключевых компонентов лингвистического капитала казахстанцев является знание иностранных языков как средства делового и международного общения [1]. Так, к 2025 году в республике в рамках государственной программы ожидается рост до 18% от общего числа населения владеющим английским языком [2]. Во многих государствах употребление английского языка открывает новые возможности для национальных интересов в таких важных направлениях как экономическая интеграция, доступ к новым технологиям и др.

Как и любая другая страна, на сегодняшний день Казахстан столкнулся с глобализационными процессами, которые проникли во все сферы жизни деятельности человека. Английский язык как язык глобализации стал неотъемлемой частью как образовательной сферы, так и экономической. Экономический потенциал английского языка как глобального языка получил более широкое внимание в глобализированном мире [3]. В крупных городах Казахстана владение английским языком стало критерием отбора при устройстве на работу. Растущий объем исследований [4] показал взаимосвязь между английским языком и трудоустройством.

Важным направлением в современной социолингвистике выступает экономика языка. Этот современный раздел языкознания, находящийся на стыке экономики и лингвистики, выделяет значимость английского языка, принимая во внимания статус языка как ключевого фактора глобализации. [5]. Английский язык стал важным фактором мировой экономики и общественной жизни. Такие сферы жизнедеятельности как мировой рынок, бизнес, наука, культура и технологии – являются частью глобализации, а значит статус английского языка лишь возрастает [6]. Считается, что по сравнению с другими международными языками английский имеет гораздо более высокое экономическое значение [7]. В этой связи, языковая политика в развивающихся странах определяет английский язык как инструмент для отдельных лиц и сообществ, а также как потенциальную возможность для экономического роста в этих странах [8]. При этом, английский язык также учитывается как важный элемент мировой конкуренции за человеческий капитал, торговлю и инвестиции; кроме того, английский язык становится обязательным условием социальной мобильности отдельных

лиц и экономического развития стран в условиях глобализации [9].

Так, например, в исследовании, проведенном по заказу Британского совета, Граддол (1997) [10] говорит о явно “неудержимой” тенденции к глобальному использованию английского языка. В этой связи, целью работы является исследование связи английского языка и занятости путем изучения спроса на английский язык на рынке труда. Исследования, проведенные в различных сферах, подтвердили, что умение общаться на английском языке является признанным фактором успешного трудоустройства [11], и что английский язык работает как один из важных определяющих факторов устроиться на работу, чтобы получать высокую заработную плату, а также другие преимущества на рынке труда [12].

В рамках исследования были поставлены следующие задачи:

1. Насколько важен английский язык на Казахском рынке труда?
2. Какой уровень владения английским языком требуют работодатели?

Методология исследования

Ключевой задачей данного исследования выступает определение рыночного спроса на английский язык в Казахстане. В этой связи был рассмотрен один из сайтов для поиска работы в Казахстане «headhunter.kz», который пользуется популярностью также и в странах СНГ. Ведущим веб-сайтом для работодателей и лиц, ищущих работу в Казахстане, является www.headhunter.kz. Сайт работает уже более 10 лет и хорошо известен своей приверженностью к надежной информации о вакансиях. Он рекламирует вакансии в компаниях, которые создали бизнес-профили. На веб-сайте отображаются свежие вакансии, размещенные рекрутерами. Таким образом, веб-сайт представляется надежным источником информации о вакансиях и требованиях к работе в Казахстане.

В рамках нашего исследования были изучены объявления, в которых важным требованием для соискателей было знание английского языка. В рамках исследования были рассмотрены вакансии с октября 2021 по январь 2022 на сайте «headhunter.kz» о приеме на работу, где требовалось знание английского языка в Казахстане. В процессе анализа веб-сайта нами было проведено несколько этапов исследования, чтобы определить рыночный спрос английского языка в Казахстане.

На первом этапе исследования была составлена таблица, которая включает основные направления профессиональных отраслей в Казахстане, где профессии сгруппированы по пяти основным направлениям. Главной же целью этой стадии исследования являлось определение рыночного спроса на английский язык в контексте уровня владения иностранным языком в различных профессиональных областях. Большая часть вакансий была сгруппирована на основе их популярности и репрезентативности. Эти группы и категории вакансий представлены в таблице 1.

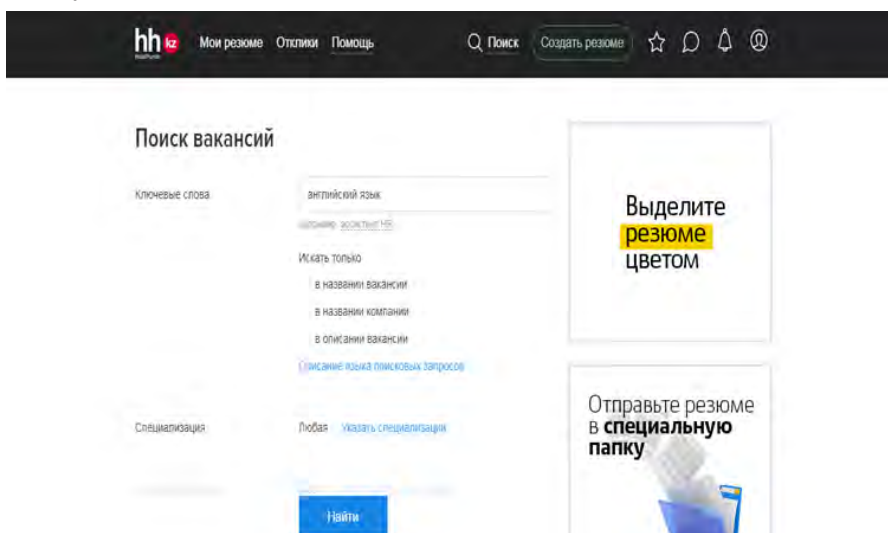
Таблица 1. Основные направления профессиональных отраслей в Казахстане

Отрасль	Сфера деятельности
Технологии	1. Информационные технологии, системная интеграция, интернет 2. Телекоммуникации, связь 3. Электроника, приборостроение, бытовая техника, компьютеры и оргтехника
Экономика и бизнес	1. Государственные организации 2. Услуги для населения 3. Управление многопрофильными активами 4. Финансовый сектор 5. Услуги для бизнеса. 6. ЖКХ 7. Продукты питания 8. Гостиницы, рестораны, общепит, кейтеринг 9. Розничная торговля 10. СМИ, маркетинг, реклама, BTL, PR, дизайн, продюсирование
Образование и здравоохранения	1. Образовательные учреждения 2. Искусство, культура 3. Медицина, фармацевтика, аптеки 4. Общественная деятельность, партии, благотворительность, НКО
Строительство и логистика	1. Строительство, недвижимость, эксплуатация, проектирование 2. Перевозки, логистика, склад, ВЭД 3. Автомобильный бизнес
Сельское хозяйство и промышленность	1. Энергетика 2. Химическое производство, удобрения 3. Металлургия, металлообработка 4. Нефть и газ 5. Лесная промышленность, деревообработка 6. Сельское хозяйство 7. Товары народного потребления (непищевые) 8. Тяжелое машиностроение 9. Промышленное оборудование, техника, станки и комплектующие 10. Добывающая отрасль

Источник: составлено авторами

На следующем же этапе нашего исследования мы определили количество вакансий в каждой профессиональной области. Также мы рассмотрели те вакансии, в которых в качестве ключевого требования для соискателя выступало знание английского языка. Данные цели были осуществлены, так как веб-сайт «headhunter.kz» имеет достаточно большое количество опций для поиска работы. Более того, «headhunter.kz» позволяет искать вакансии с использованием окна поиска, представленного на рисунке 1. Мы можем видеть из рисунка 1, что количество вакансий легко определить, путем введения ключевого слова или просто поиска по названию вакансий или компаний.

Рисунок 1. Окно поиска на веб-сайт «headhunter.kz»

Источник: веб-сайт «headhunter.kz» (<https://hh.kz/>)

Например, Телекоммуникация/связь можно идентифицировать, выбрав значок категории «Телекоммуникация/связь» из поля «Специализация», после чего стоит нажать «Поиск». Результаты отобразятся в виде ответа сайта с количеством вакансий (например, «Мы нашли 200 вакансий»).

После того как было введено слово «английский язык» в сектор ключевые слова, выбрав при этом специализацию (например, «Нефть и газ»). Отображаются результаты поиска, а именно количество объявлений, в которых упоминается английский язык по дате публикации вакансий на этом веб-сайте. Следует также отметить тот факт, что объявления были опубликованы на трех языках: на казахском, русском и английском.

Особенностью этого веб-сайта является то, что большая часть объявлений публикуется на русском языке, то есть язык описания объявлений – русский. Это не имеет значения, даже если вводится ключевое слово на

английском языке. Переходя на английскую или казахскую версию веб – сайта, по большому счету ничего не меняется. Тем не менее, сам запрос был сделан на русском языке, поскольку данный подход позволяет найти большее количество объявлений, нежели чем на казахском языке, вводя слово «ағылшын тілі». Также была попытка найти объявления путем написания слова «English», но количество вакансий было предоставлено сайтом меньше в сравнении с вводом ключевого слова «английский язык» на русском языке. Хотя при этом сам веб-сайт выдавал объявления вакансий исключительно на английском языке. Это было скорее всего связано с тем, что вакансии публиковались крупными иностранными компаниями, находящимися на территории Казахстана. И эти вакансии требовали действительно высокого уровня владения языком. Изучение мотивации работодателей к публикации объявлений на казахском, английском или русском языках может быть важным направлением дальнейших исследовательских поисков, но это было невозможно в рамках настоящего исследования. Стоит упомянуть, что были объявления, в которых упоминался «английский язык» как одно из обязательных требований навыков и умений для соискателя.

После подсчета вакансий, в которых упоминался английский язык, общее количество вакансий было рассчитано исходя из пяти профессиональных отраслей. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. Распределение вакансий по отраслям, требующих владение английским языком

Отрасль	Количество
Технологии	989
Экономика и бизнес	1445
Образование и здравоохранение	774
Строительство и логистика	376
Сельское хозяйство и промышленность	606
Итого	4190

Источник: составлено авторами

В таблице 2 показано, что в октябре 2021 г., когда было начато исследование, на сайте были размещены 4190 вакансии с требованием владения английским языком. Вакансии, рекламируемые в течение нескольких месяцев, были представлены частным сектором экономики (например, образовательные центры, общества с ограниченной ответственностью и акционерные общества), при этом лишь небольшое количество таких рабочих

мест в каждой группе находится в государственном секторе. В этот же период времени было опубликовано всего 29 770 вакансий.

Английский язык востребован во всех профессиональных группах, и разница спроса на язык колеблется от 14% до 15%. Этот спрос на английский язык можно считать высоким, учитывая статус английского языка в стране и количество людей, которые владеют английским языком. Соискатели со знанием английского языка могут иметь преимущество на рынке труда при условии, что они удовлетворяют другим требованиям.

Как видно из таблицы 2, есть две профессиональные отрасли, предлагающие наибольшее количество рабочих мест за данный период: группа 1 – технологии (989 объявлений) и группа 2 – экономика и бизнес (1445 объявлений). При этом область строительство и логистика показала наименьшее количество вакансий за этот период (376 объявлений).

Результаты исследования и их обсуждение

Английский язык в городах и областях Казахстана. Другой задачей нашего исследования являлся анализ спроса на английский язык в различных городах и областях Казахстана. Благодаря опциям поиска была возможность посмотреть количество фактических объявлений на этом веб-сайте «headhunter.kz» в различных городах Казахстана. Поскольку данный веб-сайт давал данные по каждому городу, даже незначительное количество, например, город Каскелен Алматинской области, где количество объявлений составляло лишь 10 единиц. В других провинциальных городах Казахстана данный веб-сайт показывал только одно объявление или два. Поэтому было принято решение сгруппировать данные по областям и городам республиканского значения. Республика Казахстан состоит из 17 территориальных единиц: 14 областей и 3 городов республиканского значения. Количество объявлений представлено в таблице 3.

Таблица 3. Количество зарегистрированных браков и разводов в Республике Казахстан (с 2017 по 2022)

Область/Город	Количество вакансий
Алматы	1771
Нур-Султан	873
Атырауская область	263
Карагандинская область	149
Шымкент	91
Павлодарская область	67
Мангыстауская область	51

Западно-Казахстанская область	50
Актюбинская область	46
Восточно-Казахстанская область	45
Костанайская область	42
Северо-Казахстанская область	39
Алматинская область	27
Жамбылская область	22
Кызылординская область	18
Туркестанская область	13
Акмолинская область	11
Южно-Казахстанская	4

Источник: составлено авторами

Согласно таблице 3 мы можем наблюдать, что большее число вакансий расположилось в городе Алматы, поскольку город Алматы является самым крупнейшим населенным пунктом в Казахстане с населением 1 977 011 человек. Вместе с тем, в этом городе представлены почти все сектора экономики Казахстана. В Алматы количество объявлений составило 1771 единиц. Другим городом, где английский язык тоже востребован, и является преимуществом при трудоустройстве у работодателей является столица Казахстана - Астана (873 вакансий). Стоит отметить, что Атырауская область и Карагандинская область также демонстрируют высокий спрос на английский язык у работодателей. В Атырауской области основной спрос приходится на такие сферы как нефтеперерабатывающая промышленность, бизнес и экономика, а также сферу услуг. В Южно-Казахстанской области наименьшее количество вакансий с требованием английского языка в качестве профессионального навыка. Тем не менее, стоит заметить, что в подавляющем большинстве областей Казахстана нет реального рыночного спроса на английский язык. Лишь в двух городах республиканского значения и Атырауской области наблюдается значительный спрос на иностранный язык на рынке труда.

Уровень владения английским языком. Следующей задачей данного исследования было определение необходимого уровня владения английским языком у потенциальных соискателей работы. В этой связи, изначально была рассчитана выборка, которая составила 575 вакансий при общей сумме генеральной совокупности (4190). В последующем, выборка была распределена на пять профессиональных отраслей. Выборка была осуществлена случайным образом для каждой профессиональной отрасли с особым акцентом на требуемый уровень владения иностранным языком. Все выбранные объявления были распределены на 3 основные группы. Каждая из этих групп соответствовала тому или иному требованию владения язы-

ком, а именно: базовому (Basic), среднему (Intermediate) и продвинутому (Advanced). Каждый уровень охватывает широкий спектр навыков. На основании описания языковых требований трудно указать точное предпочтение (требование) к соискателю. Тем не менее, во избежание расплывчатости мы использовали систему «Общеввропейской Компетенции Владения Иностранным Языком» или «CEFR». Согласно этой системе были определены 3 группы уровня знания языка: А, В и С или базовый (Basic), средний (Intermediate) и продвинутый (Advanced) соответственно. Требования к уровню владения английским языком в отраслях профессиональной деятельности представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Требования к уровню владения английским языком в отраслях профессиональной деятельности

Область/Город	А	В	С	Количество (n=575)
Технологии	23	89	24	136
Экономика и бизнес	19	107	71	197
Образование и здравоохранения	4	35	67	106
Строительство и логистика	6	31	15	52
Сельское хозяйство и промышленность	9	54	24	84
Количество	61	316	201	

Источник: составлено авторами

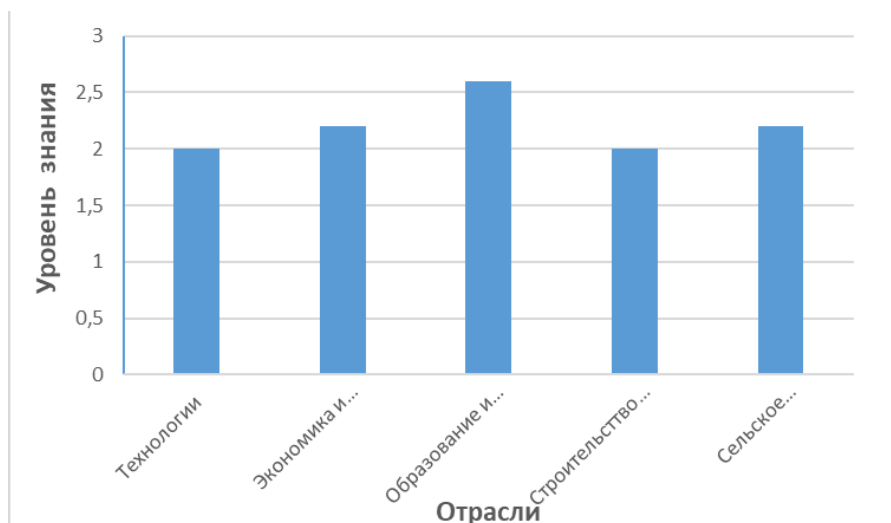
Согласно таблице 4 самое большое количество вакансий представлено в отрасли «Экономика и бизнес». Это объясняется тем, что эта сфера самая распространенная на Казахстанском рынке труда. Эта профессиональная область в основном связана с сервисом и предоставлением услуг. В то же время область «Строительство и логистика» продемонстрировала низкие показатели для соискателей работы, общее количество вакансий составило всего 52.

Как видно из таблицы 4 область «Технологии» требует от потенциальных работников базового уровня владения иностранным языком (23 вакансии). В отличие от «Образование и здравоохранение» (4), где базовый уровень требуется лишь для 4 % из всех вакансий в этой профессиональной отрасли. Базовый уровень владения языком является самым не востребовавшимся, поскольку от соискателя необходимо только читать со словарем или понимать отдельно взятые предложения на слух. Как видно, этого недостаточно для большинства работодателей (10% от всех вакансий). Самым

востребованным уровнем является Средний (Intermediate), который составил больше половины всех объявлений на данном веб-сайте. При этом, в профессиональном секторе «Экономика и бизнес» требуется наибольшее количество работников со средним уровнем знания английского языка (107). Следует отметить, что «Экономика и бизнес» также является самым большим по количеству объявлений, где требуется не только средний, но и продвинутый уровень владения английским языком (71). Наряду с этим, такая профессиональная отрасль как «Строительство и логистика» занимает самый низкий рейтинг по количеству объявлений, что в свою очередь приводит к тому, что требование знания английского языка на среднем и продвинутом уровне самый низкое по отношению к другим профессиональным группам. Исходя из количества объявлений, «средним показателем» из всех объявлений выступает «Сельское хозяйство и промышленность». В этой отрасли не наблюдается существенных отклонений от среднего.

Чтобы сравнить уровень владения английским языком, необходимый для работы в пяти профессиональных секторах. По трем уровням владения английским языком (базовый = 1, средний = 2, продвинутый = 3) мы рассчитали среднее значение для каждого из секторов. Например, в области «Технологии» 23 рабочих вакансии требуют базового английского языка, 89 рабочих вакансий требуют средний уровень владения английским языком и 24 рабочих места, требующих продвинутого уровня владения английским языком. Средний балл владения английским языком в этом секторе составил $1,92 (23*1+89*2+24*3=273/136)$. Средние значения для каждого сектора представлены на рисунке 2.

Рисунок 2. Средние значения для каждого сектора

Источник: веб-сайт «headhunter.kz» (<https://hh.kz/>)

Среди пяти секторов занятости отрасль «Образование и здравоохранение» требовала самого высокого уровня владения английским языком, средний балл которого составлял 2,6, в то время как отрасль «Строительство и логистика» требовала самого низкого (1,98). В трех других секторах требовался высокий уровень владения английским языком, средний показатель которого составлял 2,2 для отрасли «Экономика и бизнес» и для отрасли «Сельское хозяйство и промышленность» (2,2). Таким образом, знание английского языка является важным требованием для работы в разных секторах.

Заключение (выводы)

Глобализация стала ключевым мировым трендом, который влияет на все сферы человеческой деятельности [13]. Язык не стал исключением, а также подвергся существенному влиянию глобализации. Казахстан стал активным участником мирового рынка, начиная с периода приобретения своей независимости, что, в свою очередь, повлияло на лингвистический ландшафт Казахстана. Глобальные финансовые потоки мирового капитала изменили языковые требования рынка труда в странах Центральной Азии. Английский язык как средство международной коммуникации глобальной экономики стал важным инструментом для внутреннего и внешнего общения в различных сферах экономики. Данное исследование показывает, что в Казахстане отмечается тенденция меняющегося лингвистического ландшафта на рынке труда. Большая часть работодателей предъявляет требование к знанию английского языка у потенциальных работников. Работодатели требуют знания иностранного языка выше среднего, а также умения использовать английский язык непосредственно на рабочем месте. При этом следует отметить тот факт, что общее знание о языковых требованиях на рынке труда Казахстана и в странах Центральной Азии ограничено. Необходимо больше исследований в Казахстане и в странах СНГ, чтобы понять меняющийся лингвистический ландшафт рынка труда под влиянием глобализации. Нам также необходимо работать с работодателями, работниками, соискателями на вакантные места, чтобы лучше понять использование английского языка в различных сферах занятости.

Список литературы

1. Ammon U World languages: trends and futures. In: Coupland N (ed.) The Handbook of Language and Globalization. Malden, MA: Wiley-Blackwell/, 2010 - 101–22 p.
2. Barsoum GF The Employment Crisis of Female Graduates in Egypt: An Ethnographic Account. Cairo: American University in Cairo Press/. 2014 – 143p.

3. Brutt-Griffler J World English: A Study of its Development. Clevedon: Multilingual Matters. 2002 – 245 p.
4. CIA. (2020a). Kazakhstan. The world factbook. Retrieved from <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/kz.html>
5. Erling EJ, Seargeant P (eds) English and Development: Policy, Pedagogy and Globalization. Bristol; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters East and North Africa. London: The British Council. 2013 – 24 p.
6. Erling EJ. The Relationship between English and Employability in the Middle. 2015 – 411p.
7. Graddol D. The future of English. London: British Council. 1997 – 34p.
8. Grin F English as economic value: facts and fallacies. World Englishes. 2001 20(1): 65–78 p.
9. Hamid MO The politics of language in education in a global polity. In: Mundy K, Green A, Lingard B, and Verger A (eds) The Handbook of Global Education Policy. London: Wiley Blackwell, 2016. - 259–74p.
10. Holborow M Language, ideology and neoliberalism. Journal of Language and Politics, Volume 6, Issue 1, Jan 2007, - 51 – 73 p.
11. Majhanovich S Neo-liberalism, globalization, language policy and practice issues in the Asia-Pacific region. Asia Pacific Journal of Education. 2014. 34(2): 168–83 p.
12. Roshid M.M. Chowdhury R English language proficiency and employment: a case study of Bangladeshi graduates in Australian employment market. Mevlana International Journal of Education. 2013. 3(1): 68–81 p.
13. Van Parijs Ph. "Europe's three language problems". In Multilingualism in Law and Politics. 2006-127p.

References

1. Ammon U World languages: trends and futures. In: Coupland N (ed.) The Handbook of Language and Globalization. Malden, MA: Wiley-Blackwell/, 2010 - 101–22 p.
2. Barsoum GF The Employment Crisis of Female Graduates in Egypt: An Ethnographic Account. Cairo: American University in Cairo Press/. 2014 – 143p.
3. Brutt-Griffler J World English: A Study of its Development. Clevedon: Multilingual Matters. 2002 – 245 p.
4. CIA. (2020a). Kazakhstan. The world factbook. Retrieved from <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/kz.html>
5. Erling EJ, Seargeant P (eds) English and Development: Policy, Pedagogy and Globalization. Bristol; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters East and North Africa. London: The British Council. 2013 – 24 p.
6. Erling EJ. The Relationship between English and Employability in the Middle. 2015 – 411p.
7. Graddol D. The future of English. London: British Council. 1997 – 34p.
8. Grin F English as economic value: facts and fallacies. World Englishes. 2001 20(1): 65–78 p.
9. Hamid MO The politics of language in education in a global polity. In: Mundy K, Green A, Lingard B, and Verger A (eds) The Handbook of Global Education Policy. London: Wiley Blackwell, 2016. - 259–74p.
10. Holborow M Language, ideology and neoliberalism. Journal of Language and Politics, Volume 6, Issue 1, Jan 2007, - 51 – 73 p.
11. Majhanovich S Neo-liberalism, globalization, language policy and practice issues in the Asia-Pacific region. Asia Pacific Journal of Education. 2014. 34(2): 168–83 p.
12. Roshid M.M. Chowdhury R English language proficiency and

- employment: a case study of Bangladeshi graduates in Australian employment market. *Mevlana International Journal of Education*. 2013. 3(1): 68–81 p.
13. Van Parijs Ph. "Europe's three language problems". In *Multilingualism in Law and Politics*. 2006-127p.

МРНТИ:
06.73.65

РАЗВИТИЕ ПРОЕКТА «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ

Александр Суханов

докторант Международного университета «Астана»,
e-mail:

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2023-4.06>

Аннотация. В статье рассматривается новый период развития инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), значимым участником которой является Казахстан. Отмечается, что за десятилетие, прошедшее с начала выдвижения инициативы, серьезные изменения претерпели ключевые внешние и внутренние факторы, оказывающие на нее непосредственное влияние. Осуществлен концептуальный анализ указанных факторов, включая цели и задачи, поставленные КНР, как инициатором и главной движущей силой инициативы, а также других стран, принимающих участие. Рассмотрена корректировка отношения третьих стран, не участвующих в ОПОП, перешедших от позиции наблюдения к открытой и активной конкуренции. Изучены последствия изменения экономических условий, в которых реализуется ОПОП, в том числе процессы трансформации региональных транспортных потоков и редизайна евразийских коммуникаций. Несмотря на глубинные изменения указанных факторов, сохраняется стратегическая направленность ОПОП, как трансконтинентальной долгосрочной инвестиционной программы. Сделан вывод о том, что для Казахстана важна адекватная оценка нового этапа развития ОПОП и повышается значение выработки собственной стратегии участия. Она должна быть нацелена не только на повышение конкурентных преимуществ в сфере конкуренции за транзитные потоки, но и на использование возможностей ОПОП для обеспечения модернизации отечественной экономики.

Ключевые слова: *Пояс, путь, Китай, Казахстан, цели, конкуренция, проекты, инфраструктура, инвестиции, стратегия.*

ҚАЗІРГІ КЕЗЕҢДЕ «БІР БЕЛДЕУ, БІР ЖОЛ» ЖОБАСЫН ДАМУЫ: МАҚСАТТАР МЕН МІНДЕТТЕРДІ ТРАНСФОРМАЦИЯЛАУ

Александр Суханов

«Астана» Халықаралық университетінің докторанты, e-mail: ainas0408@gmail.com

Аңдатпа. Мақалада Қазақстан маңызды қатысушысы болып табылатын "Бір белдеу, бір жол" бастамасын (БББЖ) дамытудың жаңа кезеңі қарастырылды. Бастаманың басталуынан бастап онжылдықта оған тікелей әсер ететін негізгі сыртқы және ішкі факторлар елеулі өзгерістерге ұшырағаны аталады. Бастаманың бастамашысы және басты қозғаушы күші ретінде ҚХР қойған мақсаттар мен міндеттерді қоса алғанда, аталған факторларға, сондай-ақ қатысушы басқа елдерге тұжырымдамалық талдау жүргізілді. Байқау позициясынан ашық және белсенді бәсекелестікке өткен БББЖ-ға қатыспайтын үшінші елдердің қарым-қатынасын түзету қарастырылды. БББЖ іске асырылатын экономикалық жағдайлардың өзгеруінің салдары, оның ішінде өңірлік көлік ағындарын трансформациялау және Еуразиялық коммуникацияларды қайта құру процестері зерделенді. Аталған факторлардың терең өзгеруіне қарамастан, трансконтинентальдық ұзақ мерзімді инвестициялық бағдарлама ретінде БББЖ-дың стратегиялық бағыты сақталуда. Қазақстан үшін БББЖ дамуының жаңа кезеңін барбар бағалау маңызды және өзінің қатысу стратегиясын әзірлеудің маңыздылығы артады деген қорытынды көрсетілді. Ол транзиттік ағындар үшін бәсекелестік саласындағы бәсекелестік артықшылықтарды арттыруға ғана емес, сонымен қатар отандық экономиканы жаңғыртуды қамтамасыз ету үшін БББЖ мүмкіндіктерін пайдалануға бағытталуы тиіс.

Түйін сөздер: белдеу, жол, Қытай, Қазақстан, мақсаттар, бәсекелестік, жобалар, инфрақұрылым, Инвестициялар, стратегия.

DEVELOPMENT OF THE "ONE BELT, ONE ROAD" PROJECT AT THE PRESENT STAGE: TRANSFORMATION OF GOALS AND OBJECTIVES

Alexander Sukhanov

Doctoral student of Astana International University, e-mail: ainas0408@gmail.com

Abstract. The article examines a new period in the development of the "One Belt, One Road" (OBOR) initiative, of which Kazakhstan is a significant participant. It is noted that over the decade since the initiative was launched,

key external and internal factors that directly influence it have undergone major changes. A conceptual analysis of these factors was carried out, including the goals and objectives set by the PRC, as the initiator and main driving force of the initiative, as well as other countries taking part. The adjustment of the attitude of third countries not participating in the OBOR, which have moved from a position of observation to open and active competition, is considered. The consequences of changes in the economic conditions in which the BRI is being implemented are studied, including the processes of transformation of regional transport flows and the redesign of Eurasian communications. Despite the profound changes in these factors, the strategic focus of the OBOR remains as a transcontinental long-term investment program. It is concluded that an adequate assessment of the new stage of development of the OBOR is important for Kazakhstan and the importance of developing its own participation strategy is increasing. It should be aimed not only at increasing competitive advantages in the field of competition for transit flows, but also at using the opportunities of the OBOR to ensure the modernization of the domestic economy.

Keywords: *Belt, road, China, Kazakhstan, goals, competition, projects, infrastructure, investments, strategy.*

Введение

Прошло десять лет со времени выдвижения инициативы «Один пояс, один путь», которая была предложена в 2013 году в ходе визита китайского лидера в Казахстан. За этот период ОПОП достигнут уровень одной из крупнейших в мире платформ международного развития и взаимодействия, включающей более 150 стран-участниц и 30 международных организаций (что фиксируется заключением соответствующих соглашений).

В рамках ОПОП реализовано либо находится на стадии реализации проекты с совокупной суммой инвестиций 1 триллион долларов [1]. Вместе с тем, не менее важное значение, чем достигнутые количественные показатели, имеют происходящие качественные изменения.

К настоящему времени инициатива вышла на новый этап, связанный с коренной трансформацией экономических условий, целей и задач как стран, участвующих в ОПОП, так и государств, продвигающих альтернативные инфраструктурные проекты. Понимание указанных изменений важно для переосмысления целей и задач казахстанского участия в ОПОП. Данный процесс должен быть направлен на повышение эффективности для отечественной экономики и использование конкурентные преимущества, которые имеются у страны, в сравнении с другими участниками ОПОП.

Методы исследования

В ходе написания статьи применялись количественные и качественные

методы исследования, а также анализ и синтез. На основе различных источников проводится анализ эволюции инициативы, ее основных направлений и приоритетов.

Результаты исследования и их обсуждение

Изменение целей КНР. Выдвижение инициативы ОПОП для Китая десятилетие назад стало ответом на ключевой экономической вызов, связанный с необходимостью формирования новых стимулов роста, дополнительных рынков сбыта и каналов экспорта своей продукции, выравнивания региональных экономических дисбалансов.

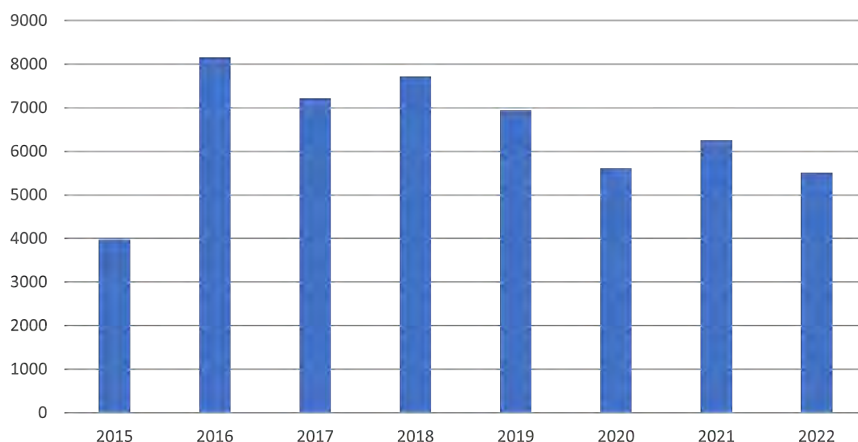
Эти стратегические цели сохраняются. В то же время изменяются средства их достижения, что является естественным процессом адаптации к новым реалиям.

Во-первых, Китай скорректировал собственную экономическую стратегию, которая теперь в большей степени ориентирована на внутренний рынок, как предусмотрено в экономической политике «Двойной циркуляции» и «Видении 2035».

Это отражается на ОПОП, который должен ориентироваться на качественные, а не количественные показатели, диверсифицируя источники финансирования. В целом Китай намерен поставить во главу угла не масштаб проектов, а их качество, включая тщательное управление рисками.

Количество проектов, по которым китайскими компаниями подписаны контракты в зарубежных странах в рамках ОПОП, имеет нелинейную динамику, но в целом отмечается его последовательное сокращение. Так, в 2022 году он не достигл допандемийного уровня и, по прогнозам, продолжит уменьшаться.

Рисунок 1. Количество проектов в странах, участвующих в ОПОП по годам

Источник: составлено автором по данным Министерства коммерции КНР (<http://russian.mofcom.gov.cn/>)

Во-вторых, изменяется отраслевая структура - расширяется количество направлений в рамках ОПОП, не связанных с транспортной инфраструктурой и энергетикой, включая здравоохранение, науку и технологические инновации.

Приоритеты постепенно смещаются от «жесткой» инфраструктуры (транспортной, энергетической) к «мягкой инфраструктуре» (цифровая, инновационная, сервисная).

В-третьих, взят курс на то, чтобы сделать инвестиции в ОПОП более прозрачными и экологичными. Инвестиции в традиционную инфраструктуру и энергетику снижаются, тогда как доля вложений в возобновляемую энергетику увеличивается. В 2021 году Китай принял «Руководство по «зеленому» развитию в сфере зарубежных инвестиций и кооперации» и «Руководство по экологической защите в сфере зарубежных инвестиций и проектов строительства», в рамках которых предусматривается уделять внимание экологическому риск-менеджменту проектов ОПОП в сфере энергетики, нефтехимии, транспорта и горнорудной промышленности, на которые до сих пор приходится порядка 70% совокупных инвестиций [2].

Пекин взял обязательство больше не финансировать строительство угольных электростанций за рубежом, хотя КНР и является крупнейшим в мире инвестором в угольную энергетику.

В целом китайские банки пересмотрели свои условия кредитования, сдвигая приоритеты в сторону малого и среднего бизнеса, «зеленой» экономики и проектов с участием частных инвестиций. Учитывая масштаб указанных проектов, можно сделать вывод о том, что Китай не просто адаптирует ОПОП к современным стандартам «зеленой экономики», но и серьезно способствует их продвижению в мире.

В-четвертых, приоритеты смещаются от крупномасштабных к средним и даже малым проектам, что упрощает финансирование. При этом поощряется привлечение третьих сторон в лице международных финансовых организаций, что повышает прозрачность проектов и снижает риски. КНР постепенно отходит от схем «займы в обмен на ресурсы» и «займы в обмен на активы» [3], поскольку становится заинтересованным в недопущении роста кредитного бремени участников ОПОП, стремясь уйти от обвинений в использовании политики «долговых ловушек».

Несмотря на корректировку задач, для КНР реализация ОПОП остается ключевым инструментом внешнеэкономической политики, призванным обеспечить условия для дальнейшего развития отечественной экономики и ее модернизации в современных условиях. Более того, роль данного инструмента повышается, учитывая осложнение доступа китайских

компаний к ряду традиционных рынков сбыта своей продукции, а также к приобретению отдельных видов инвестиционных товаров и технологий.

Создание и развитие инфраструктуры было основой экономического роста КНР. По мере сокращения потребности в инфраструктурных проектах внутри страны данная модель будет корректироваться в сторону увеличения роли других источников, включая создание инфраструктуры за рубежом в рамках ОПОП.

Цели участников. Для большинства стран, присоединившихся к инициативе, ключевым экономическим мотивом была необходимость модернизации транспортной и энергетической инфраструктуры, позволяющей улучшить условия для функционирования собственной экономики и расширить доступ на региональные и глобальные рынки, в том числе на рынки самого Китая.

Вычисление точного количественного влияния проекта ОПОП является сложной задачей, но участвующие в проекте страны рассчитывают на позитивный агрегированный социально-экономический эффект, который складывается из целого ряда направлений.

Во-первых, рост экономики, привлечение внешних инвестиций и стимулирование внутренних инвестиций, создание рабочих мест, повышение благосостояния населения, снижение уровня бедности. В целом страны, участвующие в ОПОП, рассчитывают на новые стимулы для обеспечения социально-экономического развития.

Во-вторых, создание условий для реализации внешнеторгового потенциала за счет роста уровня экономической интеграции с другими участниками ОПОП, снижения издержек при поставках собственной продукции на экспорт. В целом страны, участвующие в ОПОП, рассчитывают на повышения своей интеграции в глобальную экономику.

В-третьих, повышение уровня внутренней связанности, а также сглаживание диспропорции экономического развития между регионами за счет развития инфраструктуры.

Все указанные стратегические цели государств, участвующих в ОПОП, сохраняются. В то же время тактика их достижения переосмысливается, с учетом потенциальных и уже реализованных рисков: ростом кредитной задолженности, повышением зависимости от Китая, как рынка сбыта и источника поставок критически важных товаров и услуг, а также технологий.

Вместе с тем, страны, участвующие в ОПОП, приходят к пониманию, что ключевые риски связаны не столько с внешними факторами, сколько с их собственной экономической политикой и регуляторной средой.

Помимо рисков, пересматриваются и критерии экономической эффективности участия в ОПОП. В настоящее время строительство инфраструктурных объектов все еще находится на первом плане, перевешивая более широкие экономические возможности. Но как считает Петер Вольф

[4], главные выгоды от участия в проекте ОПОП связаны не со «срыванием низко висящих фруктов» в виде строительства инфраструктуры, а с более глубокими эффектами, связанными с устранением торговых барьеров, совершенствованием политики по защите конкуренции, интеллектуальной собственности

Строительство магистральных дорог, портов и электростанций повышает доступность стран и вовлеченность в мировую экономику. Но чтобы это оказалось эффективным, требуется много других объектов: местные дороги для связи с магистральными транспортными системами, новые городские центры вокруг железнодорожных станций, распределительные электросети, условия для более свободной торговли с другими странами. Для всего этого недостаточно усилий Китая. Требуется участие правительств и частного бизнеса стран-участниц ОПОП.

Проект ОПОП повышает транспортную связанность, но он сам по себе он не снимает системные проблемы, связанные с барьерами в региональной торговле, структурными дисбалансами в экономике, несовершенством условий для ведения бизнеса.

Участие в проекте ОПОП становится риском или возможностью в зависимости от позиции, выбираемой самой страной. Если инфраструктурное строительство сопровождается мерами по модернизации промышленности, совершенствованию регуляторной политики, то выгоды от ОПОП максимизируются. Если же участие в проекте ограничивается привлечением внешних инвестиций, это может усугубить имеющиеся структурные проблемы в экономике.

Цели третьих стран. Отношение ключевых экономик, не участвующих в ОПОП, изменилось наиболее кардинальным образом. От позиции наблюдения они перешли к открытой и активной, зачастую наступательной, конкуренции.

Европейский Союз в декабре 2020 года выдвинул инициативу «Глобальные ворота» (Global Gateway, GG) объемом около 340 млрд долларов, подчеркнув, что принципы инвестирования будут коренным образом отличаться от подходов ОПОП.

Данная инициатива задумывалась именно как альтернатива ОПОП в предоставлении финансирования для инфраструктурных и других проектов. Предполагается, что ее преимуществами будут принципы открытости, устойчивого развития и равноправного партнерства.

США в июне 2021 года представили программу «Построить лучший мир, чем было» (Build Back Better World, B3W), главными целями которой было названо расширение финансирования развивающихся экономик со стороны Запада. Для реализации данной программы в июне 2022 года страны «Большой семерки» (G-7) запустили Партнерство для глобальной инфраструктуры и инвестиций (Partnership for Global Infrastructure and Investment, PGII) с предполагаемым объемом инвестиций 600 миллиар-

дов долларов.

Данная инициатива RGI призвана обеспечить глобальный прогресс на четырех основных направлениях: противодействие климатическим изменениям и инвестиции в чистую энергетику; создание безопасного и открытого интернета и информационных систем; содействие гендерному равенству и всеобщему равноправию; модернизация инфраструктуры здравоохранения

По мнению ряда экспертов, подобная целостная концепция RGI представляет собой более совершенный подход, чем инициатива ОПОП, которая изначально являлась фрагментарной. Два проекта отличаются не столько по количественным показателям финансирования, сколько по качественным. Так, источником инвестиций проектов в рамках ОПОП выступают преимущественно компании с государственным участием. Это повышает риски непрозрачности, злоупотреблений и неэффективного расходования средств, но в то же время обеспечивает возможность мобилизации капитала в крупных объемах и в короткие сроки.

В то же время RGI предполагает широкое привлечение частных инвестиций, однако это значительно сокращает их потенциальные объемы и увеличивает сроки принятия решений, поскольку частным банкам и корпорациям нужны сильные гарантии окупаемости и безопасности инфраструктурных вложений в развивающиеся экономики. В целом, по оценкам, западным экономикам потребуется не менее 10 лет, чтобы проект RGI смог конкурировать с ОПОП [5].

На саммите G20 в сентябре 2023 года была предложена инициатива «Экономический коридор «Индия - Ближний Восток – Европа» (India-Middle East-Europe Economic Corridor, IMEC), призванная составить конкуренцию ОПОП.

Также следует отметить, что Индия и Япония в 2017 году инициировали проект «Азиатско-африканский коридор роста» (Asia Africa Growth Corridor, AAGC), который был обозначен как альтернатива ОПОП в сфере регионального взаимодействия. В проектом документе «Азиатско-африканский коридор роста: партнерство для устойчивого и инновационного развития» отмечается, что данная инициатива станет инструментарием для создания новых каналов поставки продукции, расширения и углубления цепочек добавленных стоимостей, укрепления экономической и технологической кооперации и в целом обеспечит развитие качественной инфраструктуры.

В то же время как индийские, так и японские эксперты признают, что до настоящего времени проект AAGC не показал осязаемого прогресса, оставаясь, фактически, на уровне видения [6].

В целом конкуренция международных инфраструктурных инициатив качественно изменилась, и это произошло во-многом благодаря развитию инициативы ОПОП, которая стала, фактически, бенчмарком, на кото-

рый ориентируются другие экономические центры силы. Выдвигая свои транснациональные инфраструктурные проекты, они позиционируют их как альтернативу ОПОП, опираясь на анализ его преимуществ и недостатков.

Конкуренция проектов, как и всякая конкуренция, имеет различные экономические эффекты. С одной стороны, она зачастую ведет к созданию искусственных препятствий, задействию геополитических и информационных инструментов давления. В частности, наиболее широко используется тезис о «долговой ловушке», с риском которой сталкиваются государства, получающие финансирование в рамках ОПОП.

С другой стороны, конкуренция стимулирует улучшение условий и позволяет перенимать лучшие практики. Так, именно под влиянием усиления конкуренции Китаем запущены механизмы трансформации ОПОП.

Также можно сделать вывод об определенных экономических выгодах для участвующих в ОПОП и других транснациональных инфраструктурных проектах стран, являющихся реципиентами инвестиций, поскольку растущая конкуренция расширяет предложение на рынке инфраструктурных услуг и возможности выбора условий.

Изменение экономических условий реализации ОПОП. В первую очередь, следует отметить происходящие процессы трансформации региональных транспортных потоков и редизайна евразийских коммуникаций.

Сначала пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, а затем конфликт в Украине привели к сбоям отлаженных цепочек товаров, что в наибольшей степени отразилось на поставках между КНР и ЕС по российской территории.

По данным RailFreight.com, ежегодное количество грузовых поездов между КНР и ЕС выросло с 80 в 2013 году до 15 тысяч в 2021 году, т.е. в 188 раз. «Железный Шелковый путь» только за 2021 год обеспечил поставку 336 тысяч контейнеров с китайской продукцией стоимостью 75 млрд долларов в 23 европейские страны [7].

Однако с 2022 года после начала конфликта в Украине и введения экономических санкций в отношении России было минимизировано использование маршрута «Новый Евразийский сухопутный мост» через российскую территорию.

В то же время выросло значение Транскаспийского коридора. Данный проект, продвигаемый Турцией, создавался и развивался независимо от ОПОП. При этом он также позиционировался как проект трансконтинентальной интеграции, в том числе для связанности коридоров «Север-Юг» и «Запад-Восток».

В настоящее время вместо модели конкуренции между ОПОП и Транскаспийским коридором ОПОП складывается их кооперация. Фактически, Транскаспийский коридор интегрируются в ОПОП, трансформируясь

в его ключевое направление. Это свидетельствует о гибкости проекта ОПОП, который достаточно успешно адаптируется к изменениям.

По данным Ассоциации Транскаспийского международного транспортного маршрута (TITR), грузовые перевозки по Транскаспийскому коридору в 2022 году выросли в 2,5 раза, по сравнению с 2021 годом, достигнув 1,48 миллионов тонн [8]. Аналогичная динамика отмечается и в 2023 году.

Другое важнейшее изменение – смещение региональной и глобальной конкуренции из сферы энергетики и транспорта в сферу информационных технологий.

В результате одним из приоритетов Пекина стало развитие «Цифрового Шелкового пути» (Digital Silk Road, DSR). По оценкам, которые приводятся в книге «The Digital Silk Road: China's Technological Rise and the Geopolitics of Cyberspace» [9], «Цифровой Шелковый путь» является не столько конкретным проектом в рамках ОПОП, сколько инструментом для продвижения влияния Пекина в технологическом секторе, включая развитие цифровой инфраструктуры, искусственный интеллект, электронная торговля, цифровые валюты, и другие прорывные направления.

Повышение роли информационных технологий и связанных с ней отраслей, включая производство полупроводниковой продукции, добычу и переработку редкоземельных металлов, в глобальной экономике будет одним из определяющих факторов развития ОПОП.

Следует прогнозировать рост доли инвестиций в данный сектор, а также усиление конкуренции за технологическое доминирование.

Заключение (выводы)

В целом завершился этап быстрого роста ОПОП, который входит в стадию зрелости, когда приоритетом становится повышение экономической эффективности.

При этом сохраняется стратегическая направленность ОПОП, как трансконтинентальной долгосрочной инвестиционной программы – инфраструктурное развитие и обеспечение экономической интеграции стран, расположенный вдоль маршрутов Шелкового пути.

Исходя из этого, для Казахстана важно стимулировать развитие собственной транспортной инфраструктуры в целях диверсификации экономики, снижения зависимости от нефтегазовой отрасли. Не меньшую значимость также представляет развитие цифровой инфраструктуры, в дополнение к физической, включая такие элементы, как Интернет вещей, искусственный интеллект и другие современные технологии, преобразующие транспортно-логистические услуги и играющие все большую роль в конкуренции транзитных маршрутов.

При этом повышается значимость обеспечения адекватного уровня транспортной связанности внутри страны, упрощения доступа на регио-

нальный и глобальный рынки. Этому должно сопутствовать снятие торговых барьеров, экономическая интеграция, развитие финансовой связанности.

Президент Казахстана К.К. Токаев в своем послании народу в сентябре 2023 года отметил, что для страны стратегическое значение имеет полноценная реализация транспортно-логистического потенциала в условиях, когда формируется «новая экономическая география мира». Он подчеркнул, что реализация ряда проектов, включая строительство нового «сухого порта» на переходе «Бахты», контейнерного хаба в Актау, казахстанских терминалов в китайском Сиане и грузинском порту Поти является «реальным примером сопряжения китайского мегапроекта «Пояс и Путь» с нашими национальными инициативами».

В целом поставлена задача становления Казахстана в качестве узлового транзитного хаба в Евразии и полноценной транспортно-логистической державы.

Участие в ОПОП отвечает поставленным задачам. При этом его трансформация хотя и создает новые риски, но все же открывает дополнительные возможности, использование которых будет способствовать реализации указанных национальных целей.

Важно корреспондировать подходы к участию Казахстан в ОПОП со стратегическими изменениями в данном проекте. В первую очередь, требуется системная работа в сфере развития цифровой инфраструктуры ОПОП, которая последовательно будет выходить на первый план.

Список литературы

1. China to hold BRI summit in October, celebrating the initiative's 10th anniversary URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202308/1297328.shtml>
2. Nedopil C. China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2022. URL: <https://greenfdc.org/china-belt-and-road-initiative-bri-investment-report-2022/>
3. Nedopil C., De Boer D., Danting F., Tang Y. What China's new guidelines on "green development" mean for the Belt and Road. URL: <https://chinadialogue.net/en/business/what-chinas-new-guidelines-on-green-development-mean-for-the-belt-and-road/>
4. Wolff P. China's 'Belt and Road' Initiative - Challenges and Opportunities. URL: https://www.die-gdi.de/uploads/media/Belt_and_Road_V1.pdf
5. Shing Kwok C. How Southeast Asia Will Benefit from the G7's Infrastructure and Investment Drive. URL: <https://fulcrum.sg/how-southeast-asia-will-benefit-from-the-g7s-infrastructure-and-investment-drive/>
6. Biswas A. Corridor in uncertainty. URL: <https://www.telegraphindia.com/opinion/corridor-in-uncertainty-india-and-japan-must-remain-committed-to-the-fruit-of-the-asia-africa-growth-corridor/cid/1859423>

7. Van Leijen M. Double celebration in China: 50,000th train leaves to Europe. URL: <https://www.railfreight.com/beltandroad/2022/02/02/double-celebration-in-china-50000th-train-leaves-to-europe/>
8. Singapore, Bulgaria and Lithuania to join Middle Corridor - Secretary General of TITR Association. URL: <https://oananeews.org/content/news/singapore-bulgaria-and-lithuania-join-middle-corridor-secretary-general-titr>
9. Gordon D., Nouwens M. The Digital Silk Road: Introduction. URL: <https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis/2022/12/digital-silk-road-introduction/>

References:

1. China to hold BRI summit in October, celebrating the initiative's 10th anniversary URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202308/1297328.shtml>
2. Nedopil C. China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2022. URL: <https://greenfdc.org/china-belt-and-road-initiative-bri-investment-report-2022/>
3. Nedopil C., De Boer D., Danting F., Tang Y. What China's new guidelines on "green development" mean for the Belt and Road. URL: <https://chinadialogue.net/en/business/what-chinas-new-guidelines-on-green-development-mean-for-the-belt-and-road/>
4. Wolff P. China's 'Belt and Road' Initiative - Challenges and Opportunities. URL: https://www.die-gdi.de/uploads/media/Belt_and_Road_V1.pdf
5. Shing Kwok C. How Southeast Asia Will Benefit from the G7's Infrastructure and Investment Drive. URL: <https://fulcrum.sg/how-southeast-asia-will-benefit-from-the-g7s-infrastructure-and-investment-drive/>
6. Biswas A. Corridor in uncertainty. URL: <https://www.telegraphindia.com/opinion/corridor-in-uncertainty-india-and-japan-must-remain-committed-to-the-fruition-of-the-asia-africa-growth-corridor/cid/1859423>
7. Van Leijen M. Double celebration in China: 50,000th train leaves to Europe. URL: <https://www.railfreight.com/beltandroad/2022/02/02/double-celebration-in-china-50000th-train-leaves-to-europe/>
8. Singapore, Bulgaria and Lithuania to join Middle Corridor - Secretary General of TITR Association. URL: <https://oananeews.org/content/news/singapore-bulgaria-and-lithuania-join-middle-corridor-secretary-general-titr>
9. Gordon D., Nouwens M. The Digital Silk Road: Introduction. URL: <https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis/2022/12/digital-silk-road-introduction/>

EVALUATION OF REMOTE WORK IN THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM OF KAZAKHSTAN

Samat Ibrayev^{1*}

Larissa Kussainova²

Railash Turchekenova³

^{1*} Doctoral student at the Department of Management of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan. He is working as a Head of the International Cooperation Division at the City Department of Astana city.

e-mail*: ibr.sam1984@gmail.com

² Professor at the Department of Management of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Economic sciences.

e-mail: l.kussainova@apa.kz

³ Head of the Data-Driven Center «YCG-Analytics» Yevniy Consulting Group, Candidate of Economic Sciences.

e-mail: railash91@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2023-4.07>

Annotation. Scientific interest in the research topic is due to the fact that in the modern world, the efficiency of civil servants is largely determined by the optimization and automation of business processes in the public administration system, through the introduction of digital solutions.

The study of remote forms of work using information and communication technology is a current hot topic in the public administration system in the Republic of Kazakhstan in the context of the accelerated growth of digitalization.

In turn, this article assesses the efficiency of information and communication technology in remote work, using the example of certain state tasks and services in Central state and Local executive bodies, in the civil service of the Republic of Kazakhstan.

This study focused on the results of sociological surveys conducted by the

Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service Affairs jointly with the World Bank and the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan.

As a result, a number of recommendations have been proposed to improve the effectiveness of the remote work in the public sector.

Key words: *public administration, civil servants, remote work, ICT, electronic document management system, Kazakhstan.*

ОЦЕНКА ДИСТАНЦИОННОЙ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА

Самат Ибраев^{1*}, Лариса Кусаинова², Райлаш Турчкенова³

¹ докторант, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, email*: ibr.sam1984@gmail.com

² к.э.н., профессор, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, email: l.kussainova@apa.kz

³ руководитель Data-Driven – Центра «YCG-Analytics» Yevniy Consulting Group, кандидат экономических наук, email: railash91@gmail.com

Аннотация. Научный интерес к теме исследования обусловлен тем, что в современном мире эффективность работы государственных служащих, во многом определяются оптимизацией и автоматизацией бизнес-процессов в системе государственного управления, за счет внедрения цифровых решений.

В настоящее время в Республики Казахстан в условиях ускоренного развития цифровизации одним из актуальных вопросов в системе государственного управления, является изучение вопроса дистанционных форм занятости используя информационно-коммуникационные технологии.

В свою очередь в данной статье оценивается эффективность работы информационно – коммуникационных технологии при дистанционной работе, на государственной службе Республики Казахстан, на примере отдельных государственных функций и услуг в Центральных государственных, и в Местных исполнительных органах.

Данное исследование было сосредоточено на результатах социологических опросов Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы совместно со Всемирным банком и Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан.

По итогам, предложены ряд рекомендаций по повышению эффективности дистанционного режима работы на государственной службе.

Ключевые слова: *государственное управление, государственные службы, дистанционная работа, информационно-коммуникационные технологии, электронный документооборот, Казахстан.*

ҚАЗАҚСТАННЫҢ МЕМЛЕКЕТТІК БАСҚАРУ ЖҮЙЕСІНДЕГІ ҚАШЫҚТАН ЖҰМЫСТЫ БАҒАЛАУ

Самат Ыбраев^{1*}, Лариса Құсайынова², Райлаш Турчекенова³

¹ докторант, Қазақстан Республикасы Президентінің жаныдағы Мемлекеттік басқару академиясы. Email*: ibr.sam1984@gmail.com

² э.ғ.к., доцент, профессор, Қазақстан Республикасы Президентінің жаныдағы Мемлекеттік басқару академиясы, Қазақстан Республикасы, Астана қаласы, Email address: l.kussainova@apa.kz;

³ Yevniy Consulting Group «YCG-Analytics» Data – Driven-орталығының басшысы, экономика ғылымдарының кандидаты, Қазақстан Республикасы, Астана қаласы, Email address: railash91@gmail.com

Аңдатпа. Заманәуи әлемде мемлекеттік қызметшілердің жұмыстарының тиімділігі көбінесе цифрлық шешімдерді енгізу арқылы мемлекеттік басқару жүйесіндегі бизнес-процестерді оңтайландыру және автоматтандыру арқылы анықталатындығына байланысты зерттеу тақырыбы ғылыми қызығушылық танылытуда.

Қазіргі уақытта, Қазақстан Республикасында цифрландыруды жедел дамыту жағдайында ақпараттық-коммуникациялық технологияларды пайдалана отырып, жұмыспен қамтудың қашықтықтан нысандары мәселесін зерделеу мемлекеттік басқару жүйесіндегі өзекті мәселелердің бірі болып табылады.

Өз кезегінде, осы мақалада қашықтықтан жұмыс істеу кезінде, Қазақстан Республикасының Мемлекеттік қызметінде, орталық және жергілікті мемлекеттік атқарушы органдарда жекелеген мемлекеттік функциялар мен қызметтер мысалында ақпараттық – коммуникациялық технологиялар жұмысының тиімділігі бағаланады.

Аталған зерттеу Қазақстан Республикасы Мемлекеттік қызмет істері агенттігінің Дүниежүзілік банкпен және Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясымен бірлесіп жүргізген әлеуметтік сауалнамаларының нәтижелеріне бағытталды.

Қорытындысы бойынша мемлекеттік қызметтегі қашықтықтан жұмыс режимінің тиімділігін арттыру бойынша бірқатар ұсынымдар ұсынылды.

Түйін сөздер: мемлекеттік басқару, мемлекеттік қызметшілер, қашықтан жұмыс, ақпараттық-коммуникациялық технологиялар, электрондық құжат айналымы, Қазақстан.

Introduction

Since the state apparatus and civil servants are the primary implementers of the current operational tasks of de-bureaucratization and digital transformation of all spheres of public administration, and since they are also the primary agents

of the reforms initiated in the nation, these two factors together determine the relevance of the study. In addition, it is an important condition for the sustainable socio-economic development of the country improving the welfare of citizens and minimizing losses during crisis phenomena in the economy.

By analyzing the phenomenon of "remote work" in the scientific literature and regulatory legal acts, as well as by analyzing the survey data, this study aims to evaluate the effectiveness of the state policy in the area of information and communication technology in remote employment. It also seeks to determine the degree to which civil servants in Kazakhstan are satisfied with remote work.

In general, the epidemic and trends in the Republic of Kazakhstan towards widespread digitalization have demonstrated the viability of remote work as well as the usage of flexible forms of employment. The Republic's Labour Code was amended in 2021 to reflect the current general standards on this subject.

In response, the Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service Affairs approved the "Rules for the use of remote work, combined remote work, and flexible working hours for civil servants" in 2023 while taking into account the unique characteristics of the state apparatus.

These guidelines define remote work as the application of the labour process away from the employer's site while using information and communication technology.

The application of the labour process through alternating times of performing labour-related tasks both on-site at the employer's location and remotely is known as combined remote work.

However, since the new standards had no impact on the development of existing digital platforms or the nation's overall digital infrastructure, the existing basis for remote activities in the public administration system does not fully address the issue of the viability of remote work in terms of the effectiveness of using the current electronic document flow. The experience of the world's industrialized nations demonstrates that the introduction of digital infrastructure is currently receiving significant attention as a part of the process of digital transformation of all sectors of the economy, including the public administration system. On the basis of the aforementioned, the authors highlight the fact that the issues that occur while moving to remote work are still extremely relevant today and, in the opinion of many writers, will continue to be relevant for a very long time.

This article is divided into three sections:

- In the first part of the study, a literary review is presented on the study of the issue of distance employment in the public administration system.

- In the second part of the study, a selective assessment of the use of remote mode of work in the state bodies of the Republic of Kazakhstan is presented according to the methodology of the distribution of administrative public positions of building "B" by functional blocks.

In the third part of the study, the answers of civil servants are presented,

indicating the existing barriers and disadvantages of using information and communication technologies for remote work in the public administration system of the Republic of Kazakhstan.

In the final part of the article, the results are summarized and a number of recommendations are proposed to eliminate the identified problems.

Methodology

To analyze the state policy regarding remote forms of employment in the public administration system of the Republic of Kazakhstan, the method of research of secondary and primary data is used, as well as the analysis of domestic and foreign scientific literature on the problems of remote work, issues related to information and communication technologies used in public service.

Additionally, information from two sociological surveys that were conducted in 2020 by the Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service Affairs in collaboration with the World Bank among employees of 17 Central state bodies and 17 Local Executive bodies of the Republic of Kazakhstan and yielded responses from 43,646 employees—or roughly 55% of the workforce in Kazakhstan—were used.

In 2022, a doctoral student at the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan used the Google Forms tool to conduct a second online survey with 1,000 participants, 897 of whom were Republic of Kazakhstan civil servants, in order to determine how government agencies function during the COVID-19 crisis.

This survey was conducted to determine how well the government's efforts to expand remote jobs in the nation's public administration system were working.

The questions were accepted by the research committee of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan in order to adhere to ethical standards within the context of academic research.

Literature review

In the process of writing this study, the authors studied the works of English-speaking, Russian and Kazakh scientists.

Therefore, in recent years, in the field of foreign science, the scientific works of Italian scientists Stefania Capecchi Giustina and Orientale Caputo have been devoted to the issues of remote employment of public administration, devoted to the issue of working conditions of Italian public administration employees who were engaged in mandatory remote work during the early stages of the COVID-19 pandemic (March-May 2020) [1].

In the paper titled "Whether and how does the crisis-induced situation change e-leadership in the public sector?" Rita Toleikien, Irma Rybnikova, and Vita Jukneviien discuss this issue. Evidence from Lithuanian Public Administration" outlines the issues with e-governance that arise in Lithuanian state institutions as well as how the epidemic has impacted e-governance and its

effects on municipal workers [2].

High-speed telecommunications have a positive effect on the development of regions and municipalities, according to Finnish researchers Lehtonen, Olli, Voutilainen, Olli, Muilu, and Toivo. Conversely, they find that a lack of digital infrastructure can result in digital isolation or disruption. Finland is therefore researching the digital divide across various municipal types and how it affects remote work [3].

Nemec, Juraj, Drechsler, Wolfgang, Hajnal, Gyorgy, scientists from the Czech Republic, Estonia, Hungary, and Slovakia, in their publication *Public policy during COVID-19: Challenges for public administration and policy research in central and eastern Europe* According to the article's findings, scientists examined the public administration experience in Central and Eastern Europe in relation to COVID-19, and they then proposed recommendations and solutions to enhance the efficacy of flexible forms of employment in terms of legislation, cyber security, and technical support [4].

As the public sector is currently undergoing disruptive transformations, many of which are related to digitalization, the use of social networks, or open innovation and collaboration, American and Spanish researchers Criado, J. Ignacio, Herranz, Cristina, and Villodre, Julián studied informal virtual training of civil servants. The scientists described how public employees apply informal learning techniques in the context of digital social advances in their article. It analyses the objectives and outcomes of informal virtual education now taking place in the public spheres of the USA and Spain [5].

The works of Kostrova Yu. B. addressing the topic of benefits and features of employing information and communication technology in the Russian Federation's public administration in distant operation were of particular interest to Russian scholars [6].

Additionally, the writings of Borisova E. D. regarding the application of electronic document management systems in the Russian Federation's public sector were researched [7].

R.G. Baranov's work was focused on the issue of information security in the administration of civil officials who operate remotely. The researcher provided an outline for setting up a secure work environment for a public servant doing remote work [8].

Scientists from Kazakhstan should pay particular attention to R. T. Dulambayev's works on the issues involved in the transition to remote operation in the country's public administration system. The author of the paper included the findings of a study on the use of remote work in Kazakhstan's government institutions. Conclusions about the benefits and drawbacks of this form of job for civil officials are given in light of the study's findings [9].

Studying the works of M. Absattarov generated a lot of curiosity. The author of the article described the concept of developing and implementing specialized information systems for remote document management in the Republic of

Kazakhstan's public administration system. These systems could be installed and operated in tandem with the current document management system while maintaining secure information protection [10].

It is also important to mention A. Olshanskaya's study, which is devoted to the subject of how the crown crisis has affected Kazakhstan's labour market as a whole. The author of this article has primarily provided an analysis of the effects of the coronation crisis on Kazakhstan's population's labour force, the sectoral structure of employment, the differentiation of labour earnings, and migratory flows [11].

In general, it is worth noting that the problems of remote employment in the public administration system are in the focus of attention of international organizations such as the UN, the World Bank, the EBRD, etc.

Research results

Evaluation of the application of the remote format of work

It is advisable to run a random check of the algorithms for the exercise of powers in order to assess remote work in the Republic of Kazakhstan's public administration system. In addition, as this strategy adheres to the scientific method, it is suggested that administrative regulations serve as the primary source for such verification, taking into account the current standards and laws in the public sector.

They can't be used to analyze every component of the activity, of course, but they can be used to identify the problems that make remote work the most challenging.

The Methodology of the Distribution of Administrative Public Posts of the Republic of Kazakhstan of the "B" Corps by Functional Blocks [12] is the basis for the analysis the authors propose after studying the aspects of the activities of public administration in general.

In summary, it should be emphasized that this Methodology was created in order to address the problems with government officials' compensation in the political and administrative spheres.

The authors also suggest evaluating the efficacy of remote work in the Republic of Kazakhstan's current public administration system using this methodology.

The following functional blocks are used to distribute public positions in accordance with this methodology:

1) Block "A" – This functional block's official powers are related to the direct execution of the mission, the strategic goals and tasks delegated to the state body, and the preparation of decisions that support the formulation, definition, and application of state policy.

2) Block "B" - Although not directly related, the official powers granted by this functional block's state position are of a facilitative nature in the execution of the mission, strategic objectives, and tasks assigned to the state body, as well

as the preparation of decisions that support the development, definition, and application of state policy.

3) Block "C" - The official powers granted by the state position of this functional block are related to the upkeep and maintenance of the state body's functionality rather than the execution of the mission, strategic goals, and tasks assigned to the state body, or the preparation of decisions that contribute to the development, definition, and implementation of state policy.

It is theoretically possible to evaluate the remote mode of work for some areas of all three functional blocks of administrative civil servants after taking into account their characteristics and unique characteristics. This is because today their official authority permits them to work remotely, in accordance with the current labour legislation and the rules for the use of remote work and combined remote work, for civil servants. It is necessary to conduct a sample already on the example of the Central and Local State Bodies of the Republic, with an assessment based on the powers established in the Regulations on State Bodies and the division of functions into main and auxiliary with respect to the activities of the selected state bodies, in order to provide a clearer definition of which powers are really effectively implemented in a remote format, and which are not.

In this regard, further, the sample of authors included 16 state functions, including 3 functions involving the performance of control functions and 4 public services of four departments operating in the same area, these are:

- Ministry of Information and Public Development of the Republic of Kazakhstan; [13]
- Department of Internal Policy of the Akimat of Astana city; [14]
- Department of Religious Affairs of the Akimat of Astana city; [15]
- Department of Social sphere of the Akim's office of the "Esil" district of Astana. [16]

Further, according to the Methodology of the distribution of administrative state posts of the "B" corps by functional blocks, we will theoretically divide the functions of these state bodies into main and auxiliary ones.

This approach will define in more detail the state functions that can be performed in a remote format (see Table 1).

Thus, the main functional responsibilities in the elective direction are leadership in the field of information, interaction between the state and civil society, state youth policy, ensuring internal political stability in the camp or region, interfaith, interethnic harmony, and religious activities.

The auxiliary functional responsibilities in this area are the functions that ensure the activity, control, monitoring and are of a facilitating nature in the implementation of the mission, strategic goals and tasks assigned to the state body.

Table 1. List of main and auxiliary functions.

№	Main functions	№	Auxiliary functions
1	forecasting and prevention of unauthorized protest actions	1	organization of work with information constituting state secrets
2	implementation of interaction and cooperation with youth organizations to strengthen interethnic harmony and tolerance	2	mobilization work and information security
3	media information policy	3	registration and issuance of documents that cannot be issued in electronic form
4	implementation of the formation, development and security of the unified information space of the Republic of Kazakhstan, as well as interdepartmental coordination of activities to ensure the security of the information space	4	implementation of internal control, including the implementation of the mission, strategic goals and objectives of the state body
5	coordination of work with diasporas and interaction with organizations of compatriots, living abroad	5	implementation of internal audit
6	implementation of registration, re-registration of domestic TV and radio channels	6	organization and conduct of public procurement

Source: Compiled by [13; 14; 15; 16].

Based on a review of all four state bodies' operations, specifically those of committees, departments of departments, and departments, it is reasonable to conclude that just three tasks cannot now be carried out remotely. These tasks are:

- registration and issuance of documents that cannot be issued in electronic form;
- organization of work with information constituting state secrets; [17]
- mobilization work and information security. [18]

First of all, because civil servants who have appropriate access to work with documents with stamps and other information of a secret or official nature in a remote format are not permitted by the current State Secrets Law of the Republic of Kazakhstan and the Instruction on the Protection of State Secrets of the Republic of Kazakhstan. Additionally, civil officials who work with secret documents must do so in a specially protected environment on the grounds of the authorized state entity.

Second, there is no provision for remote work outside the regime premises of a state body with documents defining the content, scope, procedure, and timing

of measures to fulfill the mobilization task, in accordance with the Law of the Republic of Kazakhstan On Mobilization Training and Mobilization.

Additionally, according to the law, authorized public servants do not have the right to deal with data pertaining to the scheduling of military service members to guarantee their continuing work during mobilization, martial law, and in a remote format during times of war.

Thirdly, some government tasks that require physical presence, such as clarifying the law governing how to organize and hold peaceful assemblies in the Republic of Kazakhstan, issuing the proper notifications of permits, or delaying peaceful assemblies, rallies, marches, or actions, cannot be performed entirely remotely. If the output is not a document or a document that must precisely adhere to a predetermined format (such as a certificate for a film team, certified journalist, etc.), it cannot be executed remotely.

Further, after analyzing the control, audit and other auxiliary functions, such as:

- implementation of internal control, including the implementation of the mission, strategic goals and objectives of the state body;
- implementation of internal audit; [19].
- organization and conduct of public procurement; [20].

The research in this instance revealed that the aforementioned 3 functions—control, supervision, and verification—are really performed in the form of both scheduled and unscheduled inspections. With the exception of the scope of the inspection, which is not essential for establishing the viability of remote work, the process for conducting scheduled and unscheduled inspections is the same. On-site inspections can also be done remotely because they are conducted at the person's location and are independent of the location of the person's workplace. Since inspection planning is already nearly entirely done electronically, it can be done from a distance.

Thus, when switching to electronic document management, there is no obstacle to the performance of control and supervisory functions in the form of conducting documentary checks in remote mode.

After analyzing the remaining 6 functions: [21].

- forecasting and prevention of unauthorized protest actions;
- implementation of interaction and cooperation with youth organizations to strengthen interethnic harmony and tolerance;
- media information policy;
- implementation of the formation, development and security of the unified information space of the Republic of Kazakhstan, as well as interdepartmental coordination of activities to ensure the security of the information space;
- coordination of work with diasporas and interaction with organizations of compatriots living abroad;
- implementation of registration, re-registration of domestic TV and radio channels.

Since the availability of an electronic document management system is the primary requirement for the proper performance of the analyzed 6 activities, there are no evident hurdles in this situation for government officials to carry out their functional duties in the distant format of work.

Further, by analyzing the scope of public services in the field of religious activity. In this case, the provision of 4 public services by the Department of Religious Affairs of Astana is specifically considered [22].

- Issuance of a decision on the approval of the location of special stationary premises for the distribution of religious literature and other information materials of religious content, objects of religious purpose.

- Registration and re-registration of persons engaged in missionary activities;

- Issuance of a decision on the construction of religious buildings (structures), determination of their location;

- Issuance of a decision on the conversion (change of functional purpose) of buildings (structures) into religious buildings (structures);

Having studied this business process for the provision of 4 public services in the field of religion, we can say with confidence that there are also no fundamental difficulties for this type of authority when switching to remote work, since receiving an application from an individual or legal entity with documents attached, carrying out formal verification (completeness of documents and correctness of their registration), request if necessary, information in other executive authorities, decision-making and (or) other actions that make up the meaning of the public service, the output of the result is legally carried out in an online format, by means of the e-government portal E-Gov [23].

Thus, having analyzed the performance of all selected 12 state functions of 4 public services on the example of one sphere of activity, with the exception of 3 functions related to state secrets, mobilization preparation and issuance of documents that cannot be issued in electronic format, it is possible to formulate a hypothesis that regardless of whether the state body is Central or Local, the share of The number of civil servants who can do their work remotely is 75%.

The Head of State's directive to move up to 80% of state personnel to fully do their work in a remote format during the Pandemic, while retaining the same wage system as in the traditional mode of employment, is another indirect confirmation of this [24]. Modern information and communication technologies, in turn, play a significant and crucial role in ensuring remote employment in the public administration system. In this article, the authors focus on the effective use of electronic document management systems as one of the key areas of information and communication technology in the public administration system. Since it is obviously useless to discuss the potential for remote work for government employees without also transitioning to electronic document management.

Information and communication technologies are generally understood in the public sector as a collection of procedures, operational procedures, software, and hardware that are combined for the purpose of gathering, processing, storing,

distributing, displaying, and subsequently using information in the interests of the state and its citizens [25].

To exchange electronic documents with officials of the relevant state body, state bodies of the Republic of Kazakhstan can use the Unified Electronic Document Management System of State Bodies (UESED), an electronic document management system. The transfer of the state apparatus to contemporary methods of a unified centralized cloud document management (OSDO) is currently under progress as part of the de-bureaucratization and digital transformation of the public sector in the Republic of Kazakhstan.

The novelty of this technology is that information, files, interchange, and storage of documents are offered as a "Cloud" and stored on the servers of the unified info communication operator JSC "NIT", making them accessible and safe from any location in the nation for any government agency.

As a result, the state agencies of the Republic of Kazakhstan are currently largely implementing the cloud document management OSDO "Documentolog" project, which enables the use of digital solutions to safely optimize the passage of official correspondence between government agencies, with the potential to work together on one draught document, eliminating duplication of orders, operational formation of analytical reports, as well as the translation of documents. So far, 320 GO territorial divisions, 69 state entities (28 central, 38 committees, 1 bureau, 2 departments of the Office of the President of the Republic of Kazakhstan), and 10 local executive bodies have all switched to cloud document management. Consequently, there are more than 24,000 users who are connected to cloud document management [26]. While cloud document management has been implemented, it should be focused that alternative electronic document management systems are still in use in various governmental offices of the Republic.

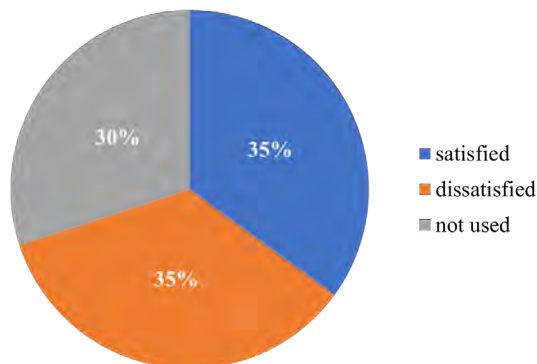
Discussion

The authors suggest becoming familiar with the findings of sociological surveys that were conducted among Republic of Kazakhstan civil servants in 2020 and 2022 in order to make a more thorough evaluation of the effectiveness of the electronic document management system in the country's public sector. Thus, 35% of civil servants note that it is more convenient for them to use the cloud-based document management system (OSDO) than the unified electronic document management system (ESED), according to the results of the 2020 survey among civil servants that compares the two systems.

However, 30% of government employees disagree, saying that they prefer the unified Electronic Document Management system (EDMS) to the cloud document management system (OSDO). They give Internet access issues and the system's unfriendly user interface as their reasons for doing so, both of which make it difficult to find and store the necessary documents. Perhaps because they don't use either system, the other 35% of federal servants find it challenging

to respond. (see Fig. 1).

Figure 1. Comparison EDMS and OSDO

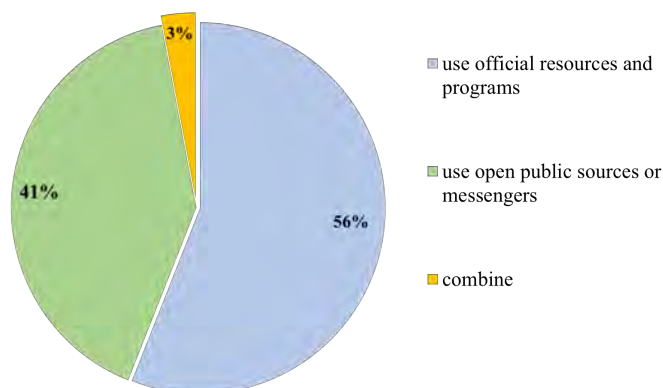

Source: compiled by the authors on the basis of a survey

Additionally, according to the survey results, 65% of respondents noted that the main advantages of the two systems is that they are fast and easy to use, but on condition of high-quality Internet and training in working with electronic document management systems.

Further, analyzing the results of a survey among civil servants from 2022, when asked whether they used official online resources or other social digital platforms when working remotely, 56% of civil servants answered that they used only official resources, 41% said that they used open public sources and messengers, 3%, they stated that they used both closed and open platforms (see Figure 2).

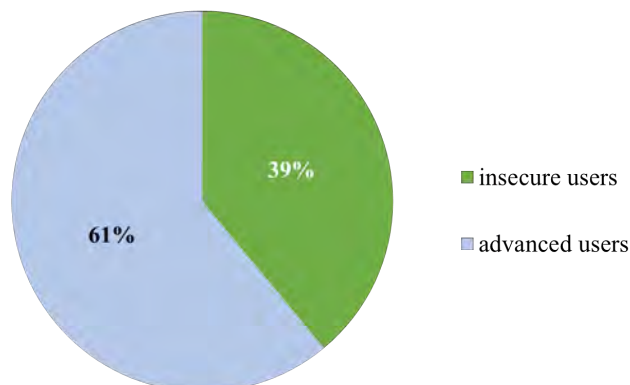
Figure 2. Comparison EDMS and OSDO

Source: compiled by the authors on the basis of a survey

Additionally, online employment adjusts for digital inequality on its own terms. Even while digital proficiency is a requirement for remote work for civil officials, it is still not at a sufficient level in the public sector. Accordingly, the poll found that 39% of government employees identified as insecure users, who had either a low degree of digital literacy or none at all, making it challenging for them to carry out their official tasks and functions online. Nevertheless, 61% of public sector workers regard themselves to be advanced users. (see Figure 3).

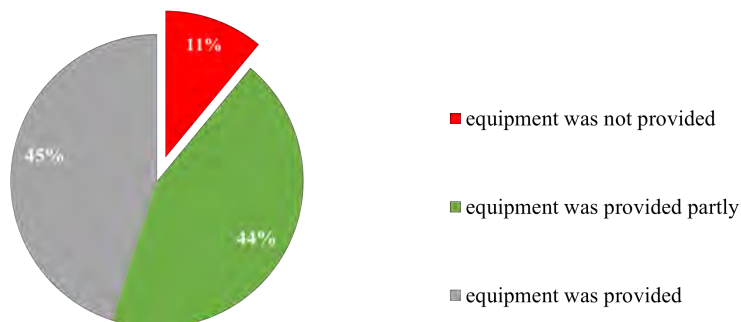
Figure 3. Digital literacy of government employees working remotely

Source: compiled by the authors on the basis of a survey

Additionally, the tools and technology utilized by federal workers to operate online are generally good. However, not all government organizations are able to provide their staff members excellent remote jobs. As a result, 44% of respondents said their workplace was not adequately equipped, and 11% of respondents said they had insufficient material and technical equipment when working remotely (see Figure 4). Nevertheless, 45% of the study's government servant participants gave their remote work a positive evaluation.

Figure 4. Digital literacy of government employees working remotely

Source: compiled by the authors on the basis of a survey

Conclusion and recommendations

The results of the research undertaken enable us to draw the conclusion that different levels of conditions are being created in Kazakhstan so that government entities can function remotely in terms of the law and technology. The Rules for the Use of Remote and Combination Work for Civil Service Employees have been prepared in specific.

A system for managing and exchanging electronic documents between governmental agencies in the Republic of Kazakhstan has also been introduced as part of the overall growth of information and communication technology. Additionally, a number of governmental services are actively given to the nation's citizens and other legal organizations on the E-gov digital portal within the framework of the e-government idea.

Additionally, it was discovered that up to 80% of the nation's government officials may theoretically operate remotely as a consequence of the research of the functional powers of the state entities of the Republic.

However, the efficiency of electronic document management and the setup of a remote workplace for civil servants themselves are both issues that are currently present when taking into account information and communication technologies used in the remote format business process in the public sector. In this regard, the following suggestions might be made to increase the effectiveness of remote employment in Kazakhstan's public administration system:

- Improve the user interface for searching and saving the relevant documents in the government agency' current cloud document management system.

- Increase platform security while employing digital ones. In this context, the government needs to pay special attention to the legislative regulation of digital security in the public sector of the country, in order to create a solid security system for data transmission, processing and storage, which will guarantee the protection of the interests of individuals, businesses and the state.

Additionally, it is essential that the servers hosting the data kept in the "cloud" are situated in the Republic of Kazakhstan. Because the owners of data centers will abide by local laws if they are located outside of our country, in the event of a legal dispute.

- To improve public employees' level of digital proficiency by routinely offering specialized training in the efficient use of digital platforms for remote work.

- to update the technical foundation and office furnishings for government workers who conduct remote work. In addition, all employees who have been moved to a remote work mode should have their virtual workspaces set to the same standard for all positions within the company.

In general, it's critical to comprehend how effective experience in the public sector (in relation to functional socio-economic models) might develop other

facets of national life.

Since doing remote activities has several benefits, one of which is reducing lost working time and promoting digitization, one of the state's strategic goals.

References

1. Capecchi, S., & Orientale Caputo, G. (2022). Job satisfaction and teleworking: a study on public administration workers in Italy. *Statistica Applicata - Italian Journal of Applied Statistics*, 34(1), 141–156. DOI: <https://doi.org/10.26398/IJAS.0034-006>
2. Toleikiene, R., Rybnikova, I., & Jukneviene, V. (2020). Whether and how does the Crisis-Induced Situation Change e-Leadership in the Public Sector? Evidence from Lithuanian Public Administration. *Transylvanian Review of Administrative Sciences, Special Issue 2020*, 149–166. DOI: [10.24193/tras.SI2020.9](https://doi.org/10.24193/tras.SI2020.9)
3. Lehtonen, O., Voutilainen, O., & Toivo, M. (2023) Telecommunications and digitalization opportunities for municipalities. *Terra* 135(1) 3–26 DOI: <https://doi.org/10.30677/terra.122269>
4. Nemeč, J., Drechsler, W., & Hajnal, G. (2020) Public Policy during COVID-19: Challenges for Public Administration and Policy Research in Central and Eastern Europe. *NISPAcee Journal of Public Administration and Policy*, vol.13, no.2, 3920, 11-22. DOI: <https://doi.org/10.2478/nispa-2020-0011>
5. Criado, J., Herranz, C., Villodre, J. (2021). Informal Virtual Learning in the Public Sector: Educating Public Servants in Digital Social Innovation Environments. *The Palgrave Handbook of the Public Servant*. Palgrave Macmillan, Cham. 1095–1112 DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-29980-4_46
6. Kostrova, J., (2020) Osobennosti ispol'zovanija informacionno-kommunikacionnyh tehnologij v gosudarstvennom upravlenii [Features of the use of information and communication technologies in public administration] *Nauchnye trudy Moskovskogo universiteta im. S.Ju Vitte. V. 7.* pp. 41-52. // <https://elibrary.ru/item.asp?id=46236830> [In Russian].
7. Borisova E., (2018) Jelektronnyj dokumentooborot v gosudarstvennom sektore Rossii [Electronic document management in the public sector of Russia] *Sbornik nauchnyh statej 8-j Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem: Tom 1. Kursk 2018.* pp. 100-103. // <https://elibrary.ru/item.asp?id=36765546> [In Russian].
8. Baranov R., (2021) K voprosu informacionnoj bezopasnosti pri organizacii udalenoj raboty gosudarstvennyh sluzhashhiih [On the issue of information security in the organization of remote work of civil servants] *Sbornik statej po itogam Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii NUI «Vysshaja shkola jekonomiki». Ekaterinburg 2021.* pp. 45-47. // <https://elibrary.ru/item.asp?id=44817126> [In Russian].
9. Dulambaeva R.T, Nurova B.A. Problemy perehoda na distancionnyj rezhim raboty gosudarstvennoj sluzhby [Problems of transition to the remote mode of operation of the public service] // <https://elibrary.ru/item.asp?id=46287330> [In Russian].
10. Absattarov, M. (2021). Ob organizacii kontrolja dokumentov i poruchenij i uslovijah udalenoj raboty. [About the organization of control of documents and orders and conditions of remote work.] *Gosudarstvennoe upravlenie i gosudarstvennaja sluzhba*, 2 (77), pp. 16-23. DOI: [10.52123/1994-2370-2021-50](https://doi.org/10.52123/1994-2370-2021-50) [In Russian].

11. Al'shanskaja, A. (2021). Vlijanie koronokrizisa na sostojanie rynka truda v Kazahstane. [The impact of the corona crisis on the state of the labor market in Kazakhstan] *Kazahstan-Spektr*, 98(2). https://doi.org/10.52536/KS/vol_98_issue_2_A5 [In Russian].
12. Prikaz Predsedatelja Agentstva Respubliki Kazahstan po delam gosudarstvennoj sluzhby «Ob utverzhdenii Metodiki po raspredele-niju administrativnyh gosudarstvennyh dolzhnostej korpusa «B» po funkcional'nym blokam» ot 11 avgusta 2021 goda № 138 [Order of the Chairman of the Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service Affairs "On approval of the Methodology for the distribution of administrative public positions of the building "B" by functional blocks" dated August 11, 2021 No. 138.] // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100023964> [In Russian].
13. Ministerstvo informacii i obshhestvennogo razvitija Respubliki Kazahstan [Ministry of Information and Public Development of the Republic of Kazakhstan] // <https://www.gov.kz/memleket/entities/qogam/about/structure/1/1?lang=ru> [In Russian].
14. Upravlenie vnutrennej politiki goroda Astany [Department of Internal Policy of Astana city] // <https://www.gov.kz/memleket/entities/astanauvp/about/structure?lang=ru> [In Russian].
15. Upravlenie po delam religii goroda Astany [Department of Religious Affairs of Astana city] // <https://www.gov.kz/memleket/entities/astanauadr/activities/directions?lang=ru> [In Russian].
16. Apparat Akima rajona «Esil» goroda Astany [The office of the akim of the "Yesil" district of Astana] // <https://www.gov.kz/memleket/entities/astana-esil?lang=ru> [In Russian].
17. Zakon Respubliki Kazahstan «O gosudarstvennyh sekretah» ot 15 marta 1999 goda № 349-1 [Law of the Republic of Kazakhstan "On State Secrets" dated March 15, 1999 No. 349-1] // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1012633 [In Russian].
18. Zakon Respubliki Kazahstan «O Mobilizacionnoj podgotovke i mobilizacii» ot 16 ijunja 1997 goda № 127-1 [Law of the Republic of Kazakhstan "On Mobilization training and mobilization" dated June 16, 1997 No. 127-1] // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000127> [In Russian].
19. Prikaz Ministra finansov Respubliki Kazahstan ot 19 marta 2018 goda № 392 «Ob utverzhdenii Pravil provedenija vnutrennego audita i finansovogo kontrolja». [Order of the Minister of Finance of the Republic of Kazakhstan dated March 19, 2018 No. 392 "On approval of the Rules of Internal Audit and Financial Control".] // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016689/history> [In Russian].
20. Prikaz Ministra finansov Respubliki Kazahstan ot 11 dekabrya 2015 goda № 648. «Ob utverzhdenii Pravil osushhestvlenija gosudarstvennyh zakupok». [Order of the Minister of Finance of the Republic of Kazakhstan dated December 11, 2015 No. 648. "On approval of the Rules for public procurement"] // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012590> [In Russian].
21. Ministerstvo informacii i obshhestvennogo razvitija Respubliki Kazahstan [Ministry of Information and Public Development of the Republic of Kazakhstan] // <https://www.gov.kz/memleket/entities/qogam/about/structure/1/1?lang=ru> [In Russian].
22. Upravlenie po delam religii goroda Astany [Department of Religious Affairs of Astana city] // <https://www.gov.kz/memleket/entities/astanauadr/activities/directions?lang=ru> [In Russian].
23. Zakona Respubliki Kazahstan «O religioznoj dejatel'nosti i religioznyh ob'edinenijah». [The Law of the Republic of Kazakhstan "On Religious activities and religious associations".] // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000483> [In Russian].
24. Zakon Respubliki Kazahstan ot 24 nojabrya 2015 goda № 418-V ZRK «Ob informatizacii» [Law of the Republic of Kazakhstan dated Novem-

- ber 24, 2015 No. 418-V ZRK "On informatization"] // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z150000418> [In Russian].
25. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan «Ob utverzhenii Pravil dokumentirovanija, upravljenija dokumentaciej i ispol'zovanija sistem jelektronного dokumentooborota v gosudarstvennyh i negosudarstvennyh organizacijah» ot 31 oktjabrja 2018 goda № 703. [Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan "On approval of the Rules of documentation, documentation management and use of electronic document management systems in State and non-state organizations" dated October 31, 2018 No. 703.] // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P180000703> [In Russian].
26. Akcionernoe obshhestvo «Nacional'nye informacionnye tehnologii» (JSC stock company «NIT»). Edinaja sistema jelektronного dokumentooborota [Joint Stock Company "National Information Technologies" (JSC "NIT". Unified electronic document management system)] // <https://www.nitec.kz/ru/proekty/edinaya-sistema-elektronного-dokumentooborota-go> [In Russian].

**Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы
Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ)
Қазақстан Республикасы Президентінің 1993 жылғы
16 маусымдағы Жарлығына сәйкес құрылған
мемлекеттік болжамдық-талдау мекеме.**

Талдау орталықтарының 2020 жылғы Дүниежүзілік индекс-рейтингіне сәйкес (Global Go To Think Tank Index Report, University of Pennsylvania) ҚСЗИ Кавказ, Орталық және Оңтүстік Азияның жетекші талдау орталықтарының үштігіне кіреді (58 орталықтан), сондай-ақ «Covid-19-ға ең үздік саясат және институционалдық жауап» номинациясы бойынша әлемнің топ ақыл-ой орталықтарының қатарына кірді. Бұл номинацияға әлемнің түкпір-түкпірінен 83 талдау орталығы кірді, олардың ішінде ҚСЗИ Орталық Азия елдерінен кірген жалғыз құрылым болды.

Институттың негізгі қызметі – Қазақстан Республикасы Президентінің қызметін мемлекеттің ішкі және сыртқы саясатының стратегиялық бағыттары бойынша талдамалық, зерттеу және сараптамалық қамтамасыз ету.

ҚСЗИ мекен-жайы мен байланыс телефоны:

Қазақстан Республикасы, 010000

Астана қ., Бейбітшілік к-сі 4

Тел.: +7(7172) 75-20-20

Факс: +7(7172) 75-20-21

E-mail: office@kisi.kz

www.kisi.kz

kisi_kz

kisi_kz

kisi.kz

kaz_iss

kisi_kz

